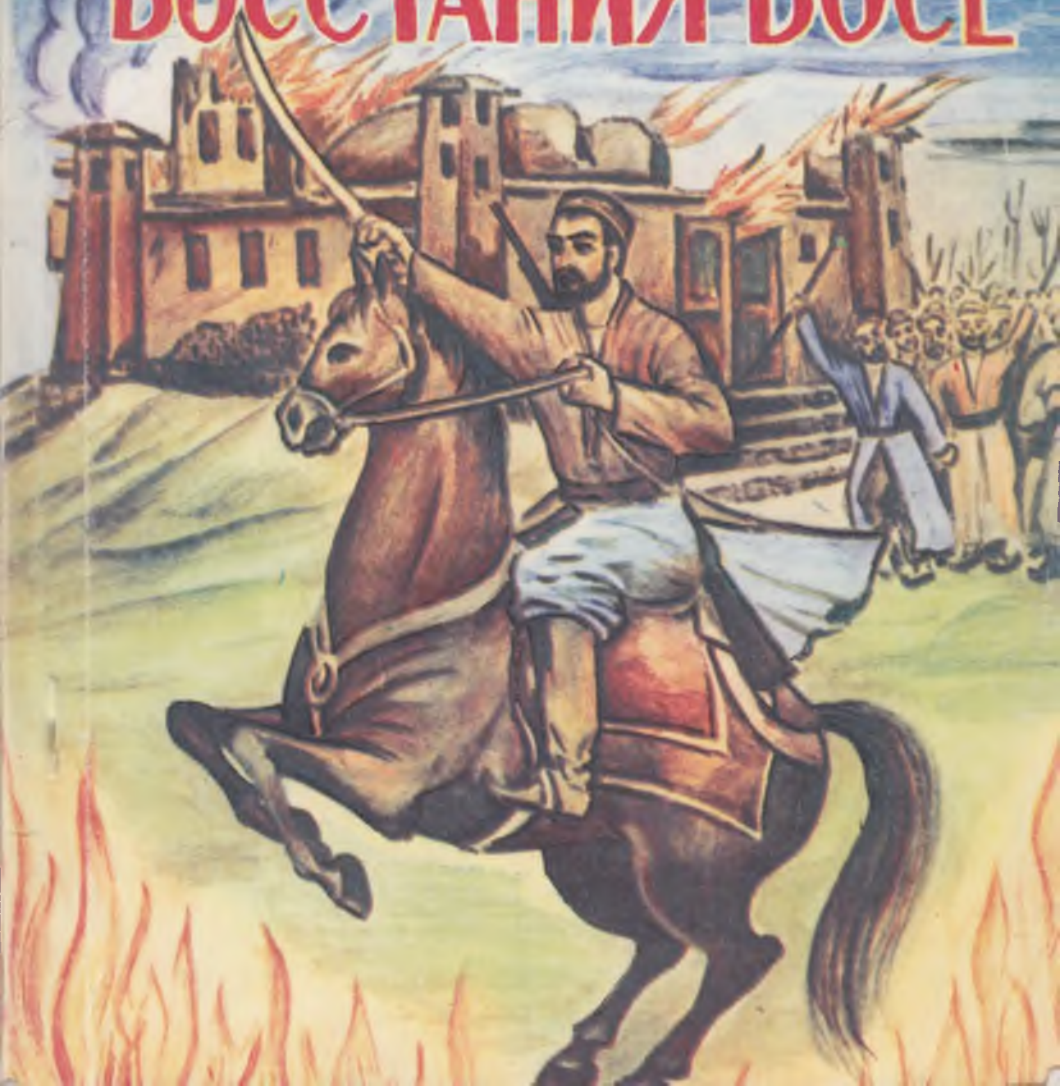

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ВОССТАНИЯ ВОСЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. А. ДОНИША

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОССТАНИЯ ВОСЕ

Ответственный редактор —
академик Р. М. МАСОВ

Издательство «Маориф»,
ДУШАНБЕ — 1998

Работа издана при спонсорской поддержке
председателя Республиканской корпорации

«Пахтаи тоджик»

ГУЛОМА БОЯКОВА

Пирумшоев Х. История изучения восстания Восе.— Душанбе:
«Маориф», 1998.— 140 с.

Работа посвящена обстоятельному историографическому анализу источников и литературы о крупнейшем национально-освободительном восстании под предводительством Восе (1888 г.). В хронологической последовательности автором прослежены основные этапы изучения восстания. Тщательному анализу подвергнуты почти все опубликованные работы различного характера, направления и жанра. Выявлены степень изученности вопроса, вклад исследователей в этом плане, раскрыты недостатки в освещении восстания, обоснована его датировка.

Работа рассчитана на специалистов, преподавателей, студентов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей таджикского народа.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
Н. Б. Хотамов,
кандидат исторических наук, доцент
Н. Д. Давлатбеков.

Душанбе,
издательство «Маориф»,
1998 г.

Физический адрес: Душанбе, ул. Рудаки, 10
2000 - 1000000

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории и памяти каждого народа среди множества событий особенно прочно сохраняются те, которые связаны с освободительной борьбой. Имена героев, сложивших голову во имя независимости, торжества дела справедливости, всегда вызывали и вызывают чувство гордости, восхищения благодарных потомков. К числу этих событий относится и восстание Восе обессмертившее имя своего руководителя. Оно служит ярким примером героизма трудового таджикского народа в борьбе против феодального гнёта и занимает одно из ведущих мест в истории народного движения Средней Азии периода позднего феодализма.

Для более полного представления исследуемой темы, определения степени изученности вопроса в отечественной исторической науке, вклада предшествующих исследователей в изучение восстания Восе автор данной работы посчитал необходимым дать краткое описание события. Это поможет читателю сориентироваться в основных исторических фактах, позволит ему получить более глубокое представление о восстании и личности, его возглавившем.

Основной причиной восстания явилось тяжёлое положение крестьянства и других социальных слоёв трудового населения Восточной Бухары, вызванное усилившейся жесточайшей эксплуатацией со стороны представителей центральной и местной администрации.

Присоединение Средней Азии к России создало условия для втягивания её в орбиту капиталистического развития, влияние которого не могло не отразиться и на Бухарском эмирате, находившемся под протекторатом царизма. Ослабление устоев натурального хозяйства, оживление товарно-денежных отношений привели к усилению эксплуатации. Подати и сборы устанавливались независимо от урожая и взимались деньгами, что в условиях Восточной Бухары, при отсутствии внешних и крайне слабых внутренних рынках, крестьяне и другие эксплуатируемые слои населения (скотоводы, ремесленники и т. д.), естественно, оказались в крайне тяжёлой ситуации. Всё это приводило к проявлению недовольства со стороны трудящихся в тех или иных бекствах.

Уже с первых дней насильственного присоединения Восточной Бухары местные власти ощутили ненависть трудового населения к их режиму и способу управления, хотя были сохранены все порядки предыдущих управлений краем.

Присоединение Восточной Бухары к ханству только усиливало классовую борьбу.

К числу первых крупных выступлений, направленных против мангитского режима, относится восстание 1870 года которое произошло в Бальджуанском бекстве. Поводом к нему стала чрезмерная сумма контрибуции и произвольное увеличение размеров хараджа и закота беком Абдукаримом, сыном бывшего самаркандского бека Шерали-инака.

Восстание началось в июле и в нём приняли участие около двух тысяч бедняков. Они «окружили Бальджуан и сутки держали его в осаде». Абдукариму только при помощи сильных воинских отрядов, приелашных гиссарским беком, удалось подавить восстание¹. Об этом восстании Туркестанскому генерал-губернатору доносил начальник Зеравшанского военного округа в рапорте от 17 июля 1870 года, в котором говорилось, что волнение имело место также и в Кулябе². Волнения в Кулябе и Бальджуане не прекращались и в середине 70-х годов. Сведения Н. Маева, первого русского путешественника, посетившего этот край, ясно свидетельствуют об этом.

Указывая на причины недовольства населения Куляба и Бальджуана, Н. Маев писал: «Оно (т. е. население — Х. П.) недоволио бухарским правительством за то, между прочим, что все должностные места в бекстве замещены теперь людьми, чуждыми краю, приехавшими из Бухары и, конечно, не упускающими удобного случая набить карман, чтобы вознаградить себя этим способом за скучную жизнь в далёкой и нездоровой стране»³. Положение до такой степени было серьёзным, что Н. Маев, выражая уверенность в неизбежности народных волнений, сомневался в силе бальджуанского бека. «Так что рано или поздно,— писал он,— здесь возникнут серьёзные беспорядки и тогда Сары-хан (бывший независимый правитель — Х. П.), конечно, не замедлит снова явиться среди своего народа. Противопоставить же народному волнению значительную силу бухарское правительство не может. В Кулябе и Бальджуане расположено только по одной сотне сарбазов. Чтобы усмирить Куляб, эмиру придётся снова предпринимать поход из Бухары»⁴. О том, насколько были реальны опасения Н. А. Маева, показал дальнейший подъём народных волнений в этом районе, особенно в 80-х годах.

Народные волнения против бухарских мангитских завоевателей после захвата края проходили в Дарвазе и в других

бекствах Восточной Бухары. Говоря о настроении более отдалённых населённых пунктов Дарваза, капитан Кузнецов в одном из своих писем отмечал, что «здесьшее население почти не признаёт власти Бухарского эмира»⁵. Член экспедиции генерала Столетова, И. Яворский, возвращаясь из Афганистана (в конце 1878 — начале 1879 гг.) через Бухару, заметил, что обстановка в эмирате, особенно в Восточной Бухаре, беспокойная, что население всюду проявляет недовольство существующими порядками⁶.

Следует отметить, что, как в завоевании Восточной Бухары, так и в подавлении народных волнений, бухарский эмир широко использовал поддержку русских властей. Это видно на примере подавления с помощью русских войск в 1877 году восстания населения Дарваза против Музаффера⁷. Об этом писал, например, М. А. Варыгин: «Народ не любит эмира... Эмир знает, какие чувства питают к нему, но он знает также, что за его спиной русские штыки»⁸. Указывая на продолжающиеся народные волнения и действия в этой связи русских властей, Д. Н. Логофет писал: «Целый ряд народных восстаний с 1875 по 1890 год в Гиссарском крае и в других вновь присоединённых бекствах доставили много хлопот бухарскому правительству, железными тисками сжавшему население, а обложение его чрезмерными податями вызвало и позднее новые взрывы, оканчивающиеся умирениями и казнями восставших и примкнувших к мятежу.

Злоупотребления административных властей — беков, закотчи и амлякдаров не знали ни предела, ни меры, благодаря чему почти постоянно повторялись эти возмущения, подавлявшиеся при содействии русских властей, оказывавших в некоторых случаях помощь бухарской администрации в усмирении неповинующихся»⁹.

Народные волнения особенно усилились в Кулябской долине. В 80-е годы ряд восстаний произошёл в Кулябском и Бальджуанском бекствах. Положение усугублялось сокращением урожая вследствие повторявшихся в течение нескольких лет засух и нашествия саранчи, которых представители власти не желали брать во внимание. Они не только забирали почти весь урожай, но и взымали оставшиеся недоимки со следующего урожая, что стало поводом для восстания 1885 года, охватившего территории Муминабада Кулябского бекства. Следует отметить, что в исторической литературе до 60-х годов это восстание отождествлялось с восстанием Восе, и в официальной литературе до последнего

времени (за исключением исследователей И. А. Стеценко и К. Э. Хакимова, которые впервые — в начале 60-х годов — выдвинули мнение о том, что восстание Восе произошло в 1888 году)¹⁰ прочно утвердилась неверная его датировка 1885 годом. Согласно архивным документам восстание 1885 года было самостоятельным восстанием. События, связанные с этим восстанием, протекали следующим образом: 1885 год выдался урожайным после нескольких лет засухи и налёта саранчи. Чиновники решили не упускать случая и потребовали недонмки за неурожайные годы. Крестьяне послали ходоков-жалобщиков к эмиру, чтобы поставить его в известность о произволе (это свидетельствовало о том, что крестьяне в силу своей неосведомлённости и ограниченности мировоззрения верили в справедливое решение вопроса со стороны эмира, не зная о том, что цены устанавливались согласно подписанной им грамоте, в которой указывались цены на продукцию соответственно справочным данным, собранным представителями власти на базарах). Не добившись решения своего вопроса, крестьяне подняли восстание.

Активными участниками и руководителями восстания 1885 года в Муминабаде были Мулло Мирзо, Мулло Барот, Саид, Мулло Давлат, Рахмон, Мулло Назри, Мухаммад Алим, Одина Мухаммад. Восстанием были охвачены ближайшие селения. И хотя оно было подавлено, недовольство крестьян проявлялось до марта 1886 года и стихло лишь после смещения ненавистного кулябского бека Мухаммад Назир-бия.

Такое же недовольство почти постоянно наблюдалось и в Бальджуанском бекетве. Оно выражалось по-разному, но наиболее распространёнными формами было устное несогласие с действиями местных властей; отказ от выплаты налогов и податей; отправление ходоков к эмиру с жалобой на незаконные действия местной администрации; массовое переселение (преимущественно кочевых докайских скотоводов) в пределы соседних владений, неподвластных эмиру, и, наконец, вооружённое восстание. Все это подтверждают события, происходившие в этом бекетве накануне восстания Восе.

Как правило, жалобщики не находили защиты и у самого эмира. Бывали случаи, когда по его велению жалобщики, или ходоки, как иначе их называли, подвергались жестокому наказанию. Например, имеется достоверное сведение о том, что в 1886 году эмир распорядился наказать двух жалобщиков из Бальджуана 75 ударами каждому¹¹.

В том же году к эмиру не пустили делегацию, состоящую из 200 представителей кочевых узбекских племён марка и локай, а их письменная жалоба осталась нерасследованной. После этого они были вынуждены покинуть пределы Балыджуанского бекства¹².

В конце 1885 — начале 1886 годов произошёл восстание в долине реки Яхсу в Сари-Пулском амлякдарстве Балыджуанского бекства. В этом же бекстве в 1877 году произошло восстание крестьян под руководством Алашио. Недовольство крестьян и его проявление в той или иной форме наблюдалось и в других бекствах. Всё это подготавливало почву для более крупного организованного выступления крестьян, каким явилось восстание под предводительством Восе.

Недовольные крестьяне из окрестностей Ховалинга отказались платить налог. Из-за нежелания представителей администрации пойти на какие-либо уступки и принять компромиссное решение, начались столкновения, в ходе которых был убит сборщик закота. Этот инцидент явился поводом для восстания. Переполнившаяся чаша терпения толкнула крестьян встать на путь решительных действий. Руководителем восстания был избран Восе (в народе известен также как Абдул Восе и Мулло Восе), сын бедного крестьянина из Даран Мухтора (горное селение севернее Ховалинга). Его дед и отец из-за малоземелья и трудностей высокогорья, где раньше они проживали, переселились с семьёй в Ховалинг. Восе, как и большинство его сверстников, рано начал испытывать на себе все сложности нелёгкой дехканской жизни. Весной и летом работал в поле, зимой — на маслобойне. Благодаря своей смелости и чувству справедливости заслужил авторитет среди односельчан. По некоторым данным, будучи участником сопротивления против войска эмира бухарского (1869—1970 гг.), Восе получил основные навыки ведения боевых действий, которые пригодились в период руководства восстанием.

Собрав значительные силы из числа местных крестьян близлежащих селений, Восе и его сподвижники решили вначале добиваться удовлетворения своих требований мирным путём. Для этой цели они послали к беку в крепость Балыджуана своих представителей для ведения переговоров о мирном решении вопроса.

Отряд Восе, насчитывающий 700—800 крестьян, собрался в Калан Мир — крепости, или укрепленном пункте оборонительного значения, сооружённом последним и самым

энергичным властелином Бальджуана и Куляба Сара-беком (или Сара-ханом), который после отчаянного, но безуспешного сопротивления против эмира бухарского за сохранение самостоятельности этих владений, спасся бегством в Афганистан. Там он жил до конца своих дней (в год восстания, т. е. в 1888 году, он был жив и надеялся выждать момент, когда удастся вернуть себе свои потомственные владения).

Затем Восе избрал для своего лагеря равнинное место на горе Сурхсакова (примерно в 10 км от Ховалинга). Узнав, что его посланники арестованы, он направил во все крупные селения Бальджуанского и Кулябского бекств своих представителей с призывом подняться на священную войну за справедливость. На этот призыв откликнулись тысячи людей, обиженных, униженных и доведённых до отчаяния.

После первых приготовлений восставшие во главе с Восе направились (судя по имеющимся данным, — в середине июля) в сторону административного центра бекства Бальджуана с целью захвата «гнезда зла», бекской крепости. Бек Бальджуана спешно собрал войска во главе с Садык-беком и встретил восставших в селении Тути Кози (около 20 км севернее Бальджуана). Плохо вооружённые, но имеющие превосходство в численности, люди из отряда Восе одержали первую победу и подошли к крепости. Об ожесточённости боёв за крепость свидетельствует тот факт, что она дважды переходила из рук в руки. Были уничтожены основные силы бека (в числе убитых оказался и Садык-бек), незначительная часть войска во главе с самим беком Бальджуана спаслась бегством. Восставшие овладели крепостью.

Из заключения были освобождены приговорённые беком к смертной казни члены делегации, посланные Восе для ведения переговоров. Восставшие захватили оружейный склад. Они конфисковали накопленное нечестным путём имущество бека и его приближённых.

Первый внушительный успех вселял в восставших не только радость победы, но и чувство самоуверенности, переоценку своих сил и недооценку сил противника. Они не пытались преследовать и уничтожить полностью войска бека. Последнему удалось укрепиться в Кангурте, откуда он оперативно отправлял гонцов к соседним правителям с просьбой о помощи. Особая надежда им была возложена на гиссарского бека Астанакула-кушбени, назначенного на эту должность весной 1886 года. Одновременно тот выполнял функции наместника эмира в Восточной Бухаре (до него

эту функцию выполнял каратегинский бек Худойназар, под начальством которого войска эмира Музафара нанесли поражение местным владетелям и окончательно утвердили власть эмира в Восточной Бухаре).

Получив известие о восстании, Астанакул-кушбеги немедленно поспешил сообщить об этом эмиру, что свидетельствовало о сложности создавшейся ситуации и критическом положении местных властей. Ознакомясь с нюансами административного управления Бухарского эмирата, нетрудно убедиться в том, что местные правители боялись придавать широкую огласку подобным событиям, стремились сохранять видимость спокойствия и благополучия в бекствах, чтобы тем самым не вызвать гнев эмира, который в подобных случаях подвергал беков суровому наказанию, как несправляющихся со своими обязанностями, иначе говоря, за неспособность держать подвластное им население в страхе и полной покорности. Но невиданный размах восстания, вызвавший паническое смятение у представителей власти, разрушил все рамки их предосторожности и уверенности в своих силах.

Среди сохранившихся в архивах документов и из других источников, о которых подробно речь идёт в данной работе, имеется немало фактов, свидетельствующих об особой активности крестьянских масс — участников восстания, вызвавшего растерянность в действиях эмира и его ставленников.

На просьбу бальджуанского бека о помощи первым откликнулся кулябский бек, направивший на подавление волнений большой отряд сарбазов.

Нерешительные действия повстанцев по преследованию и уничтожению остатков войска бека дали возможность последнему беспрепятственно пополнить свои ряды из числа враждебно настроенных восстанию лиц (представителей местных феодалов, духовенства, а также организованного из числа зажиточных представителей кочевого племени локай отряда (во главе с разбойником Тугайем). К этому времени прибыл отряд сарбазов из Кулябского бекства. Между тем, восставшие не придавали особого значения охране крепости и в основном готовились к отражению наступления правительственных войск, которые по распространившимся слухам должны были прибыть в скором времени со стороны Гиссара и стягивали основные силы ближе к местам предполагаемых наступлений войск эмира. Тем временем бек направил все силы для овладения крепостью. После нескольких сражений с отдельными отрядами повстанцев ему уда-

лось занять крепость, но, однако, ненадолго. Создавшаяся ситуация вынудила Восе вновь предпринять поход на Бальджуан, в результате которого бек вновь потерпел поражение, потеряв много живой силы, в том числе убит был его начальник отряда сарбазов Аллаёр.

На этот раз бек с остатками своих воинов бежал в Кизыл Мазар. Слухи о восстании Восе распространялись по всей территории Бухарского эмирата. Границы народных волнений в период их активного роста распространились на западе — до Гиссара, на востоке — до Дарваза.

Не задерживаясь в Бальджуане, основные силы повстанцев поспешили снова в Кангурт, чтобы занять удобную оборонительную позицию.

В это время отряд Якуб-бека с большими трудностями (по дороге из-за большой спешки в очень жаркое время года погибли 80 сарбазов) прибыл в Гиссар. Объединив с этим отрядом свои войска, Астанакул-кушбеги немедленно выступил в поход. Восе, учитывая наиболее невероятные маршруты продвижения войск противника, поручил своим первым друзьям — руководителям отдельных повстанческих групп (в их числе Назиру Кариму, Наиму, Нозиму, Мухаммадямину, Муродали, Рахимбою, Саидали, Давлату) занять удобные позиции. Особое значение придавалось захвату Пудисангинского ущелья и разрушения единственного моста на реке Вахш, через которых проходил путь в Бальджуанское бекство.

Несмотря на принятые меры, в частности, разрушение моста и установление строгого наблюдения за ущельем (эту задачу Восе возложил на отряд Нозима — одного из руководителей), Астанакулу всё же удалось переправиться через Вахш у селения Нурек на плотах, которые были сооружены местными жителями по принуждению.

Развернулись боевые действия. Восставшие отчаянно сопротивлялись. Но ввиду явного преимущества в вооружении войска Астанакула нанести повстанческим отрядам поражение в Туткауде и Кангурте. Отступая от Кангурта к Бальджуану, Восе нанёс несколько ощутимых ударов по войскам Астанакула. Однако ряды восставших постепенно растаяли. Восе покидали случайные попутчики.

Вдохновлённые наступлением Астанакула, реакционное духовенство, местные феодалы, аристократическая верхушка локайцев, сплотились вокруг Мирзо Акрама — бальджуанского бека. Восе с остатками своих отрядов отступил в горный кишлак Сарынул (северо-восточнее Ховалинга). Начал-

ся жестокий террор и расправа над участниками восстания. Из-за отсутствия соответствующих материалов трудно представить точно количество убитых в боевых действиях и казнённых властями, но даже по тем скудным данным, полученным в ходе подготовки данной работы, можно судить, что жестокость не имела границ. В сообщениях, поступавших в Ливанский департамент МИД России от политического агента в Бухаре (от 6 до 17 августа 1888 г.), например, говорится, что: «Астанакул-бек Кушбеги Хиссарский из отложившихся бальджуанцев захватил 130 человек арестованных и отправил в Шахрисабз к его высокостепенству»¹³. В другом документе, датированном от 27 августа 1888 года, сообщается, что «из числа бальджуанских злоумышленников 40 человек по приказанию его высокостепенства (т. е. эмира — Х. П.) преданы смертной казни в Китабе»¹⁴.

Скрываясь от преследования, Восе совершил довольно дерзкое нападение на сарбазов бека и местных богачей. Он пытался снова собрать крестьян и продолжить борьбу. Постепенно растеряв почти всех своих соратников, он некоторое время скрывался в горах Ховалинга в местечке Девлох. Примерно в конце августа (не позднее 27 августа по новому стилю) был предательски схвачен и отправлен к эмиру в Шахрисабз, где его казнили.

Таким образом, восстание Восе, в котором активно участвовали представители всех местных эксплуатируемых сословий, как и другие крупные восстания периода феодализма, потерпело поражение.

Причины поражения как этого, так и других подобных восстаний, кроются в их стихийном характере. Однако несмотря на поражение, восстание Восе, глубоко расшатывая устои феодализма в Бухарском эмирате, стало школой борьбы бесправного и угнетённого народа против своих эксплуататоров.

Факты свидетельствуют о существенном влиянии восстания Восе на дальнейший ход освободительного движения всех слоёв трудящихся Восточной Бухары, которое продолжалось ещё долго после его подавления. «Под влиянием этого восстания,— пишет М. Хамраев,— в Каратаге происходило крупное волнение наёмных ремесленников-ткачей, так называемых халифа. В нём участвовало около тысячи ткачей города и его окрестностей»¹⁵. Эти волнения заставляли представителей административных властей задумываться об опасности, которая грозила им. «Эти страшные кровопролитные мятежи,— отмечал Д. Н. Логофет,— потрясая всю стра-

иу, заставляли неволью административных лиц быть осторожнее и не слишком угнетать и обирать свои районы»¹⁶.

Учитывая недовольство народа, эмир часто менял беков. По сведениям М. А. Варыгина, например, до 1905 года в течение 28 лет в Кулябском бекстве перебывало 19 беков, «средний из них пробыл в Кулябе 2 года»¹⁷. В. И. Липский писал о том, что в Бальджуане Авлиакул-бека убрали по жалобам жителей, которых он обижал¹⁸.

Бухарские власти, учитывая, что в любое время могло произойти столкновение с местным населением, в некоторых местах Восточной Бухары (в Гиссаре, Кулябе, Бальджуане, Калаи-Хумбе) держали наготове известное количество бухарских сарбазов (солдат). М. А. Варыгин, сомневаясь в их пользе, отмечал, что войска приготовлены на случай возможного осложнения внутри страны¹⁹. О степени подчинённости сарбазов, об их враждебном отношении ко всяким проявлениям народного недовольства свидетельствует копия донесения Политагентства от 24 января 1889 года. В нём сказано: «Бухарские сарбазы настолько привыкли подчиняться своим военачальникам, что в случае народного бунта против эмира они по приказанию начальников своих будут стрелять в кого угодно, даже в мулло и родственников своих»²⁰.

Но какие бы меры не принимались со стороны административных властей, они не могли ослабить народных волнений.

Начало двадцатого столетия ознаменовалось новым подъёмом революционного движения в России и на её окраинах. Под влиянием этих движений усилились народные движения в Восточной Бухаре. По сведениям Д. Н. Логофета, в 1901 году в Денауском, в 1902 году — в Курган-Тюбинском и других бекствах происходили народные волнения, при которых беки, закотчи и амлякдары подвергались жестокому избиению со стороны населения, не выносящего произвола и злоупотреблений²¹.

Первая русская революция 1905—1907 гг. дала мощный толчок движению народных масс Восточной Бухары против своих угнетателей. «С 1907 года, — пишет Д. Н. Логофет, — в ханстве уже начало замечаться глухое брожение среди населения... Отзвуки волнений в Персии, а затем в России и в областях Средней Азии ещё более взвятили настроение... Предположения о возможности беспорядков как бы носились в воздухе, передаваясь откуда-то в виде слухов крайне неопределённого характера. Сидя в глухом кишлаке Восточной Бухары, нам приходилось неоднократно слышать

различные свежие новости от многих лиц, то сообщавших, что были беспорядки в Гиссарском бекстве, где избили ам-лякдара, то откуда-то появлялся слух, что народ расправился в Денау с закотчи. Глухое недовольство беками выливалось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, и, наконец, вполне определённо заговорили о возможности народного восстания в ханстве»²². Во время революции 1905—1907 гг. происходит крестьянское восстание в Бальджуане²³. Тот же Логофет писал о «беспорядках», происходивших в марте 1909 года во время празднования Навруза в некоторых городах ханства, в том числе в Гиссаре и Кулябе. В Кулябе бек вынужден был прятаться в своём дворе.

Почти в это же время и несколько позже в некоторых таджикских кишлаках различных бекств были избиты бухарские чиновники. Настроение населения было крайне тревожным. Об этом свидетельствуют сообщения кулябского бека командиру пограничного отдела, высланному на помощь в Куляб конный разъезд, а также и начальнику Термезского гарнизона, направившему в Куляб конно-охотничью команду²⁴.

Следует отметить, что по мере втягивания края в орбиту капиталистического производства, в усилении освободительной борьбы важную роль играли отходники, хотя этого не могли заметить дореволюционные исследователи. «Ежегодно,— по мнению Б. И. Искандарова,— от 15 до 20 процентов взрослого мужского населения уходило на побочные заработки в города Бухары, Средней Азии и Закавказья»²⁵. Отходники были первыми полупролетарскими элементами в Восточной Бухаре. Прогрессивное значение отходничества состояло в том, что благодаря ему часть населения втягивалась в орбиту общественной жизни²⁶.

В трудах советских исследователей приводится ряд примеров, доказывающих, что организаторами народных волнений, особенно в начале XX века, нередко являлись отходники. К их числу относится Каландаршо, руководивший борьбой трудящихся Каратегина. До революции 1905—1907 гг. он работал в Фергане, Ташкенте и Баку, а затем вернулся в Каратегин революционно настроенным и возглавил народную борьбу²⁷. По сведениям, полученным Б. И. Искандаровым от старожиллов Кулябской области, восстаниями, происходившими в годы первой русской революции, руководили отходники²⁸. В распространении освободительных и революционных идей немалая заслуга принадлежала так-

же отдельным военнотружущим, которые находились в частях, расположенных в Восточной Бухаре и на Западном Памире. Первая мировая война и усиление кризиса капитализма, новый подъём революционного движения в России подняли на последнюю победоносную атаку против угнетателей и народы Восточной Бухары.

Предлагаемое исследование посвящено обстоятельному историко-географическому анализу имеющихся опубликованных, неопубликованных источников и литературы, посвящённых крупному освободительному восстанию под предводительством Восе (1888 г.). В нём в хронологической последовательности прослеживаются основные этапы изучения восстания. Тщательному анализу подвергаются почти все опубликованные работы различного характера, направлений и жанра. Выявляются степень изученности вопроса, вклад в этом плане того или иного исследователя, раскрываются недостатки в освещении истории восстания.

На основе имеющихся источников обстоятельно освещаются предпосылки восстания, его главные причины. Углублённо и широко представлена общая картина восстания. Анализируются причины разногласия в определении даты и документально обосновывается датировка восстания.

В работе большое внимание уделено и историческому анализу события, что проливает свет на многие неизвестные штрихи восстания. Это позволяет чётко расширить представления о героическом подвиге Восе и его сподвижников против феодального гнета и несправедливости во имя свободы и справедливости.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

Восстание Восе как высшее проявление недовольства трудового народа не было случайным. Оно явилось закономерным итогом тех социальных противоречий, которые обострились в связи с усилением феодального национального гнёта. Феодальная эксплуатация особенно усиливалась после окончательного присоединения самостоятельных и полусамостоятельных владений Восточной Бухары к Бухарскому эмирату в конце 60 и 70-х годов прошлого столетия. В этом немаловажную роль сыграли представители царской администрации, главным образом туркестанский генерал-губернатор, благословлявший эмира на завоевание этих мест в качестве компенсации за потерянные им северные области эмирата — Ходжента, Ура-Тюбе, Джизака, Самарканда, Катта-Кургана, которые вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства под названием Зеравшанский округ.

Структура бухарского административного управления была приспособлена в основном для угнетения и ограбления трудящихся. Несмотря на отсутствие законодательного учреждения, юридически не оформленные и не упорядоченные права и обязанности (как правило, лишь по нормам шариата) административно-должностных лиц, полный застой в государственном управлении, где не учитывались новые явления, связанные с изменениями, происходившими в социально-экономической жизни края вследствие установления протектората России над эмиратом, всё же нельзя не заметить влияния российского капитализма. Эти изменения в той или иной степени отражены в трудах исследователей, посвящённых проблемам истории края второй половины XIX — начала XX вв. По их мнению, втягивание эмирата в орбиту капитализма способствовало началу ломки устоев

патурального хозяйства, оживлению товарно-денежных отношений, что не могло не повлиять на социальную жизнь эмирата в целом. Начинался процесс дифференциации крестьян, из среды которых появились новые эксплуататоры: баи, ростовщики, купцы и др.¹ «Бухара,— пишет Б. И. Искандаров,— последовательно втягивалась в общий товарооборот России и становилась неотъемлемой частью капиталистического развития России. Экономика эмирата всё более приспосабливалась к нуждам и потребностям метрополии»².

Но следует отметить, что вышеуказанные социально-экономические изменения открывали широкий простор лишь для усовершенствования механизма эксплуатации трудового народа. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, приведённые в работах русских дореволюционных авторов, подавляющее большинство которых, путешествуя по краю, давали довольно подробное описание жизни местного населения.

Посетившие край во второй половине XIX — начале XX вв., русские исследователи дают довольно цельную картину административного устройства и социально-экономического положения эмирата в целом, восточной его части в особенности. Естественно, что без знакомства с их сведениями, независимо от того, что некоторые из них побывали здесь уже после восстания Восе (структура административного управления не претерпела никаких изменений вплоть до победы народной революции в Бухаре), представление о той социальной среде, на почве которой созревало и вырвалось наружу недовольство масс, было бы далеко неполным. К более обстоятельному анализу имеющихся данных об административном устройстве бекетв Восточной Бухары, о налоговой политике эмирата и её применении в этих бекетвах побуждает и отсутствие специального исследования. Хотя вопросы, касающиеся административного устройства и налоговой политики, в той или иной степени нашли отражение во многих работах советских исследователей (А. А. Семёнов, Б. И. Искандаров, Н. А. Кисляков, А. М. Мухтаров, А. Р. Маджлисов, Н. М. Акромов, Т. Г. Тухтаметов, М. Хамроев, Ш. Т. Юсунов, О. Б. Бокиев и др.), однако тщательный анализ сведений, приведённых в работах русских исследователей, даёт возможность представить более полную картину административного деспотизма, феодальной эксплуатации и бес-

правления трудового народа, которые стали причиной непримиримой борьбы против эксплуататоров.

Говоря об административном управлении, русские исследователи сходились во мнении о его отсталости и деспотизме. «Административное устройство Бухарского ханства,— писал Д. Н. Логофет,— является крайне сложным, далеко не удовлетворяет потребностям страны, являясь во многом пережитком далёкого прошлого, отходящего в область преданий даже в Персии»³. И. И. Гейер называет образ правления в Бухаре деспотическим⁴.

В соответствии с утвердившимся территориально-административным делением в эмирате из вновь присоединённых земель в конце 1860-х — 70-х годов были образованы бекства: Байсунское, Денауское, Гиссарское, Кулябское, Кабадидское, Курган-Тюбинское, Бальджуанское, Каратегинское и Дарвазское. Беки, назначенные эмиром, являлись полновластными хозяевами своих владений. «Права и обязанности беков.— писал И. А. Бендерский,— никакими вообще законами в Бухаре не определены». По его словам, зависимость бека от Бухары выражалась в отprawке подарков и в остальном бек был полным властелином своего края⁵. Это подтверждается и А. Е. Снесарёвым. «По существу,— отмечает он,— бекства отдаются эмиром беку в полное и бесконтрольное хозяйничанье, при условии, что бек ежегодно будет выплачивать своему повелителю более или менее определённое количество денег и известных предметов»⁶. А. Галкин сравнивает беков с русскими воеводами допетровского времени, получавшими города и целые области на кормление⁷.

Степень самостоятельности бека зависела от отдалённости бекства от Бухары. Власть беков, по свидетельству Д. Н. Логофета, «вполне зависела от удалённости бекства от Бухары, причём беки Восточной Бухары пользовались несравненно большей властью, чем беки западной». Указывая на стремление сохранения властями незыблемости отсталого традиционного управления, В. В. Бартольд верно заметил, что вплоть до революции 1920 года в Бухаре характер местного управления не изменился. В отдельных бекствах — Дарвазе, Каратегине, Кулябе и Курган-Тюбе беки чувствовали себя почти независимыми властителями⁸.

О самостоятельности бека свидетельствует и тот факт, что в его распоряжении имелся многочисленный штат чиновников, которых он сам назначал из числа угодных ему людей на все административные должности доверенного ему

края. Этим он имел возможность осуществлять самые вопиющие злоупотребления⁹. В связи с таким положением А. С. Семёнов писал: «В каждом городе, куда придёт новый губернатор (т. е. бек, — *Х. II.*), к его услугам многочисленный штат покорных приближённых и великое множество безответных слуг»¹⁰. Д. П. Логофет составил своего рода таблицу (перечень) чиновников, находившихся при беке, и их должности, начиная от есаул-баши, помощника бека (вторым лицом после бека, как правило, считался диван-беги) и кончая навкаром. Только в шопрд-пеша (чиновники свиты для поручений) насчитывалось от 50 до 200 человек в чинах до мирахура, навкаров — для перевозки почты и охраны — от 200 до 300 человек в чинах до караул-беги, не говоря уже о других чиновниках и их прислуге¹¹. Кроме того, по сведениям того же источника, из местных родовитых людей при беках состояли особые акакалы, численностью от 5 до 15 человек, в чинах от караул-беги до бия, которые назначались эмиром. В отношении всех своих чиновников, кроме местных (тех, которые назначались эмиром), бек пользовался правом смены их в любое время¹².

Даже в таком бедном бекстве, как Дарвазское, при беке имелись многочисленные чиновники. Капитан Кузнецов свидетельствует: «При нём (т. е. при беке — *Х. II.*) находится целый синклит бухарских чиновников, как-то: 5 биев, 5 пагосы (т. е. ишикогобоши — *Х. II.*), 3 тохсабы и неограниченное число мирахуров, караул-беги, джевачи, мирза-баши, чиргосты и нукеров»¹³. М. А. Варыгин указывал на многочисленность должностных лиц при кулябском беке, сообщал, что у него «при дворе» находились такие должностные лица, как есаул-баши, правая рука, его помощник, диван-беги, эконом, 2 секретаря, несколько мирахуров, караул-беги, джевачи и прочие¹⁴. По сведениям Н. А. Бендерского, при гиссарском беке состоял следующий штат гражданских чиновников: 2 есаул-баши, 7 писарей, 85 старших чиновников, арзачи и 25 младших есаулов; при нём также имелось собственное войско, состоявшее из 50 пешеходов сарбазов при 6 полевых орудиях¹⁵.

После бека на местах (в амлякдарствах) вся полнота административной власти была сосредоточена в руках амлякдаров. Они собирали государственные подати через акакалов, аминов, арбовов, даруга и т. д. В служебном отношении амлякдары были почти так же бесконтрольны, как и беки¹⁶. У каждого амлякдара находились от 100 до 200 навкаров¹⁷, которых следует отнести к отдельной социаль-

ной категории, занимавшей промежуточное положение между эксплуататорскими классами и эксплуатируемыми¹⁸. Навкары частично или полностью были освобождены от податей и повинностей. «Навкары,— отмечал Кузнецов,— это особая милиция — пешая и конная, смотря по состоянию. По требованию эмира все чиновники обязаны тотчас же выставить своих навкаров, вооружённых, снаряжённых и снабжённых всем необходимым»¹⁹.

На высшие административные посты назначались исключительно крупные феодалы, т. е. те, кто имел возможность больше платить за должность или же принадлежал к известному роду. Подкуп и взяточничество получили столь широкое распространение, что без них немислимо было занять какое-нибудь положение в обществе. Д. Н. Логофет писал: «Система взяточничества настолько въелась во всю жизнь бухарской администрации, что взятка даже в глазах высших служащих считается законным доходом каждого, состоящего на службе, понятие о долге и чести среди администрации совершенно отсутствует»²⁰.

А. А. Семёнов, путешествуя в 1898 году по границам Бухары и Афганистана, хорошо подметил природу административного аппарата в Бухарском ханстве. «Полученное место губернатора (т. е. бека — Х. П.), как это водится на Востоке,— записывает он,— не обходится без известной мзды, если не в пользу эмира, то его влиятельных сановников»²¹. М. А. Варыгин сообщал, что чины даются эмиром правительственным чиновникам, а беки раздают должности местным чиновникам до караул-беги включительно за деньги²².

При назначении на какой-нибудь важный административный пост не принимались во внимание ни образование, ни служба. «Не только какое-либо образование, но даже простая грамотность,— отмечал А. А. Семёнов,— не обязательны для претендента на губернаторское (бекское — Х. П.) место»²³. Не редкостью было видеть безусых юношей в чине «датхо» (генерала), также 14—15-летнего мальчика (сына бека) в должности мирахура²⁴. Д. Н. Логофет имел встречи в Бальджуане с беком, которому было 22 года²⁵.

Давая общую характеристику административного строя, А. Е. Снесарев справедливо замечает, что режим этот крайне бюрократичен и централизован, в нём слишком много жёсткого деспотизма и слишком много возможностей для всякого произвола и неправды. «Эта особенность административного строя прежде всего сказывается в систематическом, непоправимом обеднении страны»²⁶.

Судебная власть была сосредоточена в руках главного казния, назначаемого также эмиром и проживающего, как и бек, в городе. По своему социальному происхождению казии принадлежали к духовенству. «Казием,— писал Д. Н. Логофет,— называется духовное лицо, решающее спорные дела между мусульманами по шариату, причём эти лица выбираются из особых знатоков мусульманского права»²⁷.

О положении, которое занимал казий в городе и бекстве, можно судить по следующим словам А. В. Нечаева: «В бекствах,— говорит он,— бек не единственный хозяин. В каждом бекстве имеется ещё казий, который беку не подчинён. Казий выполняет функции юридических учреждений: он судья и нечто вроде нотариуса, в то же время в роли жандарма-охранника, обязанного доносить о деятельности бека и всех административных лиц»²⁸.

Казий имел определённый штат должностных лиц, которые при разборе дел должны были руководствоваться только шариатом. В Бухаре отсутствовали апелляционные и кассационные инстанции, поэтому приговор кази-каляна, а в исключительных случаях — эмира, считался окончательным, что лишало обвиняемых самых элементарных прав²⁹.

Большим влиянием пользовались рабсы и муфтии. Содержание многочисленного штата чиновников и должностных лиц являлось тяжёлым бременем для трудового населения городов и деревень. Вся эта армия чиновников не получала от государства никакого содержания и жила сборами, взимаемыми нечестными путями с населения, то есть «кормились от своего дела»³⁰. По мнению Д. Н. Логофета, воспитанная «на системе кормления», бухарская администрация прилагает все свои способности к возможно скорейшему обогащению³¹. «Начиная от губернатора (т. е. бека — Х. П.), — писал А. А. Семёнов, — и кончая последним чинушей — халатником, грабят все, от чего бедное, истощённое непосильными налогами население встречается в каждой провинции»³².

Что касается вопроса о налоговых обложениях и взимании податей, то следует отметить, что размеры хераджа, закота и других налогов не соответствовали нормам шариата и целиком зависели от аппетита должностных лиц. Почти все путешественники и исследователи отмечали чрезмерную несправедливость административных лиц во взимании налогов и податей. По справедливому замечанию И. И. Гейера, сбор податей являлся главной заботой правителя³³. «Характер этих сборов,— замечал М. А. Варыгин,— напоминает скорее военный приз, дань победителям, чем дейст-

ния благородного хозяина»³⁴.

Налоговое законодательство отсутствовало, и все виды налогов должны были взиматься согласно нормам шариата, которые власть имущим нетрудно было обходить.

Ввиду того, что размеры налогов и способы их взимания наиболее ярко отражают степень эксплуатации трудового народа, определяют его жизненный уровень и имеют непосредственное отношение к обострению социальных противоречий, уместно более подробно остановиться на анализе этого вопроса. Причём, следует прежде всего опираться на сведения русских исследователей, непосредственных очевидцев, наблюдавших за действиями сборщиков налогов и описавших общую картину налогообложения в Восточной Бухаре.

Ограниченность мировоззрения и неверность методологического подхода не давала исследователям возможности раскрыть природу налогов, их возникновение и совершенствование в связи с развитием классового общества, но тем не менее сопоставление приводимых ими данных о размерах взимаемых налогов, с нормами, которые были определены шариатом, даёт возможность выявить грабительский характер таких сборов. Чтобы создать ясную картину положения, следует сделать краткое уточнение видов налогов и норм, которые определялись шариатом.

Шариат предусматривал следующие формы налога: хумс — налоговое обложение собственности (1/5 часть дохода); закот — мусульманский налог, взимаемый с имущества богатых мусульман в пользу бедных; садака — пожертвование бедным; джизья — подушный налог, который должны были платить иноверцы в мусульманских странах; харадж — поземельная подать и ушр — поземельная подать (десятина)³⁵.

В работах русских исследователей, в которых в той или иной мере речь идёт о налогах и податях, название «хумс», как одна из разновидностей налогов, не встречается³⁶. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что хумс платили (или должны были платить) те, чей годовой доход превышал годовой расход. Этот налог по шариату взимался с семи видов собственности и прибыли: 1) с заработной платы; 2) с рудников; 3) с кладов; 4) с имущества, приобретенного законным путём; 5) с военных трофеев; 6) с драгоценностей, добываемых со дна морей (жемчуг); 7) с земли, покупаемой кяфиром (неверным) или зинмием у мусульманина³⁷. Как видно, некоторые виды собственности и прибыли в условиях Восточной Бухары отсутствовали, да и

русским очень трудно было вести строгое наблюдение и учёт за ходом взимания хумса. Они могли и не заметить среди других разновидностей такого налога, хотя он и взимался повсеместно. На это, в частности, указывает академик Б. Г. Гафуров. Он отмечает, что за право пользоваться землёй дехкане в Гиссарском бекстве платили одну пятаю урожая с поливной земли (оби), так называемый хумс³⁸. Почти не найти также сведений о таких налогах, как закот ал-фитр и садака³⁹. Последние также трудно поддавались учёту.

Русские исследователи уделяли большое внимание закоту, который занимал важное место в налоговой системе мусульманского мира. Шариатом были предусмотрены и определены конкретные предметы, подлежащие обложению закотом⁴⁰ и уточнены правила и размеры данного налога, согласно которым закот должны выплачивать все правоверные мусульмане — обладатели источников дохода и прибылей (земли, воды, мельницы, скота, торговли). Больные, задолжники и рабы были освобождены от такого налога. Размеры закота на крупный рогатый скот определялись шариатом следующим образом: за 30 коров — одну двухгодичную тёлку, за 40 коров — трёхгодовалую. За 60 коров закот составлял две трёхгодовалых тёлки. Далее счёт вёлся по 30 или 40 голов. С мелкого рогатого скота был определён следующий размер закота: за 40 баранов или коз — один баран (или коза), за овец в количестве меньше 40 налог по шариату не взимался; за 121 барана — два барана; за 201 барана — три, за 301 — четыре, за 400 и более закот взимался из расчёта: за каждые 100 по одному барану или одной козе. Закот с торговли взимать разрешалось при условии, если 40 тенег давали прирост 200 тенег, тогда с каждых 20 тенег владелец обязан был платить одну теньгу⁴¹. Такие же правила имелись и по отношению к поземельной подати — хараджу и ушру⁴².

Ознакомление с правилами шариата в сопоставлении со сведениями русских авторов о взимании закота легко можно убедиться в нарушении вышеуказанных норм шариата в Восточной Бухаре. Большинство русских исследователей говорили лишь о тех налогах, свидетелями взимания которых сами непосредственно были или же получили о них подробную информацию. Причём, разновидности налогов для отдельных бекств были неодинаковыми и, соответственно, исследователи не могли дать о них исчерпывающих сведений.

Тем не менее, их сведения достаточны, чтобы убедиться в грабительском характере налогов.

В этом отношении интересно привести, на первый взгляд, смешную, но вместе с тем и грустную сцену взимания кафсана (одного из видов налога, идущего в пользу амлякдара и его помощников, разумеется, непредусмотренного шариа-том), свидетелем которой был Н. А. Маев. «В кишлаке Ир-Назар,— пишет он,— в присутствии народа происходило поднятие хирмана амлякдаром. На хирмане находились джугара, 1 батман, т. е. 8 пудов.

1. Амлякдар снял печати, проверил количество джугары, находившейся на хирмане и взял свою часть, равнявшуюся 2 пудам.

2. Дарга, в подоле рубашки⁴³, взял 1 пуд.

3. Посланный от имама взял также 1 пуд.

4. Амин (староста) — 1 пуд.

5. Сопровождавший амлякдара панвай, т. е. хлебопёк, положил перед ним лепёшки и за то получил позволение взять 20 ф.

6. Чилимдор (подающий чилим или кальян) подал амлякдору кальян, имея в другой руке тюрбу и получил за то 20 ф.

7. Люли (цыганка) положила перед амлякдаром новые ситневые штаны и тюбетейку и получила 30 ф.

После всех этих выдач на гумне остался 1 пуд 10 ф. Амлякдар разделил это количество на 5 кучек и одну из них взял в казну в харадж, она равнялась только 10 фунтам. Земледельцу достался 1 пуд»⁴⁴. Единственным утешением свидетеля этой сцены, желавшего добра земледельцу, было то, что он надеялся на сообразительность крестьянина, который может быть ночью накануне поднятия хирмана увезёт с гумна определённое количество джугары⁴⁵. Но знакомство с порядками бухарской администрации, строгий надзор представителей местной власти приводил к явному исключению таких возможностей.

Немало интересных фактов о налогах, особенно в Каратегине и Дарвазе, имеется в работах Г. А. Арандаренко. По его подсчётам в 80-х годах XIX века в Каратегинском бекстве харадж взимался в размере 1/10 части зерновых культур, в общем количестве 75 тыс. батманов или в деньгах — 30 тыс. руб., скота — 10740 коз или 10740 рублей и 3 тыс. рублей с промывания золота. По Дарвазу — 25 тыс. батманов зерновых (в деньгах 20 тыс. руб.), 6 тыс. козлов (за каждого козла по одному рублю, т. е. 6 тыс. руб.), за

промывание золота — 5 тыс. рублей. Кроме того, брался сбор 1/20 части тутовых ягод. Всего по Каратегину подати составляли 43700 рублей, а по Дарвазу — 31 тыс. руб.⁴⁶ Причём, как указывает Г. А. Арандаренко, из этого количества податей 3/4 отдавалось правительством на содержание местных властей и их прислуги⁴⁷. Итак, по его определению, чистый валовый доход, который поступал в казну, составлял из Каратегина — 10 тыс., из Дарваза — 6 тыс. рублей.

Если это так, то указанные суммы для этих бекств кажутся сравнительно незначительными. Но если брать во внимание расходы на тортуки (преподношение эмиру), то легко можно убедиться, что сумма сбора была немалой. Каратегинский бек ежегодно не менее двух-трёх раз представлял эмиру тортук, состоявший из 9 узлов с халатами (в каждом узле по десять халатов, были сорта разных достоинств — от 200 руб. и выше), а также 9 лошадей с богатой серебряной сбруей и вышитой подседельной попоной, 2—5 буйволов или яков, мешки с бухарской серебряной монетой в сумме от 4 тыс. до 10 тыс. рублей. Общая ценность такого тортука равнялась 10—15 тыс. рублей⁴⁸.

При разборе этих данных нужно учесть, что они относятся к началу 80-х годов XIX века, когда по данным того же Г. А. Арандаренко, система податей в Дарвазе и Каратегине оставалась на том же уровне⁴⁹, какой она была до присоединения бекств к эмирату. В дальнейшем размеры налогов и податей namного выросли. Об этом свидетельствуют сообщения последующих авторов. В частности, приводится такой факт: если дарвазский бек в начале 80-х годов был освобождён от представления тортуков, то в конце 80-х годов (1889 г.) Б. А. Громбчевский, посетивший Дарваз, замечает преподнесение дарвазским беком тортука. Согласно его данным, бек «ежегодно едет на поклон эмиру во время пребывания его в Шахрисабзе и подносит тортук, состоящий из 7 лошадей и 7 бохча (т. е. связки из 9 халатов). Лошади были под наборными сёдлами»⁵⁰.

Заслуживают внимания сведения капитана Васильева, относящиеся ко второй половине 80-х годов XIX века. «Подати, вносимые населением Каратегина, — пишет он, — очень велики: 1/10 часть сбора пшеницы и ячменя (харадж и зякетный сбор). Размеры последнего неодинаковы в разных местах, но преимущественно взимают одного барана с каждого двора (в некоторых местах с каждого бедного двора по 2 теньги, а в Гарме по одному барану с 5 дворов),

от 5 до 6 теге со двора на содержание джигитов бека..., а джигитов у бека и амлякдаров насчитывалось до 2 тысяч человек, которые не платили податей»⁵¹. Кроме того, брали 1/10 часть из денег умершего, если его оставшийся капитал превышал 100 тиллей (тилля — 4 руб. 55 коп.); за свадьбу — 20 теге; на границе бекства с вывозимых товаров — с каждой лошади по 2 теньги. Капитан Васильев, считая очевидно перечисленные подати и сборы как законные, указывает, что «практиковались ещё довольно в больших размерах сборы на нужды амлякдаров и бека»⁵².

Значительный интерес представляют сведения капитана Кузнецова, касающиеся взимания податей в Дарвазе. Он указывает, что подати в Дарвазе состоят из сбора хараджа, т. е. 1/10 части урожая с годовой суммой более, чем в 200 тыс теге⁵³. Что касается закота, т. е. сбора с торговли и скота, то он с уверенностью говорит об отсутствии таковых в этом бекстве⁵⁴. Это, по-видимому, объяснялось отсутствием нормальных торговых отношений, вернее, крайней слабостью товарно-денежных отношений и сравнительно незначительным поголовьем скота. Зато, согласно данному указанному источнику, существовали другие виды «незаконных и эмиром не установленных налогов»: дудона (с дыма) — сбор с каждого дома двух кусков маты стоимостью 80 коп., каждый размером 12 газей (1 газ равен 87 см). В случае отсутствия маты её заменяли козлом (в Вахиён боло); джурра — куском маты с каждого дома (взамен пороха для ружья); таноби мултук (ружейный фитиль) — один кусок маты с каждого дома (при шахе в этот налог каждый дом должен был дать 7 аршин (1 аршин = 72,12 см) фитиля для ружей; мирдари хона — налог за недвижимость, каждый кишлак должен был выплатить 12 кусков маты⁵⁵.

И. И. Гейер, повторяя вышесказанные сведения Кузнецова в отношении Дарваза, изложил свои соображения по поводу строгого надзора властей и правил взимания податей в ханстве. По его словам, беки обычно давали сведения эмиру о посевных площадях и урожае. Но бывали случаи, когда эмир сам проверял эти данные через своих уполномоченных чиновников. Учётный урожай облагался 1/10 частью налогового дохода. Крестьяне не имели права продать зерно, пока умолот не подсчитывался амлякдаром. Каждому хозяину предоставлялось право внести сбор деньгами или натурой. «Подать натурой принимали беки, а затем обращали в деньги доверенные чиновники эмира, покупателями же (являлись — Х. П.) представленные беками лица»⁵⁶.

А. А. Семёнов во время своего путешествия по Бухарскому эмирату (в конце 90-х годов) отметил тот факт, что ежегодно беки должны были представить кушбеги от 6 до 10 лаков⁵⁷. Причём он указывает, что «эта подать должна вноситься мирами (беками — Х. П.) не теньгою, а русской монетой»⁵⁸.

Н. А. Бендерский в своём докладе Общему годичному собранию Туркестанского отделения Русского географического общества от 14 марта 1905 года «О гиссарском крае», коснувшись взимания податей, отметил, что гиссарский бек посылал кушбеги подати в следующем размере:

1) харадж — сбор с урожая около 1,5 млн. тенег, или 225 тыс. руб.;

2) закот — сбор с баранов — 500 тыс. тенег (75 тыс. руб.);

3) рекабуси — 3 тыс. руб. при выезде эмира в Шаар;

4) чагбасти — 4 тыс. руб. при отъезде эмира в Россию и 3 тыс. руб. по его возвращении;

5) с базарных лавок — 15 тыс. рублей⁵⁹.

Налоговая политика бухарской администрации в бекствах Восточной Бухары наиболее подробное освещение получила в военно-географическом очерке А. Е. Сисарева «Восточная Бухара»⁶⁰. Его сведения по данному вопросу заслуживают особого внимания. Во-первых, потому что он пытается вникнуть в историю появления этих налогов, желая разобраться в тех переменах, которые происходили со времени пророка Мухаммеда в системе налогообложения. Во-вторых, он даёт более ясную картину разнообразных податей и налогов, которые взимались с трудящихся Восточной Бухары в начале XX века. Первое место среди податей и налогов он, как и большинство других исследователей, отводит подати со скота («закот») и подати с урожая («харадж»), которые были предписаны шариадом и составляли главную статью доходов бухарского ханства⁶¹.

Касаясь происхождения закота, он указывает, что «в первоначальном своём смысле слово «закот» выражает понятие очищения... Этим термином обозначается пожертвование части имущества, предназначенной для бедных, в видах освящения остальной части его»⁶². Далее он останавливается на некоторых подробностях толкования шариада по поводу взимания закота и его размеров, что свидетельствует о его хорошем знании шариада и стремлении разобраться в этом вопросе глубже⁶³.

Описывая изменения во взимании закота, А. Е. Снесарев указывает, что в последние века закот уже более не взимался с недвижимой собственности, а брался лишь со стада скота, что теперь законы о закоте значительно устарели и лишились своего первоначального смысла. Кроме того, они очень часто менялись в зависимости от мнения правителя⁶¹. Автор отмечает, что закот в Бухаре взимался не натурой, а деньгами «на том основании, что с давних пор правительством Бухары установлена ценность барана в 33 тенгги (4 руб. 95 коп.) и козы — в 18 тенег (2 руб. 70 коп.). Сборщик закота, собрав деньги со всех амлякдаров, передавал их беку, а последний отправлял их его высочеству эмиру»⁶⁵. Причём, указывает он, при отсутствии какого-либо контроля, исправность при сдаче собранных сумм закота и хараджа в целом зависит от добросовестности беков, которые были крайне заинтересованы в личном участии в сборе закота. Примером этому могла служить деятельность каратегинского бека Худой Назар-аталика, который после присоединения Каратегина к эмирату получил право в определённое время взимать закот с Бальджуанского, Курган-Тюбинского, Гиссарского и Денауского бекств.

Разумеется, точно определить размеры взимаемого закота по всем бекствам, за исключением Гиссарского и Бальджуанского бекств, из которых в 1904 году были отправлены эмиру 800 тыс. тенег (12 тыс. руб.), не удалось⁶⁶.

Что касается хараджа, то, как указывает А. Е. Снесарев, в Бухаре этот вид сохранился в том же размере, что определял шариат, т. е. каждый землевладелец уплачивал из урожая полей, искусственно орошаемых, одну десятую часть⁶⁷. Сбор хараджа производился не натурой, а деньгами в течение зимы по справочным базарным ценам, утверждённым бухарским эмиром.

Одновременно с хараджем собирали и другие незаконные, т. е. не предусмотренные шариатом, подати. А. Е. Снесарев верно подметил, что эти подати своим происхождением были обязаны своеобразному административному устройству бухарского ханства, при котором должностные лица от правительства никакого содержания не получали и жили за счёт населения⁶⁸. На этом принципе был основан целый ряд податей, происхождение или утверждение которых, по мнению информаторов А. Е. Снесарева, приписывались бывшему каратегинскому беку Худой Назару-аталику⁶⁹. К числу их относились:

1) закоти чакана — взимался с тех, у кого в хозяйстве было менее 40 баранов или коз, с каждого барана — по половине теньги;

2) кошпули (от слова «куш» — «пара») — плата за каждую пару рабочих быков, от 4 до 8 тенег;

3) як сира — помимо «кошпули», крестьяне платили с каждой пары быков стоимость одного батмана пшеницы, а при наличии одного быка — стоимость половины батмана.

Вышеперечисленные подати взимались в пользу бека, для его содержания.

4) кафсан — за каждый батман зерновых (за исключением уплаченного хараджа) выделялось по одному пуду (паиджсир — камень, по весу равных одному пуду) амлякдару;

5) миробона — налог в пользу заведующего ирригационной системой или водораспределением — миробу;

6) кафсан-дарга — налог в пользу представителя бека или амлякдара, опечатавающего зерно и следившего за его сохранностью до выплаты всех налогов;

7) амициона — налог за продажу избытков продуктов на базаре;

8) оснёб-пули и обиджувоз-пули — налог с мельницы (от 20 до 100 тенег в год) и стоимость одного батмана рисовой крупы;

9) танаб-пули и алаф-пули — налоги за фруктовые сады и клеверные поля, с каждого танаба (6×64 шага) поступало в пользу бека от 15 до 18 тенег в год; с клеверного поля соответственно взимался налог в размере четырёх тенег;

10) таможенные уплаты — бадж ⁷⁰ — взимались за переправу стада через мосты и другие важные пункты, например, за переправу Пулисангин (вблизи Нурека). Бадж взимался в размере двух тенег (30 коп.) с каждого вьючного верблюда, с вьючной лошади — 1 теньги, ишака — 0,5 теньги. Имеющаяся в этом месте баджигир-хона (таможня) сдавалась в аренду частным лицам, уплачивающим около 10 тыс. рублей, и эти деньги поступали в личный доход диванбеги ⁷¹.

Разумеется, А. Е. Снесаревым перечислены не все виды взимаемых в Восточной Бухаре налогов. Но даже те, что перечислены им, приводят его к заключению, что у половины населения Бухары в результате таких налогов и поборов для удовлетворения массы нахлебников «не только не остаётся

какого-либо излишка средств к существованию, но едва хватает их для собственного пропитания»⁷².

Немало ценных сведений о налоговой политике даёт Д. Н. Логофет, хотя его данные требуют большой осторожности при изучении из-за пренебрежительного отношения автора к использованию фактов. В целом же, Д. Н. Логофет повторяет с некоторыми дополнениями⁷³ сведения А. Е. Снесарева. Он перечисляет судебные пошлины, взимаемые казиями, подати, собираемые рансами и другие сборы, которые бек устанавливал по своему усмотрению произвольно⁷⁴. У данного автора заслуживает внимание примерное определение общей суммы налогов, поступающих в казну, о чём речь будет идти подробно несколько позже.

В изучение налоговой политики бухарской администрации вошёл свою ленту и П. Гаевский. Факты, изложенные им в работе «Курган-Гюбинское бекство», заслуживают внимания. Вслед за вышеуказанными исследователями он отмечает произвол бека и других административных лиц⁷⁵. Автор определяет годовую сумму закота данного бекства в 21005 руб. Кроме того, как утверждает он, взимался сбор с продававшихся каракулевых шкур — по теньге за одну шкуру, на общую сумму 3150 руб.⁷⁶

Говоря о произволе административных лиц по сбору закота, А. Гаевский отмечает, что подсчёт скота производился каждые десять лет, и если его наличное количество уменьшилось бы через год, всё равно сбор вёлся по цифре переписи, хотя в зимнее время нередко были падежи скота. Для примера он приводит рассказ одного из жителей, у которого было 800 баранов и коз, зимой пало 700, но с него всё-таки взяли 75 руб., как за все 800 голов. Увеличение стада за счёт приплода приносило надбавку за закот ежегодно на 10 процентов.

Харадж или миллат, по сведению того же источника, определялся в зависимости от урожая; законным его размером была $1/7$ часть с пшеницы и ячменя на поливных землях, $1/10$ — с богарных посевов (ячмень, пшеница, лён) и $1/5$ — с риса, джугары (вид кукурузы), хлопка, кунджута и других «зелёных посевов», кроме люцерны. Харадж (тананпули) с люцерны брался независимо от урожая — по 5 теньг с танана, одну миру (4 коп.) брал мирзо (писарь) за свою работу по описи; итого 79 коп. с танана.

Количество урожая определялось произвольно. Это же наблюдалось и на базарах, где устанавливали не подлинную

стоимость, а увеличенную нередко на 10—15 процентов⁷⁸. Чтобы выплачивать требуемую сумму, нужно было отдавать под неё порой до половины собранного урожая. Согласно сведениям П. Гаевского, немалая тяжесть положения заключалась и в том, что при натуральном хозяйстве и неразвитом денежном обороте, когда покупательская способность населения была крайне низка, цены чрезвычайно снижались, и чтобы выручить сумму сбора для выплаты налога, дехкане должны были продать продукции вдвое больше. Общую сумму хараджа П. Гаевский определил в 90 тыс. руб., но, опираясь на рассказы отдельных чиновников, он был склонен увеличить её до 120 тыс. руб.⁷⁹

Касаясь джизьи — налога, который должны были платить только ишверцы (немусульмане)⁸⁰, следует отметить, что он был широко распространён в бухарском ханстве. Так, Г. А. Дмитриев указывает, что наиболее часто ставка джизьи, взимавшейся с выходцев из Индии, составляла 12 теньги в год с человека. Но в отдельных случаях эту традицию бухарские власти нарушали и брали подушную подать в размере до 48 теньги⁸¹. В таком же положении находились и евреи. Согласно существующему договору, от подобного налога были освобождены только русские, проживающие в пределах эмирата.

Одним из важных, но очень сложных вопросов является составление точного и полного перечня всех налогов, податей и поборов, взимаемых в бекствах Восточной Бухары. Отсутствие налогового законодательства в эмирате способствовало тому, что в каждом бекстве в зависимости от его специфических особенностей и уровня развития, кроме официальных (предусмотренных шариатом), беками в соответствии с «их изворотливости»⁸² определялись и утверждались незаконные налоги. Причём, для разных бекств они были разными. Поэтому остановиться на какой-нибудь цифре, определяющей общее число этих налогов по эмирату в целом и для того или иного бекства в отдельности практически невозможно.

По данным отдельных советских учёных, это число по бекствам колеблется от 40 до 59 налогов, податей и поборов⁸³. Но сопоставление сведений, имеющихся в работах русских исследователей, с материалами, содержащимися в трудах современных учёных, даёт повод усомниться в достоверности этой статистики. Невольно убеждаешься, что их было куда больше. Например, Давлат Собиров, непосред-

ственный очевидец восстания Восе и сохранивший в памяти все нюансы системы налогообложения в Бальджуанском бекстве, в 1961 году в беседе с академиком А. М. Мухтаровым сообщил ему о том, что, помимо обычных, предусмотренных шарнатом налогов, с населения взимались и такие незаконные, как сабзпули (4 теньги за зеленение или выходы нового урожая весной), кушпули (по 4 теньги за каждую пару рабочих быков), нимхурдбог (2 теньги за посевную площадь, соответствовавшую 8 пудам посевных семян), хаккона (буквально, «справедливости ради» — 9 теньг), пои говопа (за коровьи ноги, или копыта — 4 теньги), похаккона (в буквальном смысле «по несправедливости» — 12 теньги в пользу административных чиновников) и т. д. Он же свидетельствовал о том, что при прочном сохранении натурального хозяйства, крайне низкой покупательной способности населения и невозможности продажи своей продукции (к тому же базары, в основном, функционировали в крупных населённых пунктах и столицах бекств), крестьяне под угрозами жестокого наказания за несвоевременную уплату налогов порой вынуждены были отдавать в залог или продавать своих несовершеннолетних дочерей⁸⁴.

Подобный произвол не только сохранялся, но и увеличивался вплоть до победы Октябрьской революции.

Не менее сложным является и точное определение общего дохода эмира от поступавших налогов (собственно, в эмирате не было других источников дохода, если не считать сбор пошлин с иностранных торговцев). Эта проблема и по сей день остаётся трудноразрешимой из-за отсутствия достоверных статистических источников. Верить же в правдивость отчётов, составляемых бухарскими чиновниками, невозможно.

По мнению отдельных русских источников, такие же сомнительные сведения представлялись и на запросы Политагентства. По официальным данным, полученным Политагентством в Бухаре и представленным туркестанскому генерал-губернатору для составления отчёта в 1894 году, годовой сбор в эмирате составлял 2 159 250 рублей. Из этой суммы 605 750 рублей поступили из бекств Восточной Бухары. Согласно документу, для бекств сбор определялся в следующих суммах: Байсунское — 18 750 руб., Денауское — 45 тыс., Кабадиёнское — 6 тыс., Курган-Тюбинское — 6 тыс., Гиссарское — 400 тыс., Кулябское, Бальджуанское, Дарвазское (все вместе) — 100 тыс., Каратегинское — 30 тыс. рублей⁸⁵.

Вызывают сомнение и ответы бухарского кушбеги на запросы того же Российского политагентства в 1912 году, касающиеся доходов эмира. Согласно им сбор с торговли составлял 715 тыс. рублей, закот (сбор с садов и домашних животных) — 510 тыс. руб., харадж (поземельная подать) — 1 850 тыс. руб., закоти савоим (сбор скота) — 270 тыс. руб. Итак, общая сумма — 3 345 тыс. руб.⁸⁶

По данным, которые сообщали в Министерство иностранных дел России официальные представители бухарского правительства, ежегодный доход ханства составлял 2,5 млн. рублей и распределялся следующим образом: на содержание армии — 1,2 млн. рублей, на расходы эмира — около 900 тыс., на содержание духовенства — 100 тыс. рублей⁸⁷. Но Д. П. Логофет категорически утверждает, что «эти цифры лживые и недостоверные, так как его наблюдения в течение нескольких лет за отправкой различных сборов из разных бекств Бухары показывают иную цифру»⁸⁸. Свои соображения по этому поводу он изложил так: «Вся сумма, взимаемая с населения, по такому подсчёту достигает 18 млн. руб. в год и вполне соответствует действительности, так как, если сделать проверку этой цифры суммой, уплачиваемой каждым жителем ханства, то окажется, что при 2 800 тыс. населения, она даёт ту же цифру»⁸⁹.

Несмотря на лёгкость обращения Д. П. Логофета с фактами, тем не менее его подсчёты о размере дохода эмира выглядят более правдоподобными, нежели бухарских чиновников. Если даже он завысил в своих подсчётах цифры дохода эмира, то можно сказать, что не настолько, насколько занизили его в своих сведениях кушбеги или другие бухарские административные лица. К тому же, видный специалист по истории бухарского ханства Б. И. Искадаров не опровергает или не берёт под сомнение указанную Д. П. Логофетом сумму в 18 млн. руб., ссылаясь на неё в определении годового дохода эмира⁹⁰, немалая доля которого приходилась на бекства Восточной Бухары. Но и это ещё не всё. По приблизительным подсчётам непревзойдённого знатока бухарской действительности С. Айни, годовой доход эмира в 1913 г. составлял 30 млн. рублей⁹¹.

Всё это свидетельствует о том, что система налогообложения базировалась на обмане трудящихся. Скрывать правду о доходах было однако выгодно и низшим и высоким, включая самого эмира, чинам представителей бухарской административной иерархии.

Кроме налогов, на плечи населения ложились ещё нату-

ральные, барщинные повинности — очистка арыков, ремонт дорог, различные хашары в пользу местных феодалов и т. д., о которых упоминают отдельные исследователи⁹².

Таким образом, вышеприведённые сведения из русских источников, несмотря на отдельные недостатки и противоречия, в целом, создают довольно полную картину социальной сущности налоговой политики эмира.

Перечисляя многочисленные сборы, взимаемые с населения, Д. Н. Логофет отмечает, что «лишь воздух в Бухаре не обложен пошлинами»⁹³. «Всё, что нам даёт земля, — пишет М. А. Варыгин, — труд человека, всё, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором; помимо этого, незаконные штрафы, грабительские конфискации имущества применяются в «благородной» Бухаре»⁹⁴.

Именно эти непосильные, крайне несправедливые подати и сборы стали причиной того, что буквально на глазах у русских очевидцев происходило обеднение страны, о чём А. Е. Снесарев сообщал: «Обеднение вы наблюдаете всюду, о нём слышите со всех сторон»⁹⁵.

Многие жители Восточной Бухары, покидая из-за этого свои родные места, переселялись в другие края. Он же указывает, что «в верховьях реки Ховалинг четыре года тому назад было около 500 кушей (пар быков), а в прошлом осталось только 40—50, так как у людей не было сил пахать землю, и они её бросали»⁹⁶. В рапорте начальника пограничной стражи от 13 марта 1903 года на имя Туркестанского генерал-губернатора отмечалось, что по этой причине происходило «массовое переселение жителей пограничного района (главным образом из Курган-Тюбинского бекства в Афганистан»⁹⁷.

Эксплуатируя народные массы и получая огромные доходы, представители бухарской администрации (в первую очередь сам эмир и беки) вовсе не желали выделять деньги для благоустройства края. По словам М. А. Варыгина, все заботы о процветании края были «сведены к нулю»⁹⁸. Говоря о податях и налогах, уплачиваемых бухарским населением, Д. Н. Логофет пишет: «приходится почти с уверенностью сказать, что у большинства едва хватает средств для существования. И в то же время взамен бухарская правительственная власть не даёт населению решительно ничего: ни образования, ни медицинской помощи, ни путей сообщения, вследствие чего надо признать, что не даёт ни малейшей надежды на какой-либо проблеск в будущем»⁹⁹. Такое мнение А. Е. Снесарев выразил так: «У каждого, без

сомнения, в конце концов возникает вопрос, что же даёт бухарская правительственная власть населению? Невольно при этом в голове читателя мелькают мысли о народном образовании, благоустройстве городов, путей сообщения, об организации медицинской помощи и т. д. К крайнему сожалению, приходится ответить весьма коротко. Ничего подобного»¹⁰⁰.

Естественно, всё это не могло не стать причиной подъёма народного движения, усиления его сопротивления против эксплуатации феодалов, и это способствовало активизации освободительной борьбы, которая потрясала устои феодализма. Яркое свидетельство тому — восстание Восе.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

Все предпосылки крестьянских восстаний и их причины почти схожи. Они прежде всего результат чрезмерного усиления эксплуатации, а также закопных стремлений крестьянства получить землю, личную свободу, вырваться из оков непосильных налогов и поборов. Словом, причины заключаются в стремлении к сравнительно нормальной, свободной, реально защищённой человеческой жизни. Собственно в этом и был круг «интересов» крестьянства и других социально незащищённых, униженных, совершенно бесправных, эксплуатируемых слоёв и прослоек (батраков, ремесленников и др.).

В условиях феодализма в целом и в особенности при том уровне общественно-политического сознания, в котором находилось крестьянство Бухарского эмирата второй половины XIX века, речь не может идти о каких-то политических предвидениях борющегося класса, как то порой пытаются представить некоторые исследователи. Сам факт стихийности таких выступлений, неорганизованности, бесперспективности победы, и, в конечном счёте, поражение, несмотря на, может быть, численное превосходство, свидетельствует об отсутствии у участников восстаний политических целей и планов. Другое дело, что такие выступления в целом способствовали серьёзному расшатыванию устоев феодализма, обуздывали алчных эксплуататоров. Являясь серьёзной школой борьбы, они обеспечивали не только противостояние, но и сохранение того хрупкого равновесия, которое порою удерживало феодалов, хотя бы на время, от крайне жестокого произвола. И, наконец, подобная борьба способствовала созданию почвы для серьёзных идей гуманистического и политического характера, что не могло ни повлиять в перспективе на национально-политическое самосознание народа. В этом плане восстание Восе не может быть исключением.

Другое дело, что повод к таким серьёзным событиям, какими являлись крестьянские восстания, в каждом случае мог быть внешне различный и непохожий друг на друга. То есть, в целом, они являлись последним аккордом, наполнявшим чашу терпения народа, и проявлялись в зависимости от обстоятельств. Поэтому крайне важно объективно проследить, как разворачивались события, способствующие предельному обострению социально-политических

разногласий, и отметить ту последнюю каплю, которая приводит к социальному взрыву.

Исходя из этих соображений, следует заметить, что немало исследователей, причастных к изучению восстания Воссе, в той или иной мере попытались раскрыть его причины. Почти все они видели причины восстания в чрезмерной эксплуатации феодалами крестьян и бедняков из других прослоек.

Что касается истинного повода к восстанию, то имеющиеся различные версии и мнения, порою противоречивые, требуют соответствующего внимания для того, чтобы несколько конкретизировать детали тех событий, которые разворачивались накануне этого события. Ввиду того, что в ходе анализа имеющихся исследований согласно хронологической последовательности так или иначе придётся ссылаться на работы по изучению восстания Воссе, то будем довольствоваться лишь несколько общим, может быть даже поверхностным упоминанием мнения их авторов.

Итак, почти все исследователи восстания Воссе первого поколения (30—40-е годы XX века): С. Рахими, О. Исмати, А. Болдырев, А. Шаханшоев, Е. Акубджанов, И. Зелеранский, Л. Зокиров, Н. Прохоров, Д. Фаньян и др. считали поводом к восстанию отказ бедняков от уплаты непосильных налогов. К тому же, нужно было выплачивать недоимки за предыдущие неурожайные годы, случившиеся вследствие засухи и нашествия саранчи¹. Попытка сборщика налогов (закотчи) силой взимать налоги и оставшиеся за предыдущие годы недоимки вызвала недовольство масс, приведшее к вспышке восстания, во главе которого встал Воссе (по некоторым данным, Абдул-Воссе, Мулло Воссе, Восича). Причём такие неурожайные годы были и до восстания крестьян в Муминабаде в 1885 году и то же самое повторялось после восстания Воссе, что и привело к путанице в определении его подлинной даты.

Несколько иначе писал об этом А. Шаханшоев. Согласно его мнению, Абдулахад-хан, став эмиром после смерти эмира Музаффера в 1885 году, ещё больше увеличил объём налогов и повинностей. Например, если раньше закоти чакана с 1 козы или барана взимался в размере 1 мири (1/4 теньги), то теперь уже брали 1 теньгу; кушпули прежде было 2 теньги, стало 4 (вдвое больше); подушная подать поднялась с 5 теньги до 9. То же самое наблюдалось и при сборе других видов налогов. Кроме того, широко начала использоваться такая форма, как принудительная работа крестьян

и бедняков в пользу бека и местных чиповников. За несвоевременную уплату налогов и невыполнение повинностей налогоплательщики подвергались жестокому наказанию. Это насильственное взимание основных налогов и недоимок и стало главным поводом восстания².

Опираясь, в основном, на мнение предыдущих исследователей, главным образом, Б. Г. Гафурова, авторы второго поколения (50—60-е годы) также указывают на это как на повод восстания. Причём, согласно их мнению, особенно упорно отказывались платить налоги жители селения Ховалинг Балъджуанского бекства. Попытка сборщика закота (закотчи) взимать силой и привело к столкновению, в ходе которого он был убит. В ответ на прямые угрозы властей (бека) жестоко наказав лиц, причастных к убийству закотчи, и началось народное волнение, во главе которого стал смелый и авторитетный, справедливый представитель крестьянства Восе. Начавшееся восстание вскоре перекинулось на населённые пункты долины Ховалинга и к восставшим примкнули бедняки из всего Балъджуанского, Кулябского и даже некоторых амлякдарств других соседних бекств³.

И. А. Стеценко, в отличие от других, неурожайным годом считает не 1884 год, а несколько поздний. «Восточнубухар-1882, 1883, 1883 гг. При этом ссылаясь на сведения капитаские бекства,— пишет он,— почти ежегодно подвергались нашествию саранчи, уничтожавшей посевы. Особенно тяжёлые историки ошибочно относили неурожайность к лымн были 1886, 1887 и 1888 годы. В это время наблюдались особенно сильные налёты». Согласно его мнению, не на Лиллиенталя, он указывает, что нашествие саранчи было и в 1889 году, но после того, как большая часть урожая была убрана⁴. Поэтому волнения происходили почти ежегодно. Поводом к восстанию Восе он считает также взимание недоимок за 1886—1887 годы, несмотря на нашествие саранчи и низкую урожайность в 1888 году. Причём налоги брались не натурой, а деньгами, что ещё больше усугубляло безвыходность положения крестьян. Такое мнение, опираясь на воспоминания одного из участников восстания, 97-летнего Бобо Давлата, высказывает Ю. Якубов⁵.

К. З. Мухсинова ссылается на два мнения, вероятно, ставшие поводом для восстания. Это требование уплаты закота деньгами и увеличение суммы налогов⁶.

Несколько иные соображения относительно повода восстания изложены в ряде статей, написанных таджикскими исследователями в 1988 году, в честь векового юбилея вос-

станции. В частности, А. Саидов и Д. Бердыев, ссылаясь на рассказы ховалинских старейшин, приводят услышанные ими два варианта причин восстания. Согласно первому из них, когда Восе на Ховалинском базаре продавал масло, полученное в своей маслобойне (джуваз), сборщик закота — амин потребовал от него налог за реализацию этой продукции. Получив отказ, амин насильно забрал оставшееся масло. Тогда Восе выступил с обращением к народу и призвал к восстанию. Согласно другой версии, поводом выступления Восе к открытой борьбе и его призыва к народу о поддержке стало взимание сбора «нохакона»⁷.

А. Мухтаров, опираясь на сведения, полученные от участников восстания, Давлата Собирова, Ятима Рахимова и внука Восе Камола (последний сообщил рассказ, услышанный от своего отца Хасана — сына Восе), предлагает также две версии, ставшие в отдельности вероятными поводами для восстания: первая гласит следующее: за неуплату налога по велению эмира должны были казнить двух бедняков, чтобы навести страх на людей. Местом казни выбрали Ховалинский базар. Восе, торговавший здесь маслом и наблюдавший за процедурой совершения публичной казни, не выдержал и стал освобождать несчастных жертв произвола. К нему присоединились и другие крестьяне, находившиеся на базаре; вторая версия основана на рассказе внука Восе Бобои Камола: во время обмолота хлеба к Восе явились представители бальджуанского бека и потребовали от него немедленной выплаты 4 тенги налога «нохакона». Так как у него не было таких денег, он попросил отсрочить выплату. Но те не согласились, и продолжали настаивать на своём, угрожая расправой. Однако Восе не испугался и в завязавшей схватке одержав верх над посланниками бека, направился в сторону Судара, чтобы призывать людей к борьбе против эксплуататоров. Всё это свидетельствует о том, что Восе заранее был готов к такому исходу событий⁸.

Следует заметить, что первая версия, приведённая А. Мухтаровым, совпадает со сведениями, полученными народным поэтом Исломом Холовым ещё в 1947 году от непосредственных очевидцев событий, старожилов Ховалинга — Бобои Бузурга и Бобои Мирзоаминна, только с той разницей, что Холов более подробно даёт описание события из уст свидетелей. Причём, сам Бобои Мирзоаминна в день, который стал началом событий на ховалинском базаре, продавал там привезённые им дрова. Согласно его наблюдениям, мир

(бек) вместе с представителями из Бухары (закотчи) находился на площадке в центре базара, к ним привели двух бедняков, которые не могли уплатить закот. Амлякдар объявил о приведении в действие повеления эмира — их публичной казни. На мольбу осуждённых о пощаде чиновники бели себя нагло и не реагировали на просьбы осуждённых. Но привести в исполнение этот приказ сановникам не удалось, так как торговец маслом Восе со своими друзьями Нахлавном (силачом), Любом, Юсуфи Човандозом (мастером козлодранья), Назиршо, Шарифом, Маликшо, Пираком, Пирахмадом и другими стали освобождать бедняков. Затем Восе призвал всех недовольных жестокими действиями эмира и его чиновников собраться на горе Балаидар. Вернувшись в свои селения, очевидцы события подняли людей на восстание⁹.

Как видно, несмотря на некоторые различия между версиями, всё же суть в каждой из них одна и та же: насильственное взимание непосильных налогов и поборов, перенесение чашки терпения людей, а также и решительность руководителя будущего восстания, привели к открытому выступлению народных масс против мангытских эксплуататоров.

ВОССТАНИЕ ВОСЕ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Восстание Восе принадлежит в числе тех событий, которые в силу ряда обстоятельств не нашли отражения в научной литературе и иных письменных свидетельствах современников. Приходится только сожалеть, что отсутствие таковых источников затрудняет вопрос изучения дореволюционной историографии данного события.

Имеющиеся довольно скудные и порой противоречивые документы, хранящиеся в Архиве МИД Российской Федерации (Архив Внешней политики России) и Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУ, в фондах: Российского императорского политического агентства в Бухаре, Управления кушбеги эмира бухарского), составлены не участниками событий и непосредственно его очевидцами, а представителями русской администрации из соседних с Бухарским эмиратом областей Туркестанского генерал-губернаторства и Российским политическим агентством в Бухаре на основе расспросных сведений. Тем не менее, тщательный их анализ способствует уточнению некоторых деталей события и создаёт общее представление о той ситуации, однако для обстоятельного изучения вопроса только этих материалов крайне недостаточно.

Причины слабой документальной информации следует видеть не только в неграмотности простого народа¹, но и в боязни получить наказание от властей за подробное описание и обнародование такого события. В условиях жёсткого надзора, когда доносы, шантаж и другие подобные методы имели широкое распространение, составлять как-нибудь письменные свидетельства было крайне опасно.

Другой причиной отсутствия подробной информации о случившемся является то, что широкая огласка события была не в интересах местной администрации. Ей выгоднее было сохранить видимость спокойствия и благополучия, чтобы не вызывать возмущение эмира, который в подобных случаях подвергал беков суровому наказанию, как не справившихся со своими обязанностями, то есть за неумение держать народ в страхе и полной покорности.

Сообщать же в виде жалобы эмиру о случившемся не мог и кто-либо из участников восстания или сочувствующий им. Тонкий наблюдатель и непревзойдённый знаток системы административного управления Бухарского эмирата

Садриддин Айни в своих «Воспоминаниях» писал: «Если человек, потерпевший из-за несправедливости, отпраплялся ко двору жаловаться на местных правителей, он, как правило, не мог довести своё заявление до эмира». Но если каким-то образом его жалоба и попала к эмиру, то последний отпраплял письменное распоряжение о решении дела тому, на которого жаловался заявитель. В конечном итоге бедняк за свою жалобу получал наказание палками и бессрочную тюрьму².

К этому нужно добавить и тот факт, что в данном случае на месте события не оказалось непосредственных наблюдателей из числа представителей царской администрации или же русских путешественников, большинство из которых достоверно описывали события, которые им удавалось наблюдать на территории Бухары.

Следовательно, одним из главных источников для изучения истории восстания Восе должны служить сложенные народом на традиционном для кулябского региона диалекте стихотворные произведения, известные под названием «Песни о восстании Восе». К сожалению, дату сложения их определить не представляется возможным. Но всё же, прослеживая описание восстания в этих стихах, нетрудно заметить, что если не все³, то часть из них была сложена после его поражения. Об этом свидетельствует непосредственное отражение событий. Судя по смыслу, бесспорен факт, что автор (или авторы) «Песен» не был очевидцем казни Восе и воспользовался лишь слухами. Поэтому составитель (или сочинитель) воздержался от более подробного описания этой трагической сцены. К тому же, в «Песнях» место казни указывается то в Кермине⁴, а то в городе Бухаре⁵, хотя фактически предводитель восстания был казнён в Шахрисабзе.

Но, указывая на эти погрешности с точки зрения современного исследователя, было бы несправедливым упрекнуть неизвестного автора, выражавшего любовь народа к своему герою. Недаром эти «Песни» считаются творением самого народа. И сегодня они вызывают только восхищение потомков.

Являясь крайне важными источниками для изучения события, «Песни» наглядно отражают главные черты характера Восе, его храбрость, бесстрашие, умение вести за собой массы. Подробно раскрывается горе, которое постигло народ после поражения восстания. Нетрудно заметить, что народ с сожалением переживал постигшую восставших неудачу,

трагедию своих мужественных сыновей во главе с их руководителем.

Словом, бесправный и угнетённый народ как мог передал потомкам свои чувства и отношение к восстанию в надежде на то, что эти, даже на первый взгляд скупые, строки станут свидетельством его решительной борьбы за справедливость. Сегодня, спустя более ста лет со времени восстания, потомки воспринимают эти перенесённые на бумагу исследователями народного творчества строки не как эхо минувшего времени, а как живой отклик современников на событие, которое вызывает боль за страдания предков и гордость за их бессмертный подвиг.

Советские исследователи посвятили анализу «Песен о восстании Восе» немало работ, однако этот родник народного наследия далеко не исчерпан, и по-настоящему доныне не стал объектом специального исследования (если не считать отдельных статей по устному народному творчеству, которые относились к этим стихам преимущественно как к литературному жанру). Между тем, строки этих стихов отражают и причины восстания, и основные события, которые развернулись в его ходе. Только народ, прошедший через унижения, испытавший все трудности нелёгкой судьбы, может так лаконично описывать своё положение, всё больнее ухудшавшееся в результате жестокого грабительского гнёта правителей, которое привело к взрыву народных масс:

Ай чавру зулми мирон,
Гардида мулк вайрон,
Чазир гаштан ⁶ факирон ⁷.

То есть

Жесток эмиров тяжкий гнёт,
Измучен страждущий народ,
Влащаций рубище невзгод ⁸.

Народ вправе был считать своё выступление выполнением священного долга (то есть богоугодного дела), хотя никакого отношения к религии и религиозным обрядам оно не имело. Более того, в какой-то мере восстание было направлено и против верхушки представителей религии, которая призывала людей к покорности и принимала участие в подавлении восстания. Начало восстания народ отождествляет с гибелью старого мира и приходом новой жизни, где

каждому справедливо воздастся по заслугам. Гнев народа и масштаб события ярко передаётся в следующих строках:

Восеъ газост имруз,
Чои мубталост имруз,
Газгои рузи махшар,
Бар фукарог имруз⁹.

Восе сегодня газоват,
И дух наш радостью объят,
И словно в день кончины мира,
Сердца восставшие горят¹⁰.

В стихах реалистично воспевается Восе, его сила, величие духа, справедливость, мужество и другие черты, свойственные народному герою:

Восеъ буд савзннарӯ,
Одами калони чорпахлӯ,
Сарбозора зад харсу.

Как смугл Восе и как высок,
Как плеч его разлёт широк.
Он славен и любим народом.

Восеъ даромад дар майдон,
Монаиди шери биёбон,
Хонан мира кард вайрон.

И вновь Восе вступает в бой,
Как лев, неустрашим герой,
Сравнил он дом врага с землёй.

В «Песнях» прослеживаются основные маршруты и направления похода восставших и преследования ими врага, населённые пункты, которые были заняты повстанцами:

Восеъ рафт сӯи Норак,
Кӯпрукаш кардай порак,
Мангит шудай озорак.

Восе стремился на Норак¹¹,
Он рушит мост, вздымает стяг.
Бегут в отчаяньи мангаты,

Восе рафтаи Туткаул,
Рузи чагг зад дах авул,
Факиро шудан қаравул.

Восе летит на Туткаул,
Уже десятый взял аул,
Стоит повсюду караул.

Восе рафт сӯи Даштак,
Ба факирон дод калтак,
Чамъ шудан пеши Талхак.

И штурмом он Даштак берёт,
И всем он копьё раздаёт,
В Талхак спешит отряд непобедимый.

Восе ҳамбид Тути Қозӣ
Мирора дохт дар бозӣ
Кардакшон найзабонӣ.

Тути Қози врага оплот,
Копьём Восе о стены бьёт,
Хакима он плясать заставил..

Вдумываясь в смысл стихов, нетрудно сделать вывод о том, что Восе в силу ограниченности своего мировоззрения не мог предложить других форм управления, кроме как феодального. Об этом свидетельствует тот факт, что перед тем, как выступить в поход для взятия крепости Бальджуан, он объявил себя независимым управителем (миром, хакимом), а в качестве везиря назначил смелого организатора восстания, своего друга Назира:

Восе мега: — ма мирум,
Мулло Назир вазирум,
Балчувона мегирум.

Он молвил: битва даст нам мир,
Вот мой вазир — Мулло Назир,
Вперёд! и Бальджуан возьму я.

Следует отметить, что хотя Восе не мог и предположить мысли о ломке существующей административной структуры, но стремясь занять место мира (правителя), он был намерен

руководствоваться законами благородства и справедливости и отношении своих соотечественников, т. е. управлять не так, как управляют миры. Об этом свидетельствуют строки из «Песен», по которым можно судить о его отношении к власти:

Мақсади мо на мирӣ,
Маломатум накуни!
Эй халқ чува мехови?

Стать миром не цель моя,
Не упрекайте бога ради меня,
Пора пробуждаться ото сна? ¹²

В «Песнях» отображено поражение восстания, преследование его руководителя, участие отдельных лиц из числа восставших в поимке Восе, его отправка к эмиру, по призыву которого он был казнён.

Анализ степени точности отражения, имеющейся непосредственности в изложении событий приводит к сомнению о сохранности всех стихов «Песен». Передававшиеся потомкам в устной форме, часть из них могла затеряться. Что же касается сохранившихся частей, то они стали достоянием широкого круга читателей, благодаря усилиям исследователей уже советского периода, записавших их от местного населения, и тем самым давших им новую жизнь.

Впервые народные песни о восстании Восе были собраны в большом количестве и опубликованы С. Рахими в 1930 году ¹³. Заслуга его также в том, что он, по сути дела, положил начало изучению восстания Восе, характерно и то, что «Песни» опубликованы им без каких-либо изменений, т. е. в том виде, в каком были записаны (с полным сохранением местного диалекта).

Проявляя большую заинтересованность в изучении восстания, Таджикский Государственный научно-исследовательский институт в области гуманитарных наук в 1931 году создал специальную бригаду для сбора материалов, касающихся восстания Восе. В этом плане большую работу выполнили Бектош и Мурод-заде. Расспрашивая местное население, они записали все имевшиеся сведения о Восе и его восстании. Следует отметить, что за исключением трёх участников восстания и сына Восе, информаторами в основном стали представители второго поколения, которые пере-

давали полученные ими сведения или рассказы от своих отцов. Из-за того, что основные моменты тех событий не фиксировались письменно, по истечении времени им уже трудно было восстановить по памяти не только все детали, но и, в частности, точную дату восстания, его масштабы и имена активных участников. Несмотря на это, собранный материал существенно пополнил уже имевшиеся данные о восстании и широко был использован последующими исследователями¹⁴.

В дальнейшем материал был дополнен другими специалистами, главным образом, Л. Бузург-заде и Р. Джалиловым, которые по поручению Таджикской базы АН СССР в марте-апреле 1939 года в Гиссарском, Орджоникидзеабадском, Дангаринском, Нурекском, Кангуртском, Бальджуанском, Ховалингском и Сарихосорском районах, встречаясь со старожилыми-очевидцами и знатоками события, записали всё то, что удалось услышать. Эти сведения вошли в подготовленную ими работу «Отражение восстания Восе в фольклоре»¹⁵. Затем эти материалы (главным образом, «Песни») были включены в «Фольклор таджикского народа»¹⁶.

Особое значение имеет выпущенный в 1985 году сборник «Восенома», который включает сложенные в народе песни, рассказы и воспоминания, записанные от очевидцев события и представителей последующих поколений, материалы, собранные и опубликованные ранее исследователями, а также хранившиеся в фольклорном фонде Института языка и литературы им. Рудаки АН Республики Таджикистан. Кроме того, в сборник вошли стихи таджикских поэтов, посвящённые Восе, и произведения народных поэтов-сказителей в стиле эпоса «Гуругли»¹⁷.

Составителю сборника Б. Шермухаммадову принадлежит большая заслуга не только в подборе этого материала, но и в его систематизации. Воспоминания, рассказы и предания о Восе, помещённые в сборнике, в большинстве своём были собраны в 30-е годы. Независимо от имеющих в них противоречиях в изложении тех или иных моментов, связанных с историей восстания, они служат важными источниками в изучении этого события. Особенно следует выделить рассказы таких очевидцев и знатоков события, как Суфи Раджаба — «Мулло Восе», Розика Нур-заде — «Приведение Восе в Лакай-бегн», Хусейна Раджаб-заде — «Война в Бальджуане», Хасан-заде — «Времена Восе» и др.¹⁸

Наиболее полными и ценными являются воспоминания

одного из активных участников восстания — 94-летнего Давлата Собирова (или Бобо Давлата), записанные в 1961 году по инициативе учёных — представителей Института истории им. Ахмада Дониша и Института языка и литературы им. Рудаки АН Республики Таджикистан — А. М. Мухтаровым, Ш. Г. Юсуповым, Ю. Якубовым и Р. Ахмадовым¹⁹. В отличие от предыдущих информаторов, излагавших суть события очень кратко, непоследовательно и противоречиво, что соответствовало их степени информированности или осведомлённости (как правило, они являлись в лучшем случае пассивными наблюдателями события или же передавали рассказы, услышанные от предыдущих очевидцев событий), Д. Собиров, как непосредственный участник восстания, излагал свои воспоминания более обстоятельно и последовательно. В его памяти сохранились важнейшие детали того события, которые существенно раздвигают границы воображения современного читателя о народном восстании, происходившем более, чем сто лет назад и оставившем глубокий след в истории борьбы против средневекового деспотизма. Судя по его рассказам, записанным Ю. Якубовым и Р. Ахмадовым, первое столкновение между сарбазами бека и восставшими крестьянами произошло в Саталмуше (Саталмыш)²⁰, где численность восставших достигла 700—800 человек²¹. Потерпев поражение в первом сражении, бальджуанский бек обещал пересмотреть вопрос о взимании подомок. Некоторые крестьяне, поверив его обещаниям, разошлись по домам. Но собравшись с силами, бек приказал изыскать трёхлетний налог²². Узнав о том, что бек обманул их, жители ближайших районов во главе с Восе собрались на горе Сурхсакова. Вскоре к восставшим примкнули крестьяне Бальджуана, Ховалинга, Муминабада, Куляба²³.

Следует отметить, что в беседе с А. М. Мухтаровым Давлат Собиров несколько иначе обрисовал события. По его словам, в самом начале восстания Восе имел 600 бойцов, с которыми в течение двадцати дней располагался в местности Сурхсакова. После первого столкновения, в котором бек потерпел поражение, начались переговоры. Бек обещал выполнить требования восставших. Во время наступившей передышки в Бальджуан прибыл гиссарский бек Астанакул кушбеги с большим числом войск и, сместив за поражение местного бека, на его место назначил, якобы, своего сына, которому приказал арестовать и казнить ряд руководителей народного движения. В частности, были казнены два дяди (по отцу) Восе. Новый правитель Бальджу-

ана увеличил размеры денежного сбора, что послужило поводом для восстания, которое началось спустя месяц после предыдущего события. Во главе восставших, численность которых достигла 1 000 человек, снова стал Восе²⁴. В дальнейшем записанные разные варианты его рассказа, за некоторыми исключениями, в целом совпадают. Они также подтверждают опубликованные ранее сведения о восстании.

Анализ воспоминаний и рассказов о восстании Восе, вошедших в сборники, заставляет отдать предпочтение материалам, полученным в личных беседах известным исследователем А. М. Мухтаровым с тем же Давлатом Собировым, а также с Камолом Хасановым (внук Восе, умерший летом 1987 года в возрасте 80 лет)²⁵, Ятимом Рахимовым, Қаландаром Иноятовым и др.²⁶ С присущей ему внимательностью к фактам, учёный анализирует эти воспоминания, сопоставляет их с другими сведениями о восстании, чем существенно проясняет отдельные детали события. В частности, он приводит наиболее вероятные варианты причин, послуживших поводом к восстанию. Интересные соображения высказывает он по поводу датировки восстания, примерном возрасте его руководителя. Особый интерес представляет его последовательное изложение фактов о поражении восстания, преследовании Восе. Основываясь на собранных сведениях, А. М. Мухтаров выявляет основные недостатки восстания, приведшие его к поражению.

В целом, фундаментальное исследование восстания Восе, необходимость которого с каждым годом всё более ощущается, немислимо без скрупулёзного анализа имеющихся источников, к которым, бесспорно, относятся воспоминания и рассказы очевидцев и знатоков события, которые благодаря стараниям названных исследователей были собраны и оказались сохранены для потомков.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Прослеживая историю изучения восстания Восе, нетрудно заметить, что она так же, как и другие проблемы дореволюционной и советской истории таджикского народа, тесно связана с общим процессом становления и развития исторической науки Таджикистана. Поэтому нельзя отделить этапы его изучения от утвердившейся периодизации развития исторической науки в республике¹.

Согласно обоснованному определению академика Р. М. Мисова, она разделяется на следующие периоды: 1) с победы Октябрьской революции до середины 30-х годов (он делится на два этапа: а) с октября 1917 до начала 30-х годов; б) до второй половины 30-х годов); 2) со второй половины 30-х до середины 60-х годов (также делится на два этапа: а) со второй половины 30-х до окончания второй мировой войны; б) с 1946 до середины 50-х годов); 3) со второй половины 60-х годов². Если исходить из общей конвенции и логики суждения учёного, то с получением Республикой Таджикистан полной независимости (сентябрь 1991 года) начинается четвёртый период развития отечественной исторической науки.

Первые исследования, которые по объёму были несравнительными, можно оценить как подготовительную работу к подлинно научному изучению проблемы. Начало более серьёзного исследования восстания Восе совпадает с первым этапом второго периода исторической науки в Таджикистане (до середины 30-х годов по 1945 год).

Первые исследования о восстании Восе в печати появились в начале 30-х годов. Понятен был пробудившийся интерес трудового народа и исследователей к данному событию именно в это время. Начало его изучения совпало с образованием Таджикской ССР (1929 год), построением фундамента социалистического общества, периодом борьбы за индустриализацию и коллективизацию, развёртывания культурной революции в республике. Все эти события не могли не разбудить у народа гордости за его героическое прошлое, активизировать стремление к изучению борьбы за социальную справедливость.

Первым исследованием следует считать собранные С. Рахими «Народные песни о Восе»³. В небольшой вводной статье к этим «Песням» автор пытался кратко охарактеризовать историю восстания. Но отсутствие навыков исследо-

вательской работы и ограниченность собранного материала не дали ему возможности выявить главные причины восстания, т. е. его социальные корни, подробно описать его масштабы и место в истории крестьянского движения кр. Тем не менее ценность исследования заключалась, как отмечено выше, в том, что автор положил начало изучению данного события.

Начиная с середины 30-х годов, появился ряд статей подлинно научного характера. В этом плане ценным следует считать статью известного исследователя устного народного творчества в Таджикистане А. Болдырева «О восстании Восе»⁴.

Он стал одним из первых исследователей, которые подробно освещали значение восстания и призывали его всестороннему изучению. Кратко охарактеризовав историческое событие, А. Болдырев обращает внимание на тот факт, что материал, на который он опирается, распросный, то есть полученный не из уст очевидцев события, а от представителей поколения после Восе. Тем не менее, анализ имеющихся фактов приводит его, в отличие от последующих исследователей (вплоть до 60-х годов), к выводу, близкому к действительной датировке восстания. Выразив надежду на обнаружение подлинных документов, учёный призвал серьёзно заняться изучением восстания в историческом плане. Следует отметить, что статья А. Болдырева была написана им как вводная часть к работе А. Шаханшоева «Материалы о восстании Восе», опубликованной в трёх номерах журнала «За социалистическую литературу» в 1936 году⁵. Она пробуждает интерес читателей к сочинению А. Шаханшоева, как к самой серьёзной и важной исследовательской работе по восстанию Восе.

А. Шаханшоев, основываясь на накопившихся к тому времени сведениях, сделал попытку воссоздать достаточно полную картину восстания. Он описывает его ход и массовый характер, яркий самобытный талант руководителя восстания — Восе. Впервые раскрывается деятельность и роль наиболее близких к Восе людей — таких как Мулло Назир, Нозим, Давлат, Аюб, Однамухаммад, Амир, Юнус, Зохир, Азим, Гафур и др. Особого внимания заслуживают описание масштаба восстания, подробности о главных сражениях, о поддержке народом Восе, что благоприятствовало успеху на первом этапе, когда восставшие, заняв столицу бекства, преследовали отряды бека и нанесли ему поражение в Кангурте, Нуреке и других местах.

Отмечая массовый характер восстания, А. Шаханшоев утверждает, что оно привело и к консолидации сил реакции. Вместе с применением обычных присущих им методов (обман, подкуп, поддельство, призывы местного духовенства к повиновению и т. п.), большой отряд сарбазов был направлен из Бухары, который совместно с отрядами гиссарского бека Астанакул-беги и сарбазами кулябского бека вступил в борьбу против восставших. К ним примкнули и отряды, созданные из числа представителей верхушки кочевого племени локай, также местных богатеев и духовенства. В работе делается попытка выявить причины поражения восстания.

Но несмотря на то, что А. Шаханшоев значительно углубил представление современников о восстании Восе, однако его исследование не лишено отдельных недостатков, которые в первую очередь отражают мировоззрение и степень научной подготовки автора. Ограниченность навыков ведения научной работы и недостаточная определённая методология не позволили ему дать полную картину события, выявить причины восстания. В частности, его главную причину он видит только в увеличении годового сбора налогов, а не в социальных противоречиях, присущих феодальному обществу. Непоследовательность в изложении фактов, отсутствие обширных знаний по истории Средней Азии второй половины XIX века в целом и бухарского ханства, в частности, привели к неточностям в сопоставлении дат и в датировке самого восстания.

Основываясь на материале своих информаторов (их имена не приводились), А. Шаханшоев утверждает, что Восе, якобы, участвовал в походах и войнах, которые проводили Мизроббек и Сарабек, правители Бальджуана, в годы его независимости от Бухары. Поэтому дехкане и избрали опытного воина Восе руководителем восстания⁶. Это несколько противоречит действительности. Не вызывает возражения тот факт, что в условиях феодальной раздробленности, которая продолжалась до присоединения Средней Азии к России, имели место частые войны между феодальными владениями, в частности, между Кулябом, Бальджуаном и их соседями. Сильным было сопротивление бальджуанцев и кулябцев, армии бухарского эмира в период присоединения края к эмирату (в 1870 году), в чём не исключена возможность участия Восе. Но если это было в период правления Мизроббека, как утверждает исследователь, то возраст Восе к моменту восстания был бы преклонным, что исключало возможность его избрания в качестве руководителя. В этом

легко можно убедиться, ознакомившись с датами правления Мизроб-хана.

Летом 1925 года во время своей работы в библиотеках и музеях Средней Азии академик В. В. Бартольд обнаружил в Бухаре рукопись⁷, касающуюся истории города Бальджуана, в которой приводятся в хронологическом порядке правители Бальджуана, начиная с 20-х годов XIX века. В опубликованном полном тексте рукописи, в частности, говорится: «В 1243 (1827—1828) г. Актахан (или Каттахан — Х. II.) стал правителем вместо своего отца Тавилхана... В 1257 (1841—1842) г. он умер. Правителем стал его сын Мизраб-хан... он правил 13 лет. В 1270 (1853—1854) г. он умер. После его смерти правителем стал Сара-хан. После занятия (Бальджуана — Х. II.) эмиром Бухары в 1287 (1870—1871) г. Сара-хан бежал в Афганистан»⁸.

Следовательно, если, опираясь на имеющиеся данные (несмотря на их противоречивость), учесть, что возраст Восе во время восстания был около и даже более сорока лет⁹, то в период правления Мизроб-хана или Мизроб-бека, он был ещё малолетним ребёнком и, естественно, не мог участвовать в походах. Что касается периода правления Сара-хана (Сара-бека), который, судя по указанному документу, пришёлся на период 1853—1870 годов, то не исключена возможность, что Восе участвовал не только в столкновениях, происходивших между соседними владениями, но, как отмечено выше, и в борьбе против войска эмира бухарского в период присоединения края к эмирату.

Следует отметить, что указанные недочёты не умаляют достоинств работы А. Шаханшоева. Она соответствовала уровню развития в республике исторической науки того времени. Более того, долгое время по объёму и по содержанию занимала доминирующее положение среди других статей, посвящённых этому событию. Мимо указанной работы и поныне не может пройти ни один исследователь, интересующийся данной проблемой.

В 1939 году в периодической печати были опубликованы две небольшие статьи, о восстании Восе, принадлежащие Е. Акубджанову, И. Зелеранскому¹⁰ и Л. Закирову¹¹, которые не только не внесли ничего нового в изучение вопроса, но оказались довольно примитивными в изложении материала. Авторами не были использованы какие-либо новые источники. Судя по содержанию, авторы опирались только на вышеупомянутую работу А. Шаханшоева.

Наиболее интенсивное изучение восстания начинается в

первой половине 40-х годов. Это связано, на наш взгляд, во-первых, с активизацией исторической науки в Таджикистане, во-вторых, что очень важно, с подъёмом того чувства патриотизма, которое охватило наш народ, как и все народы советской страны, накануне и в годы Великой Отечественной войны.

На арену исторических изысканий вышли вполне зрелые и вооружённые материалистической методологией учёные, среди которых особенно выделялись Б. Г. Гафуров, Н. К. Прохоров и др. В грозные предвоенные и военные годы учёные активно взялись за освещение героического прошлого наших народов, их борьбы против иноземных захватчиков, за независимость и свободу трудового народа от феодального гнёта, что было важно для патриотического воспитания молодёжи.

В республике, наряду с другими научными и публицистическими работами, посвящёнными истории героических традиций народа, появились статьи о восстании Восе. Первые из них принадлежали Н. Прохорову и Д. Фаньяну¹². Статьи были рассчитаны на широкий круг читателей, но сыграли большую роль в освещении вопроса в целом. Что касается документов, обнаруженных авторами в Центральном Государственном Архиве (ЦГА) Узбекской ССР, в фонде Политического агентства России в Бухаре, то в их основе лежали слухи, дошедшие до представителей Политического агентства, которые по ним составляли донесения. Эти документы неоспоримо свидетельствуют, что с 1885 по 1888 годы в Бальджуанском бекстве было несколько народных волнений. Опираясь на эти документы, авторы удачно излагали факты, указывающие на активность населения Бальджуана в волнениях против представителей власти. Однако выводы по поводу датировки восстания являются неверными, т. к. они отождествляли восстание Восе с волнениями 1885 года¹³.

Немаловажное значение в изучении восстания Восе имеют предисловие, написанное Л. Бузург-заде к либретто М. Тарсуни-заде и А. Дехоти «Восстание Восе»¹⁴, и комментарии Б. Бузург-заде и Р. Джалолова к подготовленному ими же сборнику «Отражение восстания Восе в фольклоре»¹⁵. В предисловии к либретто «Восстание Восе» Л. Бузург-заде стремился дать довольно полное описание восстания, и это ему в известной мере удалось. Поэтому предисловие можно считать вполне самостоятельной работой автора.

Л. Бузург-заде, как превосходный знаток устного народ-

ного творчества, непосредственно участвовавший в сборе материалов по восстанию Восе, приложил много усилий для подготовки сборника «Отражение восстания Восе в фольклоре» к печати. Книга состоит из трёх разделов. В первом — «Восе в устном народном творчестве» приведены все известные к тому времени стихи, сложенные народом о Восе. Второй раздел составляет «Поэма о Восе», сочинённая народным певцом и поэтом Бобоюнусом Худойдод-заде в стиле народного эпоса «Гуругли». Третий раздел — «Восе в воспоминаниях народа» объединяет 14 рассказов очевидцев события и тех, кто слышал о восстании от своих родителей и представителей старшего поколения. Наибольший интерес имеют комментарии, подготовленные Л. Бузург-заде. Они носят исследовательский характер и свидетельствуют о его обширном знании истории края.

Большим событием в научной жизни республики стала вышедшая в свет в 1944 году книга Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины»¹⁶. Труд был рассчитан на широкую аудиторию читателей. Авторы, наряду с другими событиями, в лаконичной форме изложили историю восстания Восе, раскрыли причины, главные события восстания, подлинный героизм народа в борьбе против феодального гнёта. Такую же оценку заслуживает и статья Н. Прохорова «Восстание Восе», опубликованная в газете «Коммунист Таджикистана» 23 сентября 1945 года. Этой статьёй и завершается первый и, на наш взгляд, начальный этап изучения восстания Восе. Характерным для него является то, что это событие привлекало внимание сравнительно широкого круга исследователей и сыграло большую роль в пропаганде героического прошлого в истории таджикского народа.

Изучение данного вопроса, как и других проблем истории таджикского народа, тесно связано с развитием в республике исторической науки. В этот период были достигнуты значительные успехи в организации научно-исследовательских учреждений, создана прочная база для исторических исследований, в частности, образованы кафедры истории в вузах. С помощью других союзных республик из числа местных одарённых людей были подготовлены специалисты для научных и педагогических учреждений. Таджикская база АН СССР, образованная в 1932 году (в её составе функционировал специальный историко-лингвистический сектор), в конце 1941 года была реорганизована в Таджикский филиал АН СССР. На основе существующих секторов был создан

Институт истории языка и литературы с отделами истории, языка, литературы и фольклора. Важно заметить, что реализация Постановления ЦК КП(б) Таджикистана (от 1939 года) по написанию «Истории таджиков и Таджикистана» была возложена на Таджикскую базу АН СССР¹⁷.

Таким образом, начало изучения истории восстания Восе совпало с началом формирования или становления исторической науки в республике. Была подготовлена реальная почва для более углублённого изучения восстания.

ВОССТАНИЕ ВОСЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 40-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х ГОДОВ

Исторические изыскания, проведённые в 30-х годах и суровые годы Великой Отечественной войны, послужили прочной основой для становления и развития исторической науки в республике. Стоявшим у её истоков С. Айни, А. А. Семёнову, М. С. Андрееву и другим принадлежит особая заслуга в подготовке профессиональных историков в республике. Большую помощь в этом оказали центральные вузы и научные учреждения страны.

Итогом накопленных знаний по дореволюционной истории таджикского народа стал классический труд талантливого учёного и организатора науки, государственного и партийного деятеля Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении»¹.

В этой книге впервые с позиции историзма и подлинной академического принципа излагается история таджикского народа с древнейших времён до победы Октябрьской революции. Наряду с другими важными историческими событиями, которые оставили яркий след в истории таджикского народа, в работе рассматривается героическая борьба народа против иноземных захватчиков и внутренних классовых врагов. Достойное внимание уделено и восстанию Восе². Автор рассматривает это событие в общем контексте развития общества, о чём свидетельствуют его выводы о причинах восстания и его последствиях.

50-е — первую половину 60-х годов, бесспорно, можно считать началом расцвета исторической науки в республике. В это время началось исследование различных периодов истории таджикского народа. Преобладали работы, посвящённые различным проблемам истории XIX — начала XX веков. Значительно расширился круг исследователей восстания Восе. Особый интерес представляют проявившиеся в первой половине 50-х годов работы Н. А. Масуми, Б. И. Искандарова, Б. Шариф-заде.

Н. Масуми (1915—1974) — замечательный учёный, литературный критик, поэт, немало сделавший и для развития таджикского языкознания³. Те или иные явления в истории литературы или языкознания он всегда рассматривал в общем контексте исторической действительности. Таким же является подход его к анализу устного народного творчества, посвящённого историческим событиям, в частности, восста-

пию Восе. В статье «Восстание Восе и исторические песни»⁴ учёный рассматривает события в тесной связи с объективной реальностью, как результат усиливающихся противоречий в социально-экономической жизни региона. И. Масуми призывает к тщательному изучению всех сведений, касающихся восстания, особенно рассказов современников Восе (Гафур Зиё-заде, Суфи Раджаб, Розик Нур-заде, Хусейн Раджаб-заде, Али Хол-заде, Сафар Шариф-заде, Ёдгор Хасан-заде, Пирназар Хол-заде и др.). По его убеждению, песни и стихотворения, которые сочинил народ о любимом герое, являются незаменимыми и неисчерпаемыми источниками в изучении восстания.

Много для изучения данного вопроса сделал академик Б. И. Искандаров, опубликовавший в 1953 году статью «Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе»⁵, которая является довольно серьёзным исследованием.

Опираясь на имеющиеся материалы и накопленный опыт изучения восстания Восе, он даёт довольно обстоятельный анализ события. В отличие от предыдущих авторов исследователь убедительно анализирует объективные причины восстания. Давая характеристику экономической и социально-политической жизни Восточной Бухары, её административной структуры, Б. И. Искандаров отмечает, что «почва для этого восстания была подготовлена всем строем бухарского ханства и его внутренней политической обстановкой»⁶. Он устанавливает связь (хотя это не подкреплено фактами) между этим восстанием, охватившим сравнительно обширную территорию центральных и южных районов Таджикистана⁷, с революционным движением в России. «Нет никакого сомнения, — пишет он, — что восстание Восе было осуществлено не без влияния революционных идей России на угнетённые массы Таджикистана и явилось своего рода стимулом последующей солидарности трудящихся Таджикистана с русским пролетариатом в борьбе против колониальной политики царизма, бухарского эмира и его своры»⁸.

Поводом к восстанию Б. И. Искандаров считает то обстоятельство, что в Кулябской, Бальджуанской долинах была засуха, к тому же, в 1884 году все посевы на территории бальджуанского бекства были полностью опустошены залетевшей из Афганистана саранчой. На следующий год выдаётся хороший урожай, и представители власти хотели его взять себе, чтобы покрыть все недомжки за прошлые неурожайные годы, но натолкнулись на упорное сопротивление

крестьян. Был убит эмирский закотчи и вспыхнуло восстание, которым руководил Абдул Восе⁹. Воссоздавая подробности восстания (краткое изложение которого мы приводим для сравнения с другими данными), учёный указывает, что за короткий срок была сформирована многочисленная армия восставших. Восе направил повстанцев к столице Бальджуана для захвата крепости, но прежде чем осуществить этот замысел, он хотел решить вопрос о взятии податей путём переговоров, без кровопролития. С этой целью им была направлена делегация для переговоров с беком. Но по приказу последнего делегация была арестована. Используя нерешительность восставших, которые ожидали свою делегацию, бек внезапно своими войсками напал на повстанцев. Возмущённые вероломными действиями бека, крестьяне двинулись навстречу, и произошло первое крупное сражение, в котором восставшие нанесли серьёзное поражение беку. Остатки его войск едва спаслись бегством в Кангурт. Восставшие заняли крепость, которая давала им возможность за счёт имевшегося в ней оружия лучше подготовиться для дальнейших действий против бека.

Хотя первая победа и вдохновила восставших, но они по-настоящему не смогли разобраться в создавшейся ситуации и не перешли в дальнейшем к решительному наступлению. По мнению учёного, в этом им помешали случайные попутчики, представители духовенства и зажиточные крестьяне, которые склонялись больше к переговорам и просьбам, нежели к решительным действиям. Воспользовавшись этим, бек направил гонцов в Куляб и Гиссар с просьбой выслать войска для подавления восстания. Тем временем восставшие отсиживались в крепости. Получив необходимую помощь и пополнив свои войска за счёт отрядов из соседних бекств, а также представителей зажиточных слоёв из районов, охваченных восстанием, бек выступил походом на крепость и завладел ею.

Восе с восставшими отступил в направлении Кангурта. Вскоре, пополнив свои отряды крестьянами, приходившими из соседних районов, он снова пошёл в поход, в результате которого крепость вновь оказалась в руках восставших. Бек с остатком войск бежал в Кызыл-Мазар. К тому времени подоспели подготовленные и мобилизованные гиссарским беком Астанакудом крупные воинские отряды из Бухары и Гиссара. После нескольких столкновений, не давая передышки восставшим, правительственные войска перешли в наступление. Восе с остатками своих отрядов ещё долго

сопротивлялся, совершая нападения на правительственные силы. Но, потеряв близких друзей в боях, он был предательски схвачен и передан властям.

Таким образом, описание общей картины восстания и действий восставших в статье Б. И. Искандарова в известной степени соответствует описаниям А. Шаханшоева и ряду вышеприведённых рассказов и воспоминаний. Тем не менее, Б. И. Искандаров намного подробнее осветил, существенно расширил и углубил представление о восстании Восе. Но нужно отметить противоречивость и неверность выводов учёного относительно датировки восстания.

Примерно такие же факты приводятся в другой статье Б. И. Искандарова — «Восстание Восе», опубликованной спустя год¹⁰.

Представление о восстании Восе существенно дополнили сведения из двух статей Б. Шариф-заде (в 1955 и 1956 годах)¹¹. По его данным, отец Восе — бедный крестьянин Беклак, жил в Хулозе (горное селение севернее Ховалинга). Из-за трудных условий жизни он переселился в Ховалинг, в село Даран-Мухтор.

Ссылаясь на мнение предшественников, Б. Шариф-заде говорит о том, что Восе летом работал в поле, зимой — на маслобойне. По поводу начала восстания автор сообщает, что после того, как возмущённые крестьяне убили сборщика налогов, первоначальным пунктом сбора восставших стала Бальджуанская крепость Сара-бека, находившаяся в ховалингском селении Баландсар. Затем восставшие собрались в одной из равнинных местностей горы Сурхсакова (в 10 км от Ховалинга), чтобы собрать силы для нанесения удара по войскам бека. По ночам в Сурхсакова было множество костров, которые были видны в соседних селениях. После того, как из числа прибывших из ближних и дальних мест были организованы отряды, восставшие выступили в направлении Бальджуана. Узнав об этом, бек направил своих сарбазов навстречу восставшим. В селении Тутти-Кози (в 20 км севернее Бальджуана) произошло сражение, в котором бек потерпел поражение, и затем с остатками своих отрядов отступил. Вскоре, собрав силы, бек приготовился к встрече восставших на подступах к Бальджуану. После этого сражения, в ходе которого бек потерял свои основные войска (а командующий ими Алаёр был убит), восставшие заняли крепость¹².

Судя по описанию Б. Шариф-заде, события разворачивались по той схеме, которая имелаась в вышеупомянутых

работах А. Шаханшоева и Б. И. Искандарова, то есть после занятия крепости Восе не стал преследовать противника и дал возможность беку с оставшимися силами уйти от убеди. Восе не принимал активного действия для создания своего аппарата управления и занимал выжидательную позицию. Тем временем бек успел сообщить о создавшейся ситуации гиссарскому кушбеги. На помощь были посланы войска из Бухары и Гиссара. Восе приказал разобрать мост через реку Вахш у Нурека. Эти действия хотя и немного осложнили переход отрядов гиссарского бека через Вахш, но всё же не могли их остановить. Они перешли реку в другом месте вброд. К этому времени бальджуанский бек занял крепость. Вторая попытка Восе овладеть крепостью не увенчалась успехом (по Б. И. Искандарову Восе дважды занимал крепость). Многочисленные войска мангитов перешли в наступление. После нескольких боёв восставшие вынуждены были отступить. Начались преследования участников восстания и жестокая расправа над ними.

Одной из причин поражения восстания, по мнению исследователя, было то, что среди восставших оказалось немало представителей духовенства. Они не только призывали восставших сложить оружие, но и доносили беку о планах восставших. Всё это затрудняло их успешные действия. К тому же крестьяне почти не были вооружены, если не считать ту часть из них, которая участвовала в захвате крепости и захватила имевшееся там оружие. Но этого было далеко недостаточно для того, чтобы противостоять вооружённым эмирским отрядам.

Действия восставших, по данным Б. Шариф-заде, распространялись не только на Бальджуан, но и на Кангурт, Дангару, Туткаул, некоторые населённые пункты Гиссарского бекства и многие районы правобережья Вахша.

Отмечая заслуги Б. Шариф-заде в изучении данного вопроса, следует отметить, что он в большей мере, чем другие попытался использовать сложенные в народе песни и описания в них тех или иных моментов восстания.

В развитии исторической науки в республике особое место занимают работы исследователей первой половины 60-х годов. К этому времени сформировались научные воззрения целой плеяды последователей замечательных корифеев исторической науки, таких как С. Айни, А. А. Семенов, М. С. Андреев, Б. Г. Гафуров и другие. С особым интересом они занимались исследованием политической, социально-экономической и культурной жизни дореволюци-

оных таджиков и особенно населения центральной и южной части Таджикистана (получившей в научной литературе название Восточной Бухары). Среди них выделяются исследования по социально-экономической жизни Восточной Бухары второй половины XIX — начала XX веков. Восстание Восе находит отражение как в обобщающихся фундаментальных трудах по истории республики,¹³ так и в специальной литературе, касающейся Восточной Бухары и Памира второй половины XIX — начала XX веков¹⁴. Исследованию восстания был посвящён ряд статей в научных сборниках и периодической печати¹⁵. Следует выделить монографию Б. И. Искандарова «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.», в которой концепция восстания Восе значительно дополнена и углублена по сравнению с его статьёй 50-х годов, однако общие выводы учёного остались прежними.

Заслуживают внимания выводы И. А. Стеценко, изложенные им в его монографии «Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX вв. (1870—1917 гг.)» и статьях К. З. Мухсиновой «Новое восстание Восе» и «Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в.»

Как специалист, занимающийся изучением народных движений позднего феодализма в Таджикистане, И. А. Стеценко написал свою работу на сравнительно широкой документальной основе¹⁶. Среди материалов, обнаруженных им в Центральном государственном архиве Узбекской ССР, имеется и ряд документов, касающихся восстания Восе. Сопоставляя эти документы с другими сведениями, учёный пришёл к выводу, что предыдущие исследователи отождествляли некоторые другие события (после окончательного утверждения власти эмира в Бальджуане и Кулябе волнения были чистыми) с восстанием Восе, что привело их к неверной датировке.

Несмотря на приведённый выше подробный анализ мнения исследователей относительно повода восстания, чтобы не прерывать общей логики их суждения и определить степень их заслуги в охвате комплекса проблем, касающихся восстания Восе, полагаем необходимым возвратиться к данной проблеме.

Поводом к выступлению населения против эмира, бека и чиновников, по мнению И. А. Стеценко, «послужил приезд в первых числах июля в Ховалинг сборщика налогов со скота — закотчи. Собрав старшин, он потребовал взноса за-

кота деньгами. Дехкане ещё не успели реализовать убранный урожай, не имели денег (к тому же, в предыдущие годы урожай уничтожила саранча). Они предложили закотчи уплатить налог не деньгами, а натурой. Но сборщик, получивший распоряжение брать закот только деньгами, отказался и пригрозил крестьянам, что в случае неуплаты их имущество будет отобрано в счёт погашения недоимок. Это заявление возмутило дехкан. Закотчи, видя возмущение людей и надеясь привести в исполнение свои угрозы, направился к беку и, сообщив ему о происходящем, попросил помощи. На другой день дехкане напали на закотчи и убили его. Слух об этих событиях облетел близлежащие кишлаки. Началось восстание, во главе которого и стал Восе»¹⁷. Столь простанная цитата поможет читателю уяснить разницу между этим и предыдущим описанием, где повод к восстанию освещался несколько иначе. Например, А. Шаханшоев повод к восстанию видел в увеличении налога назначенным эмиром бальджуанским беком. Б. И. Искандаров указывает, что поводом к восстанию было требование властей о покрытии недоимок за предыдущие годы (связанные с налётом саранчи). «На почве отказа жителей кишлаков Ховалинга от уплаты прошлогодних недоимок и дополнительных сборов, — пишет он, — возникло столкновение между эмирскими чиновниками и населением. Оно кончилось тем, что эмирский закотчи был убит. Всё это происходило под непосредственным руководством и активном участии Абдул-Восе»¹⁹.

Примерно такого же мнения и большинство других авторов. Следует заметить, что нет необходимости вдаваться в подробности фактов, послуживших поводом к восстанию. Нам кажется, что разница в незначительных деталях описания требований властей, переполнивших чашу терпения крестьян. Все исследователи сходятся на том, что поводом к восстанию послужило новое увеличение налогов и сборов со стороны властей, которые ставили трудовой народ перед выбором: либо выполняй их требования и тем самым поставь себя и свою семью под угрозу голодной смерти, либо защитой приобретённые тяжелейшим трудом средства к существованию. В дальнейшем события развёртывались так, что крестьяне, взвесив ситуацию, перешли стихийно от пассивной защиты к активному выступлению.

Отмечая возможность всестороннего изучения восстания Восе, И. А. Стеценко указывает на успехи, имевшиеся в этом направлении. Но, вместе с тем, он обращает внимание

на отдельные пробелы в изучении восстания. По его мнению, он охватило обширные районы Бальджуанского, Кулябского бекств и некоторых близлежащих к ним районов Гиссарского бекства. Он подтверждает мнение предыдущих исследователей, что крепость Бальджуана была дважды захвачена восставшими. После первого взятия крепости, пишет Н. А. Стеценко, бек с остатками своего отряда бежал в Кангурт, откуда направил гонцов к гиссарскому беку Астанакулу-кушбеги и соседним бекствам — Кулябскому, Дарвазскому и Каратегинскому. Согласно обнаруженным автором данным, узнав о восстании и убийстве Садык-бека, эмир Абдул-Ахад назначил начальником воинских сил Бальджуанского бекства Абдул-Кадыр-бека, а для подавления восстания направил войска в количестве до тысячи человек с артиллерией. Первоначально во главе войск был поставлен Акрам-бек. Одновременно было отдано распоряжение о приведении в готовность тысячи солдат Дарвазского бекства и двухсот солдат, находившихся в Кулябском бекстве. Таким образом, не говоря уже о вспомогательных отрядах, против восставших выступило около 2 500 человек регулярных войск с артиллерией. Всё это свидетельствует о массовости восстания в Бальджуанском и Кулябском бекствах²⁰.

Бальджуанский бек до прибытия правительственных войск, воспользовавшись пассивностью восставших, которые не стали его преследовать, «сумел собрать из представителей зажиточных слоёв населения, уголовных преступников сильный отряд и вместе с подоспевшими из Куляба солдатами кулябского бека двинулся из Кангурта в Бальджуан. Отряды Восе не смогли оказать сопротивления и после сражения были вынуждены отступить к Кангурту. Бек захватил Бальджуанскую крепость. Но Восе и его сторонниками в короткий срок удалось вновь поднять дехкан на борьбу и сформировать отряды, численно превосходящие войска бека.

Восставшие подступили к Бальджуанской крепости и после кровопролитной схватки приступом овладели ею. Разбитые отряды бека отступили к Кызыл-Мазару»²¹.

Статьи К. З. Мухсиновой, о которых упоминалось выше, вошли в её кандидатскую диссертацию «Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней половине XIX в.»²². Следует отметить, что их богатая база давала в то время простор для сопоставления фактов (независимо от выводов автора), в ряде случаев противоречивых, с целью выявления достоверности устных сообщений, на которые в своём боль-

пшнстве опирались предыдущие исследователи.

Используя имеющиеся документы, К. З. Мухенова вопреки мнению некоторых исследователей, считает, что в Муминабаде произошло самостоятельное восстание, которое нельзя отождествлять с восстанием Восе²³.

Согласно утверждению К. З. Хакимовой (она же К. З. Мухенова), одновременно с восстанием Восе в Бальджуане в местности Шуроб-дара подняли восстание кочевые племена узбеков из рода локай. Поводом к выступлению локайцев стало требование сборщика закота платить этот налог деньгами, а не натурой. Всё это создало инцидент. Локайцы убили закотчи и ушли в горы. Преследуя их, бальджуанский военачальник Садык-бек наткнулся в Ховалинге на мощное народное сопротивление.

«В Ховалинге, — пишет К. З. Хакимова, — произошло сражение войск Садык-бека с вооружёнными жителями всего Кулябского бекства. Восставшие разгромили бухарские войска, военачальник Садык-бек был убит. Одержав победу, крестьяне овладели всем Ховалингом. Они разгромили дома богачей и чиновников.

Как известно, восстанием руководил Восе. Овладев Ховалингом, Восе разослал во все кишлаки Кулябской и Бальджуанской областей своих людей с призывом присоединиться к восстанию»²⁴.

Далее автор кратко говорит об основных этапах восстания, о мобилизации эмиром сил для его подавления. Документальное подтверждение получил и масштаб восстания. Опираясь на те же материалы, К. З. Хакимова пишет: «К восстанию Восе присоединились жители Бальджуана и других районов вплоть до Гиссара с запада и Дарваза с востока»²⁵. Всё это привело к заключению, что «восстание Восе поднялось на более высокую ступень по сравнению с другими крестьянскими выступлениями»²⁶. По объективной оценке учёной народное восстание под руководством Восе, было одним из самых крупных выступлений народных масс в Средней Азии»²⁷.

Заслуга К. З. Хакимовой — в исследовании и вовлечении в научный оборот ряда важных документов, касающихся восстания Восе, в объективной оценке событий очевидна. В то же время следует отметить некоторую предвзятость в освещении роли, которую играли локайцы в этом восстании. Хотя об этом более подробно речь будет идти несколько позже, тем не менее и здесь нелишним будет заметить, что автор стремится по меньшей мере преднамеренно отдать

предпочтении расшифровке слова «локай», упомянутого в донесении разведчиков. Между тем, специалистам, знакомым с подобными сообщениями, известно, что они в ряде случаев составлялись на основе информации, полученной разведчиками из вторых или третьих рук, вернее, путём расспросов. Естественно, будучи неспециалистами, некоторые из них могли путаться в определении принадлежности местного населения к той или иной народности или этническим группам. Особенно это могло иметь место в тех районах, где представители таких народов (в особенности таджики и узбеки, которые прекрасно знали язык друг друга и тесно общались), жили рядом. Конечно, в данном случае трудно определить, на чём основывался разведчик, назвав восставших локайцами, но нелишним будет привести факт, согласно которому недалеко от тех мест, где пролегал маршрут восставших, находилось село Лакай-беги (ныне в Кофарнишонском районе), через который везли пленного Восе и Гиссар, а оттуда в Шахрисабз к эмиру²⁸. Может быть, название этого селения и послужило для разведчика основанием утверждать, что восставшие были локайцами. Всё это ставит под сомнение объективность исследователя в оценке событий и снижает ценность работы.

В этой связи ошибочно было бы впасть в другую крайность и утверждать, что локайцы были пассивными наблюдателями событий или участвовали только в подавлении восстания, как склонна утверждать это С. Исмоилова²⁹, за что она справедливо была подвергнута критике³⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что восстание Восе находилось в 60-е годы в центре внимания исследователей. Привлечение новых архивных материалов и введение их в научный оборот существенно расширили рамки представления о героическом подвиге Восе.

ИССЛЕДОВАНИЯ О ВОССТАНИИ ВОСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х — 80-х ГОДОВ

За два десятилетия до юбилейного года — 100-летия восстания Весе, несмотря на интенсивное развитие исторической науки в республике это событие почти не подвергалось серьёзному исследованию. В общих трудах, посвящённых революционной истории таджикского народа, исследователи в той или иной степени касались восстания, но существенных дополнений к тому, что было сделано во втором периоде развития исторической науки в республике, ими внесено не было. Учёные в основном опирались на ранее существовавшие исследования, не углублялись в детали¹. Даже некоторые материалы, собранные сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша, не были подготовлены до 1988 года к печати.

Изучение восстания Весе ограничивалось лишь статьями А. Суфиева², А. Шарипова³, а также вышеупомянутого предисловия Б. Шермухаммадова к составленному им сборнику «Восеънома»⁴. В отличие от первых двух авторов⁵ у Б. Шермухаммадова наблюдается исследовательский подход. Особый интерес вызывает историографический характер изложения материала. Отдавая должное участникам экспедиции, собравшим, обработавшим и опубликовавшим материалы о восстании Весе, он даёт в строгой хронологической последовательности удачное описание истории накопления соответствующего материала, определяет вклад того или иного исследователя в изучении истории восстания, отражение события в устном народном творчестве и художественной литературе. Комментарии автора, приведённые в конце сборника⁶, по сути являются продолжением предисловия.

Создание в Таджикистане в 1988 году Оргкомитета по проведению мероприятия в честь 100-летия восстания Весе придало небывалый импульс изучению данного события. За сравнительно небольшой отрезок времени, даже в пределах одного года, в периодической печати появилось множество статей⁷, часть которых носит исследовательский характер и раскрывает новые аспекты восстания. К ним прежде всего относятся статьи академика А. Мухтарова. Главная задача этого учёного состояла в доведении до читателя рассказов очевидцев, прежде всего 94-летнего Давлата Собирова — одного из активных участников восстания (из уст которого рассказ был записан им ещё в 1961 г.). С присущей ему наблюдательностью и информированностью. М. Мухтаров

комментирует каждую деталь, приведённую по памяти собеседниками о давно прошедшем событии. Сопоставляя их с другими данными, учёный добавляет новые штрихи к общей панораме восстания. Особый интерес вызывает описание событий, которые развернулись после поражения восстания (преследования его непосредственных участников и тех, кто имел прямое или косвенное отношение к восстанию, судьбы оставшихся в живых близких Восе людей). Именно поэтому статьи А. Мухтарова следует считать исследованиями, вносящими существенный вклад в изучение истории восстания.

Немаловажное значение для изучения восстания имеют статьи Ш. Юсупова. На первый взгляд, его статья «Народные волнения в Бальджуанском бекстве накануне восстания Восе» и не имеет непосредственного отношения к восстанию, но знакомство с ней приводит к убеждению, что в ней удачно раскрываются предпосылки и закономерность восстания Восе. Другая статья этого же автора важна тем, что она проливает свет на вопрос об участии женщины в восстании⁸.

На наш взгляд, довольно удачной является и статья Б. Шермухаммадова «Из истории сбора, публикации и исследования «Песни о восстании Восе»⁹. Автор существенно расширил и углубил содержание своего предисловия к сборнику «Восеънома». Давая чёткое описание истории сбора песен и воспоминаний в народе о герое, её основных этапах, он вместе с тем, выявляет заслуги исследователей Л. Бузург-заде, О. Исмати, А. И. Болдырева, Р. Джалилова, А. Шаханшоева, Н. Масуми, В. Асрори и Р. Амонова, благодаря усилиям которых эти бесценные устные творения были не только собраны но и стали достоянием народа.

Следует считать важным также появление сборника «Из истории народных движений в Средней Азии» (1988), где помещены наиболее ценные, с точки зрения составителя (А. Мухтаров), опубликованные в разные годы исследования учёных республики, касающиеся восстания Восе и других малозученных народных волнений. В основном статьи о восстании Восе, помещённые в сборнике, в той или иной степени уже стали объектом историографического анализа.

Что касается остальных вышеупомянутых статей, опубликованных в периодической прессе в первой половине 1988 года, то, видимо, их авторы задавались лишь целью, чтобы напомнить о событиях столетней давности и тем самым, отдать дань глубокого уважения памяти Восе, других известных и безымянных героев, пожертвовавших своими жизнями ради торжества справедливости.

СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ

Восстание Восе подобно всякому другому восстанию такого масштаба (по имеющимся данным оно в той или иной степени почти полностью охватило Бальджуанское и Кулябское бекства и распространилось на близлежащие амликдарства соседних бекств), не могло происходить изолированно, как в социальном, так и в этническом отношении.

Следует заметить, что мнение исследователей о предполагаемом количестве восставших (примерно 1 000 — 1 500¹), по нашему убеждению не соответствует действительности. Если даже исходить из такого соображения, что для подавления восставших было мобилизовано по одним данным 2 тысяч сарбазов, а по другим — 5 тысяч², то сомнение вполне правомерно. При таком соотношении сил (1 500 небооружённых крестьян против 2 500 вооружённых сарбазов) восставшие не выдержали бы и получасовую оборону, а они провели несколько боёв, причём нанеся серьёзное поражение правительственным войскам и, по некоторым данным, дважды захватывая бекскую крепость. К тому же, если исходить из сопоставления имеющихся сведений, количество войск, выступивших против восставших, было вдвое больше приведённой выше цифры.

Согласно сведениям участника восстания Давлата Собирова, бальджуанский бек в своём распоряжении имел 1 050, а кулябский — 1 020 сарбазов³. Если к этому добавить войска, имевшиеся в распоряжении гиссарского бека Астанакула-кушбеги, и 1 000 сарбазов, посланных эмиром во главе с Акрамбеком (из них, не выдержав трудностей перехода, по дороге умерли 80 сарбазов) в помощь Астанакулу, а также по некоторым данным мобилизации сарбазов из Дарваза, то число участвовавших в подавлении восстания должно далеко превышать 4 тысячи человек. Против восставших также были широко использованы и образования из числа местных враждебно настроенных к восстанию лиц и уголовных элементов банды. Таким образом, общая численность войска, направленного для подавления восстания, насчитывала не менее 5 тысяч человек.

Если исходить из общей исторически сложившейся логики крестьянских восстаний, то, как правило, численность восставших крестьян всегда намного (иногда в десятки раз) превосходила войска, которые использовались для их подавления⁴. Другими словами, восставшие, как правило, до-

бывались временного успеха лишь благодаря своему количественному превосходству. Так могло быть в Бальджуане. Другое дело, что мы имеем информацию только о тех участниках, которые непосредственно собирались вокруг Восе и под его руководством организовали поход на Бальджуан. Естественно, в походе могли участвовать только молодые, физически крепкие мужчины, часть взрослых и пожилых мужчин и женщины возвратились домой. Кстати, на активное участие последних указывает Б. И. Искандаров. «Движущей силой этого восстания, — пишет он, — являлись крестьяне-бедняки. Есть сведения, что в числе восставших были даже глубокие старики, женщины и молодёжь»⁵. К тому же, в тех амлякдарствах Кулябского и Бальджуанского бекств, где народ поднялся на борьбу против ненавистных местных и мангытских феодалов, разумеется, число восставших не поддавалось более или менее точному подсчёту. Если учесть это обстоятельство и сложившуюся ситуацию, то участников восстания было намного больше, чем принято считать, исходя из тех количественных показателей, которые мы на сегодня имеем. В этом отношении нельзя не отметить мнение народного поэта Ислома Холова, определявшего число восставших в первые дни в 15, а затем в 25 тысяч человек⁶.

Судя по тем сведениям, которые лежали в основе заключения ряда исследователей, социальный состав восставших был довольно разнослоен. Сами обстоятельства вынуждали участвовать в восстании представителей самых различных трудовых слоёв, чему способствовала жестокая эксплуатация не только крестьян-земледельцев и скотоводов, но и ремесленников. В этом плане обосновано мнение А. Шаханшоева о том, что в восстании принимали участие, помимо крестьян, бедняки-ремесленники, мелкие торговцы, которые находились под невыносимым гнѐтом эксплуататоров⁷.

Знакомство с социально-экономическим положением бекств Восточной Бухары последней четверти XIX — начала XX веков убедительно показывает совершенно бесправное положение ремесленников, которые в результате изнурительного труда обеспечивали потребности местного населения (и в целом внутреннего рынка) необходимой хозяйственной утварью, различными украшениями и прочими изделиями. Крайне низкая покупательская способность населения, связанная с сохранением неизблемости основ натурального хозяйства, не давала им возможности и для минимального материального обеспечения своей семьи.

Что касается этнического состава, то исходя из тех данных, которыми располагают исследователи, нетрудно прийти к объективному заключению, что основная масса восставших была земледельцы-таджики. Тем не менее, имеющееся на сей счёт не только предположение, но явное преднамеренное утверждение о ведущей роли узбекского племени локай в этом восстании, высказанное вышеупомянутым исследователем из соседнего Узбекистана К. З. Мухсиновой (она же К. З. Хакимова), вынуждает нас несколько подробнее осветить вопрос относительно национально-этнического состава участников восстания.

К. З. Мухсинова (Хакимова) в опубликованной в прессе статье «Новое о восстании Восе» и кандидатской диссертации «Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в.» (Ташкент, 1966)¹¹, ссылаясь на письмо военного губернатора Ферганской области Н. И. Королькова от 4 декабря 1888 года правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора К. А. Нестеровскому, подчёркнуто указывает на то, что якобы инициаторами восстания и его ведущей силой были узбеки из племени локай¹². Но этот документ, как и ещё один тому подобный, не могут дать никакого основания для такого в корне неверного и предвзятого вывода по следующим соображениям: а) как явствует из содержания документа, Н. И. Корольков составлял его на основе сообщения каратегинского купца, полученного (вернее услышанного) не от очевидца события, а от третьих или четвёртых лиц; б) дата составления донесения (4 декабря) свидетельствует об уже прошедшем событии, что создаёт вероятность искажения полученной информации; в) сообщивший эти сведения информатор находился вдалеке от тех мест, которые охватило восстание. Так что «источник», на который многократно ссылается К. З. Мухсинова, пытаясь навязать своё мнение другим, даже не заслуживает того, чтобы о нём упоминали. Тем не менее, слишком назойливое её упрямство не может оставлять нас безучастными к такому «открытию».

Следует заметить, что единственной уступкой К. З. Мухсиновой в этом плане является то, что она признаёт и участие таджиков в восстании, но при этом пытается показать их роль в качестве попутчиков, примкнувших к локайцам. Это есть не что иное, как пренебрежительное, вернее предвзятое отношение к исторической действительности и преднамеренное искажение логики случившегося путём передёр-

гивания «фактов», приведённых из так называемых «источников», составленных на основе сообщения не непосредственного очевидца, а на слухах. В данном случае речь идёт о торговце (или торговцах), сообщившем русскому чиновнику слухи, поступившие к нему. Кстати, в этом случае более надёжной является информация самаркандского уездного начальника Г. А. Арендаренко в рапорте от 16 августа 1888 года на имя и. о. военного губернатора Самаркандской области полковника Пукалова, где он писал не о выступлении локайцев, а о «возмущении кулябцев». Почему-то К. З. Мухсинова, приведя его слова, довольствуется лишь поверхностным упоминанием (хотя Г. А. Арендаренко являлся одним из лучших исследователей, наблюдателей и знатоков края, написавших о нём немало работ).

Разумеется, видеть или пытаться обнаружить разницу в степени эксплуатации трудового народа соответственно национально-этническому происхождению было бы по меньшей мере несерьёзно для настоящего исследователя. Не секрет, что в данном случае труженики-налогоплательщики, будь они таджиками, узбеками или представителями других национальностей, эксплуатировались в одинаковой степени. Поэтому вероятность совместного выступления против своих ненавистных богатеев всё же нельзя исключить. Тем не менее, историческая правда состоит в том, чтобы объективно определить место события (как в географическом, так и в историческом аспекте), его причины, конкретных участников, их число, социальный, национально-этнический состав и, наконец, значение и последствия.

Если следовать такой логике освещения фактов, то в данном случае сомневаться в ведущей силе крестьян-таджиков было бы по меньшей мере искажением исторической действительности. В подтверждение приведём следующие аргументы:

1) от нашествия саранчи и засухи прежде всего пострадали земледельцы, которые должны были платить в первый урожайный год не только годовые налоги, но и недоимки за предыдущие неурожайные годы. Земледелием, как известно, в основном занимались таджики, а не кочевые племена, хотя последние составляли часть населения в тех амлякдарствах Кулябского и Бальджуанского бекств, где было достаточно удобных пастбищ для содержания скота;

2) по имеющимся данным отец Восе был родом из селения Хулоза (брошенное горное селение на севере Ховалинга), где прежде жили только земледельцы-таджики.

Суровый горный климат, малоземелье и низкая урожайность (из-за каменистой почвы) — всё это заставило отца Восе Белака вместе с сыном Шакармом (отец Восе) переселиться в Даран-Мухтор, где им удалось приобрести участок земли¹³;

3) полученные исследователями данные путём распросов и личной беседы с участниками восстания, очевидцами событий, их внуками и другими лицами, в той или иной степени обладающих сведениями о восстании, однозначно свидетельствуют о том, что не только Восе, описание внешности которого абсолютно не позволяют усомниться в таджикском его происхождении, но и все его близкие друзья по борьбе были таджиками;

4) использование местными чиновниками во главе с беком и духовенством уголовных элементов из племени локай по главе с Тугаем и предательство саркарда (начальника военного отряда) Аллаяра (также узбекского происхождения), вначале обещавшего Восе поддержку, а затем неожиданно со своим отрядом напавшего на повстанцев, даёт достаточное основание для заключения о том, что главной движущей силой восстания были бедняки-таджики;

5) и, наконец, сам факт сочинения «Песен о Восе» и других стихотворений, авторами которых являлся народ — представители местного населения и, по всей вероятности, активные участники восстания, и которые звучат только на таджикском языке местного диалекта, что неопровержимо доказывает, что не только руководители восстания, но и подавляющее большинство участников восстания были таджиками.

Но даже эти явно неопровержимые факты не дают нам права совершенно исключить участие бедняков-локайцев и представителей других узбекских кочевых племён в восстании. По воле исторически сложившихся обстоятельств, оказавшись рядом, местные абorigены-таджики и узбекские кочевые племена не могли жить совершенно изолированно друг от друга. Их связывали обычаи, обряды, религия, жестокое угнетение со стороны мангытских и местных феодалов и, наконец, родственные связи, что не могло не втягивать их в общий водоворот событий. Исходя из таких соображений, можно с уверенностью сказать, что несмотря на злонамеренные действия мангытских чиновников разыграть национально-этническую карту и использовать представителей кочевых народов против таджиков — это не принесло желаемого результата. Удалось лишь путём подкупа и шантажа направить против восставших ту часть местных узбеков, которая поддавалась соблазнительным обещаниям по-

лучить выгоду от участия в подавлении восстания, и тех, кто боялся подвергнуться наказанию со стороны властей. И то же время более сознательная часть узбекского населения сочувственно отнеслась к восставшим и оказывала им поддержку. Об этом можно судить даже по тем незначительным и малозаметным двум-тремя строкам, имеющимся в «Песнях о Восе», где указывается на поддержку отдельными представителями из узбекских племён восставших¹⁴. Видимо, заметив это, такие исследователи, как Л. Зокирров, Н. Прохоров, упоминали об участии последних в восстании¹⁵.

Таким образом, в той или иной степени в орбиту восстания были втянуты представители почти всех социальных прослоек, всего национально-этнического состава населения. Но при этом, бесспорно, что главной определяющей силой восстания явились земледельцы-таджики во главе со своим соплеменником и предводителем Восе.

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ ВОССТАНИЯ В ТАДЖИКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из важных проблем для исследователей, причастных к изучению восстания Восе, является научно-обоснованное определение даты восстания. Вокруг этого шёл спор до юбилейного 1988 года. Опираясь на мнение специалистов, правительством республики в начале 1988 года был создан Оргкомитет по проведению мероприятий в честь 100-летия восстания Восе¹. Тем самым вопрос получил официальное и окончательное решение, но это не снимает необходимости подробного освещения разногласий по данному вопросу. Только путём тщательного историографического анализа можно выявить причины, породившие разногласия по поводу датировки восстания Восе. Ведь в официальной литературе, в учебниках для вузов и средней общеобразовательной школы датой восстания был назван 1885 год². В «Календарях знаменательных и памятных дат республики» на 1975 и 1985 годы (в отличие от календаря 1988 года, где вообще не упоминается о восстании Восе), указаны юбилейные даты соответственно 90—100-летия восстания Восе³.

В те же годы в печати появились юбилейные публикации, посвящённые этому событию. В «Таджикской Советской Энциклопедии» год восстания указан как 1886-й⁴. В настоящее время, когда эта проблема считается решённой, справедливо возникает вопрос — почему долго продолжались разногласия? Что мешало учёным прийти к единому мнению в решении вопроса датировки восстания? Исчерпывающий ответ можно дать лишь при тщательном анализе мнения исследователей и факторов, повлиявших на него. Словом, следует выявить закономерность появления этих мнений.

Главной причиной того, что в течение довольно длительного периода сохранились разногласия о дате восстания, является крайняя скудность документальных источников. Как известно, в «Песнях о Восе» дата восстания вовсе не упоминается. Не сохранилась чётко она и в памяти очевидцев, делившихся своими воспоминаниями. Поэтому первые исследователи основывали свои выводы на тех фактах, которые казались для них более вероятными (некоторые определяли дату восстания с учётом возраста своих информаторов), но чаще всего опирались на то, что 1885 год был первым урожайным годом после засухи и налёта саранчи, которые повторялись несколько лет. В связи с этим поводом

к восстанию считали насильное взятие в тот год недомыслием представителей местной и центральной властей. В этом нетрудно убедиться, проследив за мнениями исследователей в хронологической последовательности.

Судя по имеющимся данным, С. Рахими первым из исследователей⁵ высказал предположение о том, что восстание произошло в 1885 году (1303 хиджры)⁶. К сожалению, он не указал, на какие факты опирался, придя к такому выводу. По-видимому, основанием для него послужили результаты устного расспроса местного населения.

Интересно заметить, что авторитетный исследователь, один из замечательных знатоков устного народного творчества таджикского народа А. Н. Болдырев, которого также следует отнести к числу учёных, стоящих у истоков изучения восстания Восе, в 30-е годы определял дату восстания Восе 1887 годом⁷. На чём это было основано, также неизвестно. К тому же, как он пишет, поиски каких-либо документов о восстании в архивах Узбекистана (главным образом, в Бухаре) не увенчались успехом. Остаётся одна причина, приведшая учёного к такому мнению — аналитическая способность исследователя, сопоставившего имеющиеся к тому времени сведения. Так или иначе, к решению вопроса в тот период А. Болдырев стоял ближе, чем другие исследователи вплоть до 60-х годов, а подавляющее большинство — до второй половины 80-х годов.

А. Шаханшоев определил дату восстания 1886 годом⁸. Интересно заметить, что почти в одной работе (как было сказано выше, статья А. Болдырева предназначалась в качестве введения к работе А. Шаханшоева), мнения двух авторов различны. Случайность ли это? Отсутствие убедительных фактов оставляет каждого при своём мнении, хотя общая идея о необходимости изучения восстания Восе сближала этих исследователей и сделала их в этом плане единомышленниками.

В дальнейшем, вплоть до 60-х годов, в научной литературе и периодической прессе бесспорно утвердилась следующая дата восстания Восе: 1885 год⁸. Важно отметить, что первая попытка обосновать это научно была сделана Д. Фаньяном и А. Прохоровым в статье «Документы о восстании Восе»⁹, в основу которой они положили документы, обнаруженные ими в ЦГА УзССР (фонд Российского политического агентства в Бухаре). Авторы основывались на слухах, дошедших до представителей агентства. В одном из документов речь идёт о народном волнении в Кулябе в

1885 году. Авторы относили это к восстанию Восе, хотя в этом документе нет не только прямого, но и косвенного упоминания на Восе. Другой документ — рапорт начальника Самаркандского охранного отдела от 4 декабря 1886 года. В нём, основываясь на донесении разведчика, сообщается, что в Бухарском ханстве повсюду спокойно, только в конце октября в бекетве Бальджуанском было волнение между горными районами Ях-су, недовольные эти были подавлены беком ввиду высоких налогов, но беспорядки эти были подавлены беком с помощью нескольких селений и отправлением в Бухару к эмиру коноводов. Вообще же население Кулябского и Бальджуанского бекств терпит большие притеснения от беков и взысканий от поборов и податей и особенности по взыванию к дарованию 10. Авторы склонны утверждать, что это волнение было крупным и произошло уже после восстания Восе.

Другими исследователями приводится рапорт Ферганского губернского губернатора от 4 октября 1888 года вышестоящему начальству, в котором свидетельствует о народных волнениях 1887—1888 годов 11. Ввиду того, что именно этот документ, вопреки мнению авторов, имеет отношение к восстанию Восе, приведём для убедительности его главную часть. «Только что, — говорится в нём, — прибывшие из Каратегина торговцы рассказывают о случае убийства, в Бальджуане сборщика зякета следующее: каратегинский бек по приказанию эмира послал одного из почётных лиц для сбора зякета с горных кочевников местности, подведомственной кулябскому беку. Зякетчи, приехав в кишлак Ховалинг и собрав старейших людей, потребовал взноса зякета, но старейшины ответили, что народ не имеет денег и поэтому просит принять зякет скотом, но зякетчи ввиду полученного им приказа не согласился на это предложение и настаивал на взнос зякета деньгами. Тогда собравшиеся жители начали угрожать зякетчи, вместе с тем будто бы отравили от себя несколько человек в Кабул, прося заступничества у Убдурахман-хана. Зякетчи, видя, что народное волнение принимает опасный характер, дал знать об этом в Бальджуан тамошнему саркарду, прося его о помощи, куда вслед затем бежал и сам. Бальджуанский саркард, получив эти известия, немедленно двинулся с имеющимися при нём сарбазами в Ховалинг, где имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района горячую схватку, при которой с обеих сторон были раненые и убитые, а в числе последних и зякетчи». Далее приводятся и другие сведения 12. Нетрудно заметить в этом документе спорные мо-

менты. В частности, Ховалинг составитель относит к Кулябскому бекству, а убийство зякотчи, которое произошло там же, к Бальджуанскому бекству. Но не будем придирчивы по отношению к составителю. Важно, что в документе отмечено, что бальджуанский саркарда в Ховалинге имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района жестокую схватку, что свидетельствует о масштабе восстания и широком участии в нём масс народа. Согласно такому описанию события и даты восстания, нетрудно сделать вывод, что в документе речь идёт о восстании Восе. Но авторы считают это восстание лишь третьим после восстания Восе и, согласно их мнению, «восстание Восе не было в 1885 году сломлено окончательно, хотя вождь восстания погиб, будучи захвачен эмирскими войсками и предан жестокой казни. Потерпев поражение в 1885 году, трудящиеся Бальджуанского и Кулябского бекств делают новые и новые попытки разбить свои оковы»¹³. Как видно, авторы правы в одном: с 1885 по 1888 годы в Кулябском и Бальджуанском бекствах произошли восстания, но не могли определить, что самым мощным из них восстание Восе именно в 1888 году. Неверным является вывод авторов о продолжительности восстания с 1885 по 1888 годы, причём, без руководителя, что никак не могло происходить в условиях того политико-административного режима и социально-экономического положения трудящихся. Крестьяне не были в состоянии воевать непрерывно в течение трёх-четырёх лет. Тем не менее эти авторы отстаивали свою точку зрения, неверно интерпретируя документы, что послужило для других исследователей основанием придерживаться мнения о том, что восстание Восе произошло именно в 1885 году. Но такое суждение не могло стать окончательным выводом в исторической науке. На долгое время оно стало бесспорным после выхода столь серьёзного исследования, каким является труд Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины»¹⁴, где, как было отмечено выше, наряду с другими событиями кратко охарактеризовано восстание Восе, а его датой назван 1885 год. Такая же датировка содержится в фундаментальном труде Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении»¹⁵, переизданном за сравнительно короткий срок — с дополнениями — три раза (1949, 1952, 1955 гг.) на русском языке в Москве, и послужившем основой для главного труда академика Б. Г. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (М., Наука, 1972 г.)¹⁶.

Как известно, фундаментальные труды создаются на базе всего накопленного в той или иной области науки, и их авторы опираются на общеизвестные в науке факты. Очевидно, что его соавтор по работе «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины» И. Проторов, имевший несколько публикаций о восстании Восе, смог убедить Б. Г. Гафурова в том, что восстание произошло в 1885 году.

Впоследствии Б. Г. Гафуров не занимался специально этим вопросом, иначе при его широкой эрудиции и аналитической способности, он наверняка внёс бы поправку в датировку восстания.

Но факт остаётся фактом. Долгое время в дальнейшем исследователи не пытались оспаривать эту дату¹⁷. Правда, некоторые колебания имелись у Б. А. Искандарова, о чём свидетельствуют его несколько противоречивые выводы. Указывая на документ, переданный ему известным учёным-востоковедом А. А. Семёновым, где речь идёт об отправке к эмиру гиссарским беком Астанаклом-кушбеги пленного Восе вместе с несколькими участниками восстания, Б. И. Искандаров отмечает, что на трубочке, в которую вкладывалось донесение, стояла дата: «1305 Хиджры», что соответствовало 1887—1888 годам. Тем не менее, Б. И. Искандаров выражает сомнение, что восстание произошло в 1888 году. Более того, он уверен, что восстание произошло на три года раньше, т. е. в 1885 году. «Следовательно,— пишет он,— мы должны допустить одно из двух: или восстание Абдул-Восе было не в 1885 году, как свидетельствуют все показания, а позже года на три, но крайней мере, или же, это восстание длилось не год, и не два, а гораздо больше, закончившись при эмире Абдул-Ахаде (1885—1910 гг.)»¹⁸. Это не единственный документ, приводимый учёным. В качестве подкрепления своей мысли о том, что именно в 1888 году в Бальджуане и Кулябе произошло крупное восстание, автор ссылался на вышеупомянутые документы, опубликованные Д. Фахьяном и Н. Прохоровым, которые восстание 1888 года считали третьим после восстания Восе. Такое же сомнение наблюдается и в более поздней работе Б. И. Искандарова «Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана», в которой он подтверждает, что восстание Восе произошло в 1885 году. Но вместе с тем, ссылаясь на документ, предоставленный ему профессором А. А. Семёновым, он отмечает, что, вероятно, «выступление крестьянских масс продолжалось ещё

несколько лет после 1885 года»¹⁹.

Документ, на который ссылаются Б. Н. Искандаров и ряд других авторов, представляет собой небольшое донесение гиссарского кушбеги Астанакула эмиру Абдулахаду. В нём бек, обращаясь к эмиру, пишет, что, соблюдая осторожность, «отправил в высочайшую резиденцию (Вашему величеству) неблагодарного Абдул-Восе — бальджуанца...»²⁰.

Свёрточек письма (в трубочку) запечатан бумагой с от- тиском печати «Остона-кул-бий кулли кушбеги 1305» (1887— 1888)²¹. Интересно и примечание А. А. Семёнова к этому документу: «Документ этот из моего собрания и является своего рода фиалом известного восстания Восе (упоминае- мый в этом письме Абдул-Восе — бальджуанец) в Бальд- жуанском бекстве. Вопреки утверждению автора «Истории таджикского народа» (т. I, М., 1949, с. 428—430) Б. Г. Га- фурова, что эмир Музаффар (умер в 1885 г.) приказал повесить Восе в Шахрисабзе, Восе по этому документу был захвачен при преемнике эмира Музаффара, Абдулахад...»²².

Всё это наталкивает на мысль о том, что у А. А. Се- мёнова было своё мнение относительно даты восстания, не совпадавшее с утвердившимся.

Сомнение, что основные действия восстания Восе раз- вернулись в 1885 году и продолжались до 1888 года, вы- сказал и Б. Шариф-заде. Он пишет, что Восе продолжал борьбу до 1887 года: «После поражения Восе направился в Ях-су (северо-восточная часть Ховалинга) и там начал создавать новые повстанческие отряды из числа местных крестьян. В 1887 году здесь между сарбазами эмира и пов- станцами произошло сражение, в результате предводитель восстания Восе был схвачен сарбазами»²³. Восстание 1888 года он считает лишь отголоском восстания Восе²⁴.

Первая попытка скорректировать сложившиеся мнения относительно датировки восстания Восе принадлежит И. А. Степенко. В статье «Разгадка одной исторической даты»²⁵ он приводит данные трёх документов, подтверждающих да- ту восстания. Первый, на который он опирался, являлся тем же документом из коллекции А. А. Семёнова, о котором речь шла выше. Два других были обнаружены им в ЦГА УзССР (Ф. 3. — Российское политическое агентство в Бу- харе, оп. 2). Это рапорт Самаркандского уездного нач аль- ника военному губернатору Самаркандской области, состав- ленный в августе 1888 года. В нём говорится: «Кулябцы, живущие в местности Шураб-дарья, недовольные дейст- виями сборщика налога бека, возмутились. При этом шураб-

ларынцы высказали прежнему сборщику подати полное неповиновение, и вместо него назначили некоего Мулла-Васича. Астанакулу-Диванбеги — гиссарскому беку, явившемуся с отрядом для подавления, местные жители сначала даже отважились оказать сопротивление., но бунтовщики, не выдержав натиска отряда диванбеги, обратились в бегство. Главный зачинщик Мулла Васич, говорят, бежал. Участники этого беспорядка пойманы»²⁶. По мнению И. А. Стеценко «по всем чертам с восстанием Восе совпадает и третий документ, датируемый июлем 1888 г.»²⁷.

Мысль о том, что восстание Восе произошло в 1888 году, И. А. Стеценко развил в монографии «Из истории народных движений в Таджикистане»²⁸. Указывая на ошибочность мнений предыдущих авторов о датировке восстания, он справедливо отметил тот факт, что все они не дают ссылки на тот или иной материал, который подтвердил бы их мысль о том, что восстание произошло именно в 1885 году²⁹. Для подтверждения своей точки зрения по этому вопросу учёный приводит довольно убедительные аргументы. Кроме архивных документов, он анализировал и имеющиеся опросные данные. Сопоставление фактов привело его к категорическому утверждению о том, что «восстание под руководством Восе произошло не в 1885 или 1886 г., как это утверждалось раньше, а в 1888»³⁰.

Таким образом, И. А. Стеценко, хотя и не добавил в целом ничего существенного к имеющимся в литературе сведениям, но он смело опровергал утвердившееся мнение о том, что восстание произошло в 1885 году и пришёл к заключению, что восстание произошло на три года позже, то есть в 1888 году. Это и является главной заслугой исследователя.

Но доводы И. А. Стеценко для подавляющего большинства специалистов оказались неубедительными. В печати даже появились упрёки в его адрес о том, что, якобы, для научного спора он источниками не располагает, и те документы, на которые он ссылается, не дают основания для таких выводов³¹.

В своих суждениях по поводу датировки восстания Восе И. А. Стеценко не был одинок. В начале 60-х годов исследователь из Узбекистана К. З. Хакимова, работая над диссертацией «Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в.» и изучив материалы архива из фонда кушбеги эмира бухарского (ЦГА УзССР), обнаружила ряд документов, в которых имелись сведения о вос-

станции Восе. Знакомство с ними привело её к заключению, что данное восстание действительно началось в июле 1888 года, но, согласно её мнению, протекало несколько иначе, чем описывает И. А. Стеценко³². Что касается восстания 1885 года, то Мухсинова отмечает, что оно вспыхнуло в Муминабаде и являлось самостоятельным восстанием, о котором не упоминается в исторической литературе³³. Несмотря на эти выводы, доминирующее положение в научной литературе ещё долго продолжало занимать мнение, что восстание Восе произошло в 1885 году.

Спустя почти два десятилетия, датировка восстания И. А. Стеценко и К. З. Мухсиновой нашла подтверждение в статье Ш. Юсупова, написанной для юбилейного энциклопедического однотомника «Таджикская Советская Социалистическая Республика» (первое и второе издание — 1974 и 1984 годы). К сожалению, эта статья не была замечена исследователями, иначе как объяснить тот факт, что даже в юбилейном 1988 году, в изданном тогда учебнике «История Таджикской ССР» для 7—8 классов восстание по-прежнему датировалось 1885 годом³⁴.

Всё вышесказанное, естественно, вызывает сомнения читателя, и относительно определения даты восстания возникают законные вопросы: «Какому выводу верить?», «Какая дата всё-таки является более достоверной?». Чтобы рассеять колебания и помочь читателю, всё же следует обратиться к имеющимся в нашем распоряжении в настоящее время архивным документам.

Работая в архиве внешней политики России (АВПР) Архивного управления МИД СССР в 1982 году, автору этих строк удалось обнаружить копии ряда документов, свидетельствующих о том, что восстание Восе произошло в 1888 году. Причём, часть этих документов, судя по содержанию, являются экземплярами или копиями тех, которые обнаружили предыдущие исследователи (Д. Фаньян, Н. Прохоров, И. А. Стеценко, К. З. Мухсинова) в ЦГА УзССР.

Несмотря на имеющиеся в этих документах разногласия по вопросам о масштабе восстания, действиях восставших, подробностях о его руководителе и т. п., бесспорно, что в них подводится черта под спорами о датировке восстания. Отрывки из этих материалов приводятся нами в хронологической последовательности ниже.

В копии с рапорта самаркандского уездного начальника от 4 июня 1887 года (№ 3779) военному губернатору Самаркандской области сообщается: «Повсюду на Амударье

полный неурожай и чрезвычайная дороговизна всех продуктов. В бухарских бекствах всё спокойно. Каратегинский бек Рахмонкул-парваначи отозван и заменён Батыркулом-парваначи»³⁵. Согласно документу, год, предшествовавший восстанию Восе, был неурожайным³⁶, но несмотря на все трудности, народ всё же терпел и наблюдались заметные боления, хотя согласно данным, в предыдущий, 1886 год, в Бальджуанском и Кулябском бекствах произошёл ряд открытых выступлений дехкан³⁷. Следующий, 1888 год, как известно из приведённых исследователями сведений очевидцев, выдался урожайным. Все основные события, относящиеся к восстанию Восе, разворачивались именно в этом году. О том, что эпицентром народного волнения стал Бальджуан, свидетельствует копия документа, полученного из Бухары 18 июля 1888 года (из донесения политического агента в Бухарском ханстве Н. Чарыкова начальнику Азиатского департамента МИД России Н. О. Розенбаху), где говорится: «Отправившийся в Бальджуан Акрамбек находится теперь у Байсунского тюрадждана (сын эмира, являющийся беком Байсуна — Х. II.), дальше в Бальджуан не идёт, так как там население, говорят, отложилось»³⁸. До этого события, судя по другому свидетельству, Акрамбек «прибыл в Бухару из Дарваза с тысячей сарбазов»³⁹.

Другой документ, составленный 9 июля, более проясняет обстановку: «Сарбазы и артиллерия выступили. Сам лично Его высокостепенство (т. е. эмир — Х. II.) находится в Карши. Прежде выступления войск Акрамбека-саркарда с одной тысячей сарбазов и двенадцатью амалдарами (т. е. чиновниками — Х. II.) над сарбазами отправлен в Бальджуан, где племя лакай, населяющее Бальджуан, отложилось. Садык-бек застрелен, вместе с ним убито четыре человека сарбазов в Бальджуане. Абдул-Алим-бек с одной тысячей сарбазов стоит в Дарвазе. Двести человек сарбазов — в Кулябе и сто человек — в Бальджуане»⁴⁰. В этом документе следует обратить внимание на слова: «племя лакай, населяющее Бальджуан», свидетельствует о недостаточном знании или вернее, полном незнании информатора об этническом составе населения Бальджуана.

А вот документ, поступивший из Бухары и датированный 28 июля 1888 года. В нём сообщается: «В Бальджуане и Хиссаре, говорят, воцарилось полное спокойствие, виновники, говорят, бежали в Бадахшан, Акрам-бек в Бальджуане занял место убитого Садык-бека»⁴¹.

Следует отметить, что сам путь из Бухары в Бальджуан

в летнее время был нелёгким и по данным, поступившим из Бухары, из тысячи сарбазов, отправленных в Куляб и Бальджуан, 80 умерли по дороге»⁴². Всё это подтверждается другим документом, копией донесения от 3 августа 1888 года, которое гласит: «Астанакулбек-кушбеги гиссарский выступил с войсками в Дарваз и Бальджуан, отложившихся покорил»⁴³. Здесь же упоминается предыдущий факт: «Из тысячи человек сарбазов, которые Его высочеством были отправлены в Хисар, 80 человек, измученные переходами по жаре во время следования, умерли»⁴⁴.

Хотя в этих источниках нет сведений о главных сражениях и масштабах восстания, тем не менее по ним можно сделать вывод о нём, как о довольно крупном событии. В августе 1888 года было сообщено, что «эмир назначил Абдулкадыр-бека начальником в Бальджуане». Далее говорится, что «Астанакулбек-кушбеги гиссарский из отложившихся бальджуанцев захватил 130 человек представителей, арестовал их и отправил в Шахрисабз, Его высочеством, покорив всё отложившееся население»⁴⁵.

Как явствует из документов, восстание происходило в июле-августе 1888 года. Но в них нет имени руководителя. На этот вопрос даёт ответ копия с рапорта Самаркандского уездного начальника от 19 августа 1888 года (за № 5083) военному губернатору Самаркандской области следующего содержания: «Пенджикентский участковый пристав рапортом за № 714 донёс мне о слухах из Хиссара следующее: «Кулябцы, живущие в местности Шураб-дара, недовольные действиями бека, сборщика зякета, говорят, действительно было возмутились. При этом шурабдарынцы, высказав прежнему сборщику полное неповиновение, вместо него назначили некого Мулла Васича»⁴⁶.

Астанакулу диван-беги, явившемуся с отрядом для подавления, местные жители, как говорят, «в городе Бальджуане отважились оказать сопротивление. В этом столкновении, по слухам, с обеих сторон по несколько человек, будто бы даже убито... бунтовщики, не выдержав натиск отряда диван-беги, обратились в бегство. Главный зачинщик Мулла Васич, говорят, бежал, но многие участники этого беспорядка пойманы...»⁴⁷.

Последний документ от 27 августа 1888 года как бы является заключительным из этой серии донесений и рапортов о восстании. В нём сообщается: «Из числа бальджуанских злоумышленников 40 человек по приказанию Его высочества преданы смертной казни в Бальджуане, двое

старших были преданы смертной казни в Китабе»⁴⁸. Из этих двух, по мнению К. З. Хажимовой, один был Восе⁴⁹.

Таким образом, судя по этим документам, первый из которых датируется 9 июля, а последний 27 августа, восстание не прекращалось весь июль. Согласно предпоследнему документу, который был составлен 16 августа, Восе ещё не был пойман. Если учесть соотношения старого и нового стилей (разница равна 12 дням), то восстание продолжалось почти до середины августа, а сам Восе был пойман не ранее, чем в конце августа — начале сентября по новому стилю.

Слухи о восстании поступали до конца 1888 года. Так, в выписке из копии донесения политического агента Чарыкова начальнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел от 31 декабря 1888 года (№ 1173) говорится: «...Миновавшим летом было волнение, которое только прекращено энергичными мерами гиссарского бека Астанакул-кушбегия»⁵⁰. Сведения о подобных документах можно продолжить, но, на наш взгляд, приведено достаточно для того, чтобы убедиться в том, что восстание произошло в июле-августе 1888 года.

Любопытно, на наш взгляд, отметить и такой факт. Пока ученые вели спор о точной датировке восстания, в 1983 году в Душанбе в издательстве «Ирфон» вышел путеводитель «Куляб». Его автор — В. В. Фролов, специально не занимаясь вопросом установления правильной даты, но в своей книге, опираясь на данные архива Кулябского обкома компартии Таджикистана, пишет: «Апогеем крестьянских волнений в Восточной Бухаре в конце прошлого века явилось вооружённое восстание народных масс в Бальджуанском бекстве в 1888 году под руководством крестьянина-бедняка Восе из кишлака Даран Мухтор Ховалингского амлякдарства. Восставшие напали на дом амлякдара в Ховалинге, захватили имущество феодалов и представителей духовенства. На призыв Восе откликнулись тысячи людей из Бальджуана и Куляба, задавленных гнётом и произволом. Отряды Восе захватили в плен бальджуанского бека...»⁵¹.

О ВОССТАНИИ ВОСЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Образ Весе и наиболее активных участников восстания отразили в своих произведениях немало представителей таджикской советской литературы и искусства.

Первым автором, пытавшимся создать образ руководителя восстания, был писатель и поэт Абдурауф Фитрат, создавший в 1927 году драму «Восстание Весе»¹. Тот факт, что она стала первым произведением этого жанра на таджикском языке, свидетельствует о внимании, которое уделяли представители творческой интеллигенции этому событию ещё в годы становления таджикской советской литературы и культуры. Несмотря на некоторые неточности в описании события и довольно примитивное и упрощённое по нынешним меркам отражение действий его активных участников, трудно недооценить значение данного произведения.

Тем не менее упомянутые недостатки снижали образ Весе, воплощённый в драматургии. Об этом писал искусствовед Л. Н. Демидчик: «Пьеса во многом шла в разрез с конкретной исторической реальностью, суровая правда жестокого смутного времени была вытеснена в ней этнографической экзотикой... Малоудачной оказалась и последующая попытка С. Саидмурадова воплотить эту тему в драматической форме»².

У нас нет сведений о роли этой пьесы в пробуждении широкого интереса населения республики и будущих исследователей к изучению восстания, но с уверенностью можно заключить, что автор дал толчок к более серьёзному вниманию к этому.

Отметим, что именно в сценических произведениях в 30-е годы получил дальнейшее воплощение образ народного героя.

Драма Г. Абдулло «Весе», премьера которой состоялась 17 июля 1937 года³, а также либретто М. Турсунзаде и А. Дехоти для оперы «Восстание Весе», написанное в 1938–1939 годах, занимают в этом отношении особое место. Оперное либретто в то время явилось новым художественным жанром в республике. Авторы, опираясь на имеющиеся сведения о восстании, а также на фольклор, создали яркий образ героя⁴.

«Авторы либретто,— пишет Б. И. Кадырова,— проделали большую работу, изучая материалы, связанные с этой замечательной страницей революционной борьбы таджикского народа»⁵. Трудно согласиться с тем, что восстание Весе

соотнесено с революционным движением, но автор права в том, что это событие действительно является замечательной страницей в истории борьбы трудящихся против угнетателей. М. Турсун-заде и А. Дехоти внесли большой вклад в изучение события и его пропаганду.

На основе либретто была создана опера С. А. Баласашина «Восе», премьера которой состоялась 16 октября 1939 года к 10-летию юбилею Таджикской ССР.

Таким образом, становление и развитие таджикской драматургии тесно связано с воплощением образа Восе. Сам факт, что в центре первой национальной оперы находится образ Восе, говорит об особом отношении представителей советской таджикской культуры к этому народному герою.

Подвиг Восе был воспет в поэме народного поэта-сказителя Бобоюнуса Худойдод-заде «Поэма Восе» (в стиле Туругли). Поэма записана со слов поэта-сказителя Л. Бургу-заде в присутствии Р. Джалилова и Чейлитко в 1939 году⁶ и была издана в 1941 году.

Будучи свидетелем данного события (во время восстания автору было 15—16 лет), хорошо зная бедственное положение народа в результате его эксплуатации центральными и местными феодалами, Б. Худойдод-заде выразительно отражает жизнь народа и героический подвиг Восе. Обращает на себя внимание попытка раскрытия психологии героя.

По мнению критика С. Табарова, выросший в той среде Б. Худойдод-заде, глубоко знавший действительность и испытавший на себе все тяготы нелёгкой жизни (его отец Худойдод из селения Касатарош был активным участником восстания, в ходе которого получил тяжёлое ранение и вскоре умер), стремился дать реальную картину события⁷. В этом легко можно убедиться, ознакомившись с поэмой, в которой называются действующие лица, места основных действий повстанцев. Их мужество и стойкость получили красочное отражение. Особенно полно раскрывается характер Восе, его смелость и бесстрашие. Даже поражение и предательство близкого к нему человека, в которого он верил, не сломили дух героя, который до самого своего конца считал борьбу восставших справедливой. Это проявляется, в частности, в драматически острых диалогах с представителями власти, в полемике с самим эмиром.

Уместно отметить, что в этом же жанре, но спустя 45 лет после публикации поэмы Б. Худойдод-заде, другой известный народный поэт-сказитель и певец Курбонали Раджаб также сочинил «Поэму о восстании Восе» в стиле

«Гуругли»⁸. Поэма начинается с обращения автора к сыну со словами, что достоверное повествование о минувших событиях он услышал от отца. В поэме речь, в основном, идёт об одном сражении, состоявшемся между воинами Восе и направленным против восставших отрядом локайцев во главе с Алаёром. Алаёр вначале, по некоторым слухам, благосклонно отнёсся к Восе, но бек сумел путём подкупа направить его на поимку героя. Поверив в уверения Алаёра, обещавшего помощь и предавшего его в Ходжа Бальджуане, Восе вынужден был дать ему бой. В ходе сражения Алаёр был убит, но восставшие понесли поражение и началось их преследование.

Значительная часть поэмы посвящена истории поимки Восе и его отправке к эмиру. Автор с особым мастерством раскрывает психологическое единоборство Восе и эмира, духовное бессилие последнего.

Устроенная по воле эмира его встреча с пленным Восе для вынесения окончательного приговора ещё больше убедила народного вожака: о его единственно верном выборе Восе уверен, что печальный конец борьбы, приведший к его физическому уничтожению явится началом духовного возрождения народа. Его диалог с эмиром заканчивается приговором, вынесенным героем всему роду монарха:

Куши гарчи маро авлод дорам.
Ман ояндам... ба онҳо месупорам.
Ту хам мирӣ агар,
наслат бимонад,
Зи наслат насли ман хунам ситонад.

То есть:

Убей меня, но помни, что погожкам,
Завещено мечты моей исполнение.
Знай, что и тебе смерти не миновать,
И не избежать потомству твоему отщепеня⁸.

На наш взгляд, значение вышеназванных поэм и заслуга их авторов — народных певцов, поэтов-сказителей заключается прежде всего в том, что благодаря популярности данного жанра и самих авторов подвиг Восе стал не только отдалённым отзвуком прошлого, но и актуальным для певцов и сказителей произведением.

Начиная с 40-х годов, к образу Восе всё чаще стали обращаться представители таджикской поэзии. Отдельные стихотворения посвятили герою Мумини Каюват, Гаффор Мир-

зо, Мастои Шерали, Басир Расо, Гулназар, Бозор Собир и др.⁹ В них в художественной форме раскрываются те или иные грани подвига Воше, показываются истоки его духовного и физического бесстрашия. В этом плане особенно удачным следует считать «Поэму огня» (1966 год) М. Каюата¹⁰, часть которой посвящена подвигу Воше. Читателю представлена эмоциональная картина события, отражено умение Воше призывать, убеждать и повести за собой народные массы на борьбу.

В другом стихотворении «Казнь Воше» (1966 год)¹¹ поэт в лаконичной форме описывает поединок Воше с эксплуататорской верхушкой в лице бухарского эмира. Финал, приведший к физической расправе над Воше, становится началом духовного прозрения трудового народа, вступившего на новый этап борьбы. Приговор, вынесенный эмиром, воспринимается как приговор для самого эмира и всего эмирата в целом.

Большой интерес вызывает и стихотворение Бозора Собира «Священная война Воше»¹². Поэт точно отражает психологическую подготовленность бедняков к восстанию, указывает на безупречную репутацию Воше как предводителя восстания, который, являясь плотью от плоти народа, смог повлиять на своих соотечественников и поднять их на борьбу против феодального гнёта. Поэт сумел искусно отразить участие в восстании широких слоёв населения. Неравность сил по степени вооружённости компенсировалась той ненавистью, которую испытывали бедняки к представителям бухарской и местной административной власти. Физическое поражение не могло отнять у восставших и их руководителя веры в торжество справедливости, за которую продолжали вести борьбу потомки.

Своеобразным итогом в разработке образа Воше в художественной литературе является роман видного таджикского писателя Сатыма Улуг-заде «Воше» (1967 год). Большой опыт работы над созданием историко-художественных произведений, обширная эрудиция, глубокое знание истории, культуры, быта и традиций народа позволили автору мастерски создать цельную картину жизни трудящихся масс и с достоверностью отразить все стороны политической и социально-экономической жизни Бухарского эмирата, главным образом восточной его части, во второй половине XIX в.

Известный литературный критик М. Шукуров отмечает, что роман С. Улуг-заде «Воше» является первым сугубо историческим романом, сыгравшим особую роль в развитии

этого жанра в таджикской литературе¹³. В этом отношении С. Улуг-заде прочно держит пальму первенства и его драмы «Рудаки» (1958 год), «Гемурмалик» (1968 год), «Учёный Адхам» (1973 год), повесть «Согдийская легенда» (1975 год), роман «Фирдоуси» (1986 год) свидетельствуют об особом интересе писателя и учёного к историческим личностям и событиям. Эти произведения демонстрируют глубокое знание автором истории народа. По подробности анализа структуры управления власти эмирата со всеми присущими ей интригами и реалиями, имевшими место в социально-экономической жизни Восточной Бухары после её присоединения к эмирату, роман «Восе» стоит на уровне специального научного и самого авторитетного исследования. Писатель с присущей ему глубиной стремится подробно раскрыть социально-экономические предпосылки восстания. Не случайно две трети романа посвящены описанию той социальной почвы, на которой усиливались разногласия между бедняками и имущим классом, что привело не только к открытому неповиновению первых, но и к стремлению силой взять свои права, обеспечить торжество справедливости.

Прослеживая закономерности, приведшие к народному восстанию, Улуг-заде постепенно выводит своего героя на новый этап восприятия им окружающего мира или мироощущения. Много открывается для Восе через историю его друга и названного брата Назира, попавшего в Шахрисабз, где по ложному обвинению в убийстве местного богача его заключают в тюрьму. По дороге в Янги-базар (ныне г. Кокфаринхон) судьба свела будущего руководителя восстания с бывшим кабадзианским раисом Мирзо-Акрамом, который, лишившись административных должностей, вёл в Бухару докайских лошадей, купленных по дешёвой цене в Яване и Кокташе. Описывая спор, возникший между Восе и Мирзо-Акрамом, когда последний высказал своё подозрение по поводу порядочности Восе, автор довольно убедительно раскрывает характер героя, его честность, некоторую простоту и доверчивость, присущие жителям горных селений, которые плохо разбирались в отношениях, существовавших среди населения больших городов Центральной Бухары с их развитыми торговыми отношениями. «Мы, почтенный,— обращаюсь к Мирзо-Акраму, говорит Восе,— народ простой, люди грамоте необученные. Что-нибудь из писания священных книг можем и не знать, да и не все слова молитвы помнить можем. Но у нас есть истинная вера, есть честь. Мы не ворует, не притесняем слабых, не берём чужого, не

прелюбодействуем и не говорим неправды. Честно едим свой хлеб»¹⁴.

В качестве временного слуги Мирзо-Акрама Восе, перегоняя лошадей из бекства в бекство, побывав в ряде городов. Познакомившись поближе с положением главных бекств эмирата, он всё полнее познавал несправедливость власти в её управлении, непосильный гнёт трудового населения ханства. Обман, лицемерие, которые глубоко укоренились в чиновничье-административный аппарат, наблюдались повсеместно, что, естественно, приводило к усилению ненависти народа, проявляющейся в частых выражениях недовольства и порою открытых выступлений против местных и центральных представителей власти. Под воздействием этих факторов, по логике суждения писателя и в какой-то мере под влиянием просветительских идей, которые, хотя и с трудом, пробивали себе путь к сознанию отдельных представителей общества, происходит прозрение этих людей. В романе, в частности, знакомство Восе с просветительскими идеями происходит через Мулло-Сафара — одного из героев произведения, земляка Восе, жажда к знанию которого привела в Бухару, а затем по воле судьбы попавшего в Самарканд (был приглашён толкователем шариата, как хороший каллиграф для переписки нескольких священных книг). Поиски путей спасения Назира привели Восе к знакомству с этим интересным человеком, считавшим себя, как постепенно выяснилось из его рассказа, одним из учеников Ахмада Дониша.

Трудно установить прямую связь мировоззрения Дониша — известного просветителя и учёного и мироощущения бедняка, горного таджика, каким являлся Восе. Тем не менее, писатель эту связь проводит через Мулло Сафара, который являлся промежуточным звеном (быть может, и сам до конца не разобравшись в передовых идеях просветительства) между ними. Подобные идеи, возможно, внесли сомнение в веру о проявлении справедливости по отношению к податным сословиям со стороны представителей центральной и местной администрации.

Писатель, довольно глубоко вникший в налоговую систему, в суть её политики, указывает на своевольные сборщиков, которые действовали далеко не по требованиям шариата. «В числе государственных налогов, приносивших эмирской казне большой доход,— говорится в романе,— был новый налог, введённый эмиром Музаффаром во время войны

Бухары с войсками царя. Этот военный налог был назначен эмиром для выплаты контрибуции победившим его царским войскам. Война окончилась в том же 1868 году, когда началась, налог с населения был собран и выплачен, но в дальнейшем эмир ежегодно продолжал взимать его с подданных своего государства. И потому население назвало этот налог словом «нохақона», что в переводе на русский язык означает «неправый», «несправедливый»¹⁵.

Характерен пример самого Восе, выплатившего штраф за расправу со сборщиком зернового налога Джабиром, побившем его детей Хасана и Давлята за то, что они сорвали несколько колосьев с пшеничного поля, чтобы испечь в горячей золе и тем самым хоть немного утолить голод. Амлякдар наложил на Восе денежный штраф в размере ста теньги. Причём, он потребовал, чтобы тот заодно внес и другие налоги, такие, как тягловый налог, налог с садов и клеверника, за мельницу, базарный сбор и т. д.¹⁶ Чтобы полностью расплатиться, Восе продал на Ховалингском базаре за триста семьдесят монет своих быка и петеля. Из них двадцать уплатил как базарный сбор, тридцать как налог за право продажи, пять отдал посреднику, нашедшему покупателей¹⁷. В романе говорится, что «сумма положенного налога с каждой головы проданного скота давно была позабыта и теперь трое откупщиков (ховалингский амлякдар с братом и один из бальджуанских, которые откупили за сто тысяч у писмоводителя бальджуанского бека право на взимание в течение года всех базарных сборов — Х. П.) брали с людей столько, сколько им вздумается»¹⁸. Поэтому Восе, уплативший амлякдару оставшиеся триста пятнадцать монет, не смог выплатить весь «долг». За ним оставались ещё восемьдесят теньги, выплату которых амлякдар решил перенести на осень.

Что касается событий, относящихся непосредственно к восстанию, то они находят подробное отражение в романе. Побывав непосредственно в тех местах, где оно проходило, расспрашивая местных знатоков события, скрупулёзно изучая имеющиеся сведения о восстании и сопоставляя факты, писатель с исследовательской точностью воспроизводит основные детали и тем самым воссоздаёт довольно обстоятельную картину действия восставших.

Устами своего героя С. Улуг-заде чётко и лаконично перечисляет те причины, которые стали поводом к восстанию: «На базаре (в Ховалинге — Х. П.), — пишет писатель, — Восе с коня обратился к стекающемуся со всех сторон

народу: «Братья! Голь!.. Поднимайтесь! Настало время священной борьбы! Угнетение перешло все границы! Страна разорена. Народ доведён до отчаяния. Мангыт нас не считает людьми. Он сделал нас в нашей же стране бездомными скитальцами. Каждый правитель, каждый чиновник, каждый солдатский начальник подобен волку — все терзают народ! Их дело: ударь, разорви, схвати, унеси и только! Они сами кто? Откуда прибыли? Какое право они имеют грабить бедняков, морить наших детей голодом, похищать их? До каких пор мы будем страдать? Нет больше терпенья. Я обнажил меч на угнетателей!.. Вставай народ, иди на газават! Каждый, у кого есть честь, кто достоин сам себя, поднимайся на борьбу! Бери в руки меч, не найдёшь меча — бери палку, топор, вилы. Месть тирану! Чем умирать от унижений, тюрем и казней, лучше умереть в войне с проклятым тираном»¹⁹.

Этот призыв героя, хотя и не имеет документального подтверждения, очевидно, должен был быть таким, как сказано в романе. Писатель с присущей ему наблюдательностью и глубоким знанием жизни, быта и нравов народа, его психологии, смог реально обрисовать в сложившейся ситуации действия руководителя восстания, который только так должен был дойти до ума и сердца простых людей.

С. Улуг-заде с большой точностью описывает маршрут восставших, основные моменты их столкновений с правительственными войсками. Показаны первые удачные для Восе сражения у Бальджуана, где были разбиты отряды бека и бальджуанского караул-беги, захват столицы и позорное бегство бека в Кангурт. В романе освещён удачный поход восставших на амлякдарства Туткавул и Нурек. Достоверно описана и первая крупная неудача в сражении с бандой разбойников во главе с Тугаем, внезапно напавшей на небольшой отряд повстанцев, оставленный в Бальджуане. Но отступая, Восе сумел сохранить наиболее отважных своих приверженцев и вскоре, пополнив ряды отрядов, занял выгодные в стратегическом отношении пункты. Он готовился встретить главные силы противника — большой отряд (тысяча сарбазов) из Бухары и отряд гиссарского бека под общим руководством Астанакулом-кушбеги. Задача состояла в том, чтобы не дать возможность этой, уже находившейся в Нуреке армии, переправиться через реку Вахш.

К Восе прибывали непрерывно отдельные группы восставших со всех концов Бальджуана, Куляба и даже из некоторых селений Дарваза. Но, к сожалению, силы были

перавны. Несмотря на то, что по своей численности восставшие в несколько раз превосходили правительственные отряды, они были плохо вооружены. Имеющиеся у них в небольшом количестве фитильные ружья и кинжалы, явно не могли противостоять вооружению правительственных отрядов.

Попытки Восе во второй раз захватить Бальджуан, судя по описанию романа, оказались неудачными. По дороге к Бальджуану повстанцы натолкнулись на отряды бальджуанского бека и банду Тугая, направлявшихся на Кангурт. В это время с тыла внезапно появился авангард эмирского войска. Видя безвыходность положения, Восе повернул отряд повстанцев к Сурхобу, чтобы перейти реку и занять удобную позицию. Но навстречу двигался отряд кулябского бека. Таким образом, Восе оказался в кольце. Разгорелся ожесточённый бой, в котором Восе потерял основные силы. С остатками восставших он вырвался из окружения. Утратив веру в победу, крестьяне разбежались, остались лишь самые верные друзья.

Укрываясь в горах, Восе совершил несколько дерзких нападений на своих врагов. Он сумел собрать небольшой отряд и пытался освободить своих соратников, находившихся в плену в бальджуанской тюрьме, но безуспешно. В конце концов Восе был предательски взят в плен и отправлен к эмиру.

Основные моменты восстания в романе «Восе» получили освещение с большой точностью, несмотря на то, что автор мог бы, исходя из особенности жанра, допустить определённые отступления от фактического изложения событий.

Точное воспроизведение главных деталей восстания в романе ни в коей мере не ослабило художественной силы произведения, а напротив, на наш взгляд, подняло его на качественно новый уровень отражения исторических фактов.

В романе раскрыто мировоззрение наиболее близких Восе друзей, в числе которых Назир, Одина, Давлят, Аюб, Юсуф, Саидмерган и другие, показаны их роль в организации восстания, решимость, храбрость. Писатель стремился отразить простоту народного героя, становление его характера как руководителя восстания, духовную близость к народу, ответственность за его судьбу. Являясь выразителем чувств и интересов народа, Восе всегда, даже в период успехов, ощущал себя рядом с простыми людьми, а не над ними²⁰. Личные качества такого героя могут служить ярким примером для воспитания честности, мужества и го-

товности к служению своему народу²¹.

Таким образом, прослеживая историю воплощения образа Восе в различных жанрах художественной литературы, да и вообще в искусстве, нетрудно заметить, что именно этому герою в Таджикистане посвящены и первая драма, и первое либретто оперы, и первая поэма в стиле эпоса «Гуругли», и, наконец, первый исторический роман. Образ Восе был у истоков формирования различных жанров таджикской литературы и искусства. Всё это свидетельствует о той огромной любви и восхищении, которые испытывают благодарные потомки к этому замечательному, подлинному народному герою.

ЛИЧНОСТЬ ВОСЕ

Несмотря на крайнюю скудность источников, свидетельствующих о личности Восе, по имеющимся отдельным, порою вскользь упоминаемым фактам в «Песнях о Восе» и воспоминаниям очевидцев можно установить, если неполную картину его жизнеописания, то воссоздать главные черты его характера и внешности, определить влияние той среды, в которой он вырос, на формирование его как лидера, народного героя, поднявшего угнетённых крестьян и представителей других бедных слоёв на справедливую, но, к сожалению, обречённую на поражение борьбу.

Судя по содержанию имеющихся в «Песнях» строк, Восе к моменту восстания был молодым, с богатырским телосложением, мужчиной:

Как смугл Восе, как высок,
Как плеч его разлёт широк.¹

Сопоставляя имеющиеся факты и те сведения, в которых приводятся предположительное мнение исследователей о возрасте Восе, его возраст следует определять между 35 и 40 годами (хотя есть и предположения, что в год восстания ему было 25—27 лет). Во всяком случае А. Мухтаров, с присущей ему скрупулёзностью, собирая и сопоставляя факты, вытекающие из полученной им информации, в том числе от народного поэта Ислома Хола, определявшего возраст Восе в 35—37 лет, и автора романа «Восе» С. Улуг-заде, считавшего, что в год восстания тому едва ли исполнилось 40 лет, хотя и не высказывает свою однозначную точку зрения, но, как видно, склонен согласиться с мнением С. Улуг-заде³. Впрочем, имеются и мнения других авторов, утверждающих, что в год восстания Восе было 45—46 лет. Причём, данное суждение исходит из двух довольно серьёзных источников: а) рассказа участника восстания, 97-летнего Бобо Давлата (Давлата Собирова) исследователю Ю. Якубову; б) сообщения 76-летнего внука Восе Хасана в беседе с научными сотрудниками А. Саидовым и Д. Бердыевым в 1986 году⁴. К тому же, в год восстания, согласно рассказу внука Восе, его отцу Хасану (старшему сыну Восе) было примерно 13—15 лет. Почти взрослой в тот момент уже была дочь Восе Гулизор. Совокупность имеющихся сведений наводит на мнение о том, что Восе было 38—45 лет. Этот возраст для руководителя восстания такого, сравни-

тельно широкого, масштаба, является более всего приемлемым даже по тому соображению, что Восе был вполне зрелым и авторитетным среди всех бальджуанских жителей, значен он не смог бы собрать вокруг себя столько многочисленных последователей. Свой авторитет он мог завоевать по какому-нибудь известному поступку, скорее всего, своему участию в боевых действиях последнего правителя Куляба Сара-бека против своих внутренних и внешних врагов или против войска эмира бухарского в 1869—1870 годах, стремившегося силой присоединить независимые владения Восточной Бухары, в том числе Куляб и Бальджуан, к эмирату. Исключается, что авторитет Восе мог завоевать своей учёностью или знанием Корана и шариата. Он не закончил никаких медресе или хотя бы средних духовных учебных заведений. Он мог знать только простую начальную грамоту, достаточную, чтобы свободно читать молитву. Вероятно и предположение о том, что свою известность он получил благодаря храбрости, бесстрашию, организаторским способностям. Всего этого люди достигают, как правило, после 30—35 лет.

По роду занятий Восе был простым крестьянином-землепашцем. После уборки урожая, чаще осенью и зимой, он работал на своей небольшой маслобойне (джуваз), в этом помогая и соседям. Оставшиеся излишки масла он продавал на ховалинском базаре.

В том, что Восе стал руководителем восстания, по всей вероятности, немаловажную роль сыграли его богатырская сила, привлекательная внешность, смелость, уравновешенность и доброта души. Судя по информации современников, он во всех состязаниях по национальной борьбе — поднятию тяжестей, козлодранию, — легко добивался победы над друзьями-соперниками.

Мирзо Пираков, сын одного из сподвижников Восе, ссылаясь на свидетельство своего отца, известного силача Пирака-пахлавона (в буквальном смысле — Пирака-богатыря), рассказывал, что по пятницам каждый раз, по возвращении с ховалинского базара, в доме Восе собирались его близкие друзья, такие как Пахлавон Пирак из селения Тегучак, Сайяд из селения Бари-Джарак, Карим-човандоз (мастер по козлодранию) из Сангдары, Рустам-фалахмон (меткий стрелок) из Гаутама и десятки других. Они устраивали состязания, в которых Восе всегда удивлял своей силой и ловкостью. К примеру, он легко поднимал и переносил на другое место огромную маслобойную колоду, которую не могли

поднять вместе семеро его друзей.

Или другой эпизод. В дни празднования Навруза организовывались большие состязания по таджикской национальной борьбе (гуштингири), для участия в которых собирались силачи из соседних бекств. В одном из таких состязаний участвовал знаменитый борец из Афганистана Давлатшоҳ Кобули. После того, как он с лёгкостью положил одного за другим на лопатки известных борцов, вышел Восе. Уже после первых минут схватки гость, почувствовав силу и превосходство Восе, хотя тот и не был профессиональным борцом, шепнул ему на ухо: «Не позорь меня» чувство гостеприимства взяло верх. Поединок закончился ничью⁵.

Сохранилось много рассказов о характере Восе. Они порою разноречивы, но всегда сходятся в одном: он был предельно справедливым, уравновешанным, добрым и весёлым. Несмотря на своё бедственное положение, делился с друзьями последним куском хлеба. Его обычное, ничем не отличающееся от других подобных бедняцких домов, жилище было местом сбора друзей.

Восе были присущи те черты характера, которыми обладали обычно таджики-горцы, живущие в трудных природных условиях, т. е. неприхотливость, простота, граничившая порой с наивностью, добродушие, чрезмерное трудолюбие, предельная честность и вместе с тем, бесстрашие, готовность прийти на помощь соседу. Все эти качества были заложены генетически. Иначе не мог бы сложиться его характер, как лидера и борца за справедливость.

Селение Дарай-Мухтор, где жил Восе, находится в горной местности, сюда переселились его дед и отец. Их настоящим родовым местом является Хулос (брошенное селение севернее Ховалинга). Из-за сурового местного климата, малоземелья и низкой урожайности, дед Восе Белак и его сын Шакар (отец Восе) вынуждены были перебраться в Дарай-Мухтор, где появилась возможность приобрести немного больший участок земли, да и климат здесь более благоприятный, и почва более плодородная. Поэтому в характере Восе не могли не сказаться черты, которые присущи обычному горному таджику-земледельцу.

Его характер в наиболее концентрированном виде проявился во время восстания. Даже сам факт, что по первому призыву Восе вскоре собралось свыше тысячи дехкан, готовых к борьбе, а в ходе восстания к нему присоединились сотни, по некоторым данным и тысячи, крестьян из самых

далёких амлякдарств Бальджуанского и Кулябского бекств, свидетельствует о его высоком авторитете и влиянии среди соотечественников.

Накануне и в ходе восстания проявилось одно важное качество Восе — его организаторский талант, умение не только удерживать и направлять неорганизованную, необученную крестьянскую массу, но и организовывать питание и вооружать её. Люди выделяли муку из своих запасов, из которой пекли хлеб в лагере (на горе Баландсар) на нагретых жаром костра плоских, удобных для выпечки камнях. Эта картина в «Песнях о Восе» передаётся так:

Хамбидан Сурхсакова,
Аврато буровардан ова
Курсалим мезад това ⁶.

В переводе:

Спустились они и вот Сурхсакова,
Доставлять им воду женщинам не нова,
Салим-косой ⁸ неустанно печёт това ⁹.

Об избрании Восе руководителем восстания говорится в следующих строках:

Восеъ хамбид аз Баландсар,
Фақиро омадан яқсар,
Восера бардоштан сар.

В переводе:

Восеъ спустился из Баландсар,
Пришли бедняки и млад и стар,
Избрали Восе свой сардар. ¹⁰

Толпы людей к Восе стекались и днём и ночью:

Восеъ дар Сурхсакова,
Задак сесад алова,
Чукрй-пастй метова. ¹¹

В переводе:

Восе у Сурхсакова,
Триста костров снова
Освещают, не слышишь ли зова?

Эти вышеприведённые и многие другие куплеты из «Песен», хотя и непоследовательно, но достаточно ярко передают отдельные детали восстания, характер его предводителя и любовь народа к своему герою:

И вновь Весе вступает в бой,
Как лев неустрашим герой.

Или:

О вождь народа молодой,
Коварен, злобен недруг твой.

Об уверенности Весе в успехе:

Собирайтесь, о друзья, в поход,
Наш враг никуда не уйдёт.

Или:

Эмир мне ненавистен, злой
Эмир низвергнут будет мной.¹²

Всё это и многое другое подтверждает предположение о том, что выбор народа в избрании своего руководителя был не случайным. Это был испытанный герой, надежда трудового народа.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ВОССТАНИЯ

Итак, мощное восстание трудовых масс народа под предводительством Восе, охватившее Бальджуанское, Кулябское бекства и ряд амляктарств из соседних бекств Восточной Бухары, явившееся кульминационной точкой постоянных социальных противоречий, закономерно перераставших в вооружённое выступление против ненавистных мангытских и местных феодалов, потерпело поражение.

В ходе борьбы руководитель восстания, его ближайшее окружение и другие активные участники показали пример бесстрашия и волю к победе. Об этом свидетельствовали не только те моменты, когда были одержаны победы, в частности, при захвате Бальджуанской крепости и бегстве правительственных войск, но и в период их оборонительных действий (например, у Пулисангинского ущелья). Это же наблюдалось, когда не выдержав натиска намного превосходящих сил объединённых правительственных войск, к которым примкнули различные антиповстанческие отряды, восставшие вынуждены были отступить.

Потеряв основные силы (кроме убитых и раненых, покинули ряды восставших временные попутчики), продолжали мужественно сопротивляться наиболее преданные соратники Восе, такие как Хикмат, Нозим, Назир, Юсуф-пахлавон, Давлат, Юнус, Салим, Пирак и многие другие. Немало из них мужественно погибли на поле боя, другие оказавшись в плену, не потеряли уверенности в торжестве дела справедливости. Даже в то время, когда их оставалось совсем немного, отступая, они внезапно продолжали наносить ощутимые удары по врагу. Лишь когда окончательно стало ясно, что поражение неминуемо, оставшиеся в живых приняли решение, во что бы то ни стало спасти Восе. Для этого надо было найти надёжное временное убежище. Выбор пал на высокогорную труднопроходимую местность Ховалинга в Шуробдаре. Но и тут Восе продолжал борьбу. Узнав о том, что несколько повстанцев из близких ему друзей находятся в бекской тюрьме, он предпринял несколько безуспешных попыток их освободить.

По велению эмира бек за голову Восе обещал 1500 бухарских тенги. Для поимки вожака восстания в ход пошли испытанные методы для предательства — шантаж, подкуп, посулы о назначении на высокие административные должности.

Восе снова стремится собраться с силами. Он надеется

переправиться в Афганистан для встречи с бывшим независимым правителем Бальджуана и Куляба Сара-беком, также желавшим очистить край от наёмников мангытских властей и вернуть независимость. Но судьба не была благосклонна к герою.

Несмотря на то, что преданный друг Юнус выбрал для Восе довольно труднодоступное и малоизвестное место Шуробдары в Девлохе (по другим данным, в Калоти-зард), в пещере, через которую протекала речка, образовав широкий водопад, оно всё-таки было обнаружено. Бек с помощью Давлат-караулбеги сумел склонить к предательству одного из участников восстания — Махмадали (хорошо знакомого Восе), находившегося в плену. Освободив его из тюрьмы, была обещана за содействие в поимке Восе награда — пара быков, одежда и прочее.

Притворившись беглецом, скрывающимся от бека, Махмадали вышел на Восе. На встрече с ним он пообещал помочь перебраться в Афганистан. Предатель уговорил Восе и его 12 оставшихся с ним друзей направиться в местечко Бездара, где, якобы, находится знакомый ему табушик, который предоставит лошадей. В засаде Восе поджидал большой отряд сарбазов. Их нападение было неожиданным. В неравном рукопашном бою были убиты несколько эмирских сарбазов, но для повстанцев этот бой стал последним. Горстка храбрецов бесстрашно сражалась, но была разгромлена превосходящим по численности отрядом.

Восе и других пленников со связанными руками и ногами на лошадях повезли в Бальджуанскую крепость, где их ожидал бек, всё ещё перепуганный размахом восстания и яростью эмира. Отсюда Восе был отправлен к эмиру в Шахрисабз.

По имеющимся сведениям и рассказам очевидцев, Восе до последних минут жизни держался мужественно и достойно. Он не дрогнул при встрече с эмиром. Внутренняя сила, исполинская фигура, несгибаемая воля и смелый взгляд народного героя так подействовали на эмира, что тот, потеряв самообладание, не стал дожидаться обычной процедуры смертной казни, традиционно исполняемой в присутствии народа с оглашением вины осуждённого, повелел немедленно казнить Восе.

Исследователями приводятся различные варианты процедуры казни Восе, приведённой в исполнение при личном присутствии эмира. В отличие от многих авторов, указывающих на то, что руководитель восстания был повешен, наи-

более близким к истине, на наш взгляд, является приведённый А. Мухтаровым рассказ академика А. Мирзоева, узнавшего о том от своего отца, уроженца Китабского района (в 7 км от Шахрисабза), служившего в то время в звании туксоба и бывшего непосредственным свидетелем казни Восе.

Согласно его рассказу, когда в Шахрисабз доставили пленного Восе, эмир, встретившись лицом к лицу с героем восстания, не выдержал его мужественного бесстрашного взора. Он закричал: «Чоп!». Палач, стоявший с обнажённой саблей за спиной, со всей силой опустил её на голову Восе. А затем эмир повелел тело Восе с рассечённой головой вздёрнуть на виселице¹.

По мнению А. Мухтарова, сам факт желания эмира увидеть Восе своими глазами и лично участвовать при его казни, свидетельствует о масштабе и силе события, потрясшего весь эмират, поставившего под угрозу его существование. Поэтому смертельно напуганный эмир приказал тут же зарубить Восе саблей².

Многие исследователи, в той или иной степени причастные к изучению восстания Восе, пытались определить причины его поражения. Не вдаваясь в подробное изложение мнения каждого из них, во избежание повторения выводов, считаем нужным ограничиться выявлением заслуг лишь тех авторов, мнение которых является наиболее обоснованным, объективным и обстоятельным.

Следует заметить, что при изложении своих соображений относительно причин проявления недовольства масс, с его последующим перерастанием в ожесточённое вооружённое столкновение, а также причин его поражения, наиболее чётко проявляется позиция самого исследователя, его политические взгляды.

Ряд исследователей в силу ограниченности своего научно-академического подхода пытался свести причины поражения восстания к отдельным событиям, не связывая их с комплексом факторов, приведших к такому исходу.

К примеру, А. Шаханшоев, впервые наиболее подробно изложивший ход восстания, выделяет следующие причины его поражения:

а) подосневшая помощь со стороны гиссарского бека, направившего отряд из своих наваров и гиссарских локайцев;

б) нехватка оружия у восставших;

в) использование официальными властями бандитов во главе с Тугаем против восставших;

г) прямая поддержка властей представителями духовенства;

д) предательство, совершённое отдельными участниками восстания (вроде Мухаммадали) ³.

Как видно, автор не смог раскрыть общую закономерность, касающуюся причин всех крестьянских восстаний, независимо от того, где они происходили. Это свидетельствует о его методологической ограниченности.

Б. Гафуров и Н. Прохоров, хотя и не вдаваясь в подробный анализ причин поражения восстания, указывали лишь на нерешительность восставших принимать быстрое и эффективное решение, в особенности после занятия Бальджуанской крепости. В частности, повстанцы не предприняли попыток призвать и сплотить вокруг себя трудовое население близлежащих бекств и пойти на активные действия. Добившись временного успеха, лидеры восстания не смогли подкрепить его в дальнейшем, что дало беку возможность использовать слишком длительную паузу (более трёх дней), колебания и нерешительности восставших для мобилизации антиповстанческих сил ⁴.

Важность этих исследований, несмотря на предельную краткость и кажущееся несовершенство, в одном: в них проявляется научный подход к историческим событиям. Их выводы свидетельствуют о материалистическом взгляде на причины поражения восстания. Не случайно, что именно Б. Г. Гафурову было суждено твёрдо встать на путь утверждения историзма в таджикской историографии.

Крайне ограниченный взгляд на причины поражения восстания прослеживается у Б. Шариф-заде. Согласно его утверждению, они в следующем:

а) наличии предателей среди восставших;

б) большом перевесе сил у правительственных войск ⁵.

Ю. Якубов, опираясь на рассказ участника восстания Бобо-Давлата, одной из причин поражения восстания считает лицемерие и обман бека, обещавшего Восе отменить взимание недоимок за предыдущие годы при том условии, если он прекратит свои действия и отпустит восставших. Не привыкший к обману, Восе был введён в заблуждение: не смог он раскусить тактическую хитрость бека. После того, как, опасаясь окончательного поражения, бек покинул крепость, он направил лазутчика Кабири Нофа, которого, якобы, не любил, к Восе с известием о том, что остатки его войск направились в сторону Гиссара. Уверенный в удачном исходе действий и ничего не подозревавший Восе,

стал преследовать бека. Но, переправившись со своим отрядом через реку Сурхоб, Восе попал в засаду. Оказавшись в ловушке, Восе не смог пустить в действие промокшие фитильные ружья. Начался рукопашный бой. Повстанцы, хотя и дали достойный отпор силам Аллаяра и Раджаб-бая, тем не менее, понеся серьёзный урон, вынуждены были отступить.

Понеся большие потери, Восе направился в Шурабдару. Впоследствии, когда уже не было возможности вновь собраться с силами и продолжать боевые действия, Восе вынужден был выбрать безопасное место за водопадом на горе Калотти-зард, которое и послужило ему последним убежищем⁶.

Основываясь на беседе с упомянутым участником восстания Давлатом Собировым, сотрудник Института языка и литературы им. А. Рудаки АН Республики Таджикистан Р. Ахмедов также подтверждает факт о лживом обещании бальджуанского бека, переданном через Кабирни Нофа, о прощении восставших. Вместе с тем, бек активно был занят разжиганием местных разногласий. Так, он обещал локайцам, которые примут участие в подавлении восстания, хорошие пастбища. В качестве посредника в этой акции беком был использован тот же Аллаяр.

А. Саидов и Д. Бердиев считают, что существенное влияние на поражение восстания оказали служители религии. Последние, выступая перед недовольными крестьянами, уверяли их, что представители власти ничего лишнего, что противоречит шариату, не требуют, а Восе является богоотступником, что он, якобы, своими действиями попирает законы шариата. Согласно мнению данных авторов, это не могло не воздействовать на часть участников и попутчиков, примкнувших к восставшим. Кроме того, по обоснованному, твёрдому убеждению исследователей, духовенство совместно с представителями администрации стремилось разжечь национально-этнические конфликты, прежде всего между таджиками и узбеками⁷.

Опираясь на рассказы местных жителей, Ф. Абдулвохидова в качестве главных причин поражения восстания Восе полагает отсутствие у восставших необходимого вооружения и предательство со стороны отдельных участников восстания⁸.

В то время, как многие исследователи в качестве аргументов для обоснования причин поражения восстания ограничиваются отдельными фактами, на их взгляд, кажу-

пнимися серьёзными и даже основными, академик А. Мухтаров стремится более детально и комплексно разобраться в этом вопросе. Согласно его мнению, с чем нельзя не согласиться, причины поражения восстания кроются прежде всего в следующем:

а) отсутствии навыков тактики ведения боя у вожаков восстания и его ближайших друзей из руководящего ядра повстанцев;

б) отсутствии у восставших соответствующего вооружения, чтобы противостоять правительственным войскам;

в) неперерастании восстания во всеобщее выступление, к которому могли присоединиться трудящиеся близлежащих селств. По имеющимся данным, попав под влияние представителей духовенства, в восстании не участвовали даже жители селения Мадар из Ховалингского амлякдарства, общей численностью 210 семей. Против восставших активно вели работу служители 9 мечетей, обслуживавшие 10 селений, и служители мазара (мавзолея) Хазрати-Султон, которые имели огромное влияние на массы;

г) активном участии в восстании представителей местной администрации, духовенства, средних и мелких чиновников, которые намеревались получить выгоду из создавшейся ситуации и были готовы в любое время пойти на предательство;

д) использовании властями больших сил правительственных войск, находящихся в Бальджуане, Гиссаре, Кулябе, и присланных им в подмогу частей из Бухары;

е) умелом разжигании со стороны властей национально-этнических интересов, проявлявшихся прежде всего в противопоставлении местных трудящихся-таджиков и узбеков;

ж) недостаточной мобилизационной работе руководителей восстания среди беднейших слоёв населения близлежащих районов;

з) отсутствии у руководства восстания чёткой структуры местного управления, отличавшейся от существующего режима⁹.

Таким образом, приведённые выше А. Мухтаровым причины поражения восстания наиболее полно отражают объективный исход событий. Всё это в очередной раз свидетельствует о тех закономерностях, которые одинаково действовали и были присущи крестьянским восстаниям феодального периода.

Причины поражения данного и подобных восстаний кроются прежде всего в стихийном их характере. Ф. Энгельс

в работе «Крестьянская война в Германии» отмечал, что крестьяне «... действовали в каждой провинции на собственный страх и риск, постоянно отказывая в помощи соседним восставшим крестьянам, и потому поочерёдно истреблялись в отдельных сражениях войсками, численность которых не достигала даже десятой части всей массы восставших»¹⁰. Глубоко изучивший природу крестьянских восстаний, В. И. Ленин видел причины их поражения в незосиательности массы, неопределённости политических требований, то есть без стремления изменить государственные порядки. И они подавлялись, потому что не были подготовлены¹¹.

Несмотря на поражения, подобные крестьянские войны не проходили напрасно и бесследно в истории тех или иных народов. Эти события являлись стабилизирующими факторами, сдерживающими стремление класса имущих к обогащению путём безудержного усиления эксплуатации трудового народа.

Проходя школу жестокой борьбы за сохранение своего человеческого достоинства, трудящиеся массы, несомненно, получали уроки смелости, бесстрашия и уверенности в своих силах, с которыми вынуждены были считаться как местные феодалы, так и представители центральных властей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, историографический взгляд на степень изученности восстания Восе, занимающее особое место в истории борьбы трудового народа против класса эксплуататоров, приводит к выводу о том, что данное событие не могло оставить равнодушным учёных и представителей творческой интеллигенции.

Прослеживая этапы изучения восстания, нетрудно заметить, что начало было положено литературоведами-фольклористами. Главное, что побудило их к изучению этого события — это профессиональный интерес к отражению его в устном народном творчестве, главным образом в «Песнях о восстании Восе».

Большую роль в популяризации восстания и его руководителя играли писатели и поэты, которые стремились воссоздать реалистический образ народного героя.

Историческое исследование события несколько отставало от литературоведческого. И это не случайно. Оно было связано с общим процессом развития исторической науки в республике, которая вплоть до 40-х годов, в силу ряда объективных причин, отставало от литературоведения. Последнее опиралось на твёрдый фундамент дореволюционных традиций, которые послужили базой или исходной точкой для становления и развития советского литературоведения, истоков которого стоял С. Айни, сыгравший также большую роль и в развитии исторической науки в Таджикистане.

В последующем, точнее, начиная с 40-х годов, в изучении восстания Восе ведущую позицию стали занимать исследователи-историки. Этому способствовало становление и развитие исторической науки в республике.

Отдавая должное заслугам отдельных исследователей в изучении проблемы, вместе с тем приходится осознавать, что она заслуживает большего, чем было сделано поныне. В этом плане историографический анализ показывает отставание исторической науки в разработке данного вопроса.

Тщательному изучению не подвергался, на наш взгляд, даже такой крайне ценный источник, как цикл «Песни о восстании Восе». Обстоятельно не проанализированы политическая и социально-экономическая ситуация, на фоне которых развернулось восстание. Немало разногласий имеется по таким деталям, как масштабы восстания, число его участников, их действия, структура управления повстанцами, влияние повстанцев на соседние бекства и множество

других вопросов, анализ которых позволил был представить более полную картину.

Следует выразить надежду, что при современном научном потенциале и интенсивном пополнении сведений о восстании можно, да и нужно, создать труд, достойный памяти Восе и его сподвижников, всех соотечественников, которые пожертвовали своими жизнями во имя торжества дела добра и справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1. Более подробно об этом восстании см.: Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1907).— Душанбе, 1963.— С. 95—96.
2. ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 48, л. 51—52, более подробный текст донесения см.: Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.— Ч. II.— Душанбе, 1963.— С. 107; см. также: История таджикского народа.— Т. II.— Книга вторая.— М.: «Наука», 1964.— С. 195; вести об этом восстании были опубликованы и в газете «Туркестанские ведомости».— 1870, № 7.
3. Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— С. 217.
4. Там же.— С. 217—218.
5. ЦГВИА.— Ф. 1438.— Оп. 1, д. 18А, 565.
6. Яворский И. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.— СПб., 1883.— С. 370.
7. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— Изд. 3.— М., 1955.— С. 431—432.
8. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. //Изв. РГО.— Т. 52.— Вып. 10, 1916.— С. 802.
9. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. II.— С. 263.
10. Подробнее см.: Стеценко И. А.— Указ соч.— С. 103—104; Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в.; Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сбор. статей.— Ташкент, 1955.— С. 18—23.
11. См.: Юсупов Ш. Народные волнения в Бальджуанском бекстве накануне восстания Восе. //Изв. АН Тадж. ССР. Серия «Востоковедение, история, филология».— 1988.— № 1 (9).— С. 42.
12. Там же.— С. 43.
13. Архив внешней политики России (далее АВПР).— СПб, Главный архив.— 1—9.— Д. 10.— Л. 334—341.
14. Там же.— Л. 344.
15. Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства.— Душанбе, 1959.— С. 81.

16. Логофет Д. Н. Страна бесправия.— СПб, 1909.— С. 50.
17. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 800.
18. Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. III.— СПб, 1905.— С. 584.
19. Варыгин М. А. Указ. соч.— С. 800; см. также: Логофет Д. Н. Страна бесправия.— С. 50; он же: Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. I.— С. 257—258; он же: Бухарская армия. «Разведки».— 1905.— № 831.— С. 704—705.
20. ЦГВИА.— Ф. 483.— Оп. 1.— Д. 132.— Л. 184.
21. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. II.— СПб, 1911.— С. 264.
22. Логофет Д. Н. Указ. соч.— С. 264.
23. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.— Ч. II.— С. 347.
24. Логофет Д. Н. Указ соч.— С. 266.
25. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.— Ч. II.— С. 324.
26. Там же.
27. Подробно о восстании Каландаршо см.: Маджлисов А. Каратегин накануне установления Советской власти.— С. 98—105.
28. Искандаров Б. И. Указ соч.— С. 347.

✓ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

1. См.: Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX—начале XX вв.— Душанбе—Алма-Ата: «Ирфон», 1967.— С. 25.
2. Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.).— Душанбе: «Дониш».— С. 70.
3. Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. I.— СПб, 1911.— С. 262.
4. Гейр И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— С. 108.
5. Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае (протокол № 1) общего годовичного собрания отд. РГО от 14 марта 1905 г.) // Известия Туркестанского отделения

- Русского географического общества (далее — Изв. Турк. отд. РГО).— Т. VII.— 1907.— С. 158.
7. См.: Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства. // Военный сборник.— 1890.— № 12.— С. 314—414; см. также: Яворский Н. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.— СПб, 1882.— С. 37.
 8. Логофет Д. Н. Указ. работа.— С. 240; см. также: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч.— Т. II.— Ч. I.— М., 1963.— С. 431.
 9. Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства.— С. 414.
 10. Семёнов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки) // Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— С. 974.
 11. См. подробнее: Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 242; точные данные о должностных лицах, которые имелись при беке, даются А. Р. Маджлисовым, см.: Маджлисов А. Р. Аграрные отношения...— С. 49—51.
 12. Логофет Д. Н. Указ соч.— С. 243.
 13. Кузнецов. Дарвоз.— С. 69.
 14. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. // Изв. РГО.— Т. 52.— Вып. 10.— 1916.— С. 793.
 15. Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае.— С. 156.
 16. Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства конца XIX — начала XX вв. // Труды АН Тадж.ССР.— Т. 114.— Сталинабад, 1959.— С. 37.
 17. Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае.— С. 155.
 18. Кроме навкаров, в промежуточную социальную прослойку И. А. Кисляков относит низшее духовенство, учащихся медресе, писцов-секретарей (мирзо) и других административно-должностных лиц. См.: Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения у оседлого населения Бухарского ханства. (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов).— М.: Изд. восточной литературы, 1960.— С. 39.
 19. Капитан Кузнецов. Дарвоз.— 1893.— С. 70.
 20. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 262.
 21. Семёнов А. А. По границам Бухары и Афганистана

- //Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— С. 974.
22. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 796.
 23. Семёнов А. А. Указ соч.— С. 974.
 24. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 796.
 25. Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— С. 305.
 26. Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— С. 71.
 27. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 315.
 28. Нечаев А. В. По горной Бухаре.— СПб., 1914.— С. 74—75; см. также: Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— С. 72; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 245.
 29. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. II.— Душанбе, изд. АН Тадж.ССР, 1963.— С. 24.
 30. Нечаев А. В. По горной Бухаре.— С. 74.
 31. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. II.— СПб., 1911.— С. 61.
 32. Семёнов А. А. По границам Бухары и Афганистана.— С. 977.
 33. Гейер Н. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— С. 109.
 34. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 793.
 35. См.: Керимов Г. М. Шарнат и его социальная сущность.— М., «Наука», 1978.— С. 173.
 36. Во всяком случае, в материале, имеющемся в нашем распоряжении, термин «хумс» не обнаружен.
 37. Керимов Г. М. Шарнат и его социальная сущность.— С. 173.
 38. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— Изд. третье.— М., Госполитиздат, 1955.— С. 441.
 39. Различие между налогами зякет ал-фитра и садака заключается в том, что первый конкретно определяется шарнатом: размер и время выплаты с наступлением вечера в день разговения по случаю окончания поста рамазан. Он состоит из одного саа, что примерно 3 кг зерновых продуктов или же их стоимости в виде денег за каждого взрослого члена семьи. Что касается садака

- (милостыня), то его разрешается взимать в неограниченном размере в любое время (см.: Керимов Г. М. Шарнат и его социальная сущность.— С. 183).
40. Согласно шарнату, обложено закотом подлежат девять конкретных предметов: 1) пшеница, 2) ячмень, 3) финики, 4) виноград и изюм, 5) золото, 6) серебро, 7) верблюды, 8) крупный рогатый скот, 9) мелкий рогатый скот; см.: Керимов Г. М. Указ. соч.— С. 179.
 41. Более подробно о размерах и правилах шарната по взиманию закота см.: Маджлисов А. Р. Аграрные отношения в Восточной Бухаре.— С. 193—195; Керимов Г. М. Шарнат и его социальная сущность.— С. 179—183.
 42. См.: Маджлисов А. Р. Указ. соч.— С. 194; Керимов Г. М. Указ. соч.— С. 184—186.
 43. Для сбора специально шили особые широкополые рубашки. Об этом пишет Маев Н. А. Архив Географического общества СССР (далее — Архив ГО), р.-89, оп. 1, д. 8, л. 88*.
 44. Архив ГО.— Р. 89.— Оп. 2.— Д. 8.— Л. 88.
 45. Там же.
 46. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане.— С. 449—450; см. его же: Дарваз и Каратегин//Военный сборник, 1883, № 11.— С. 150—151. Следует заметить, что в более поздних работах фамилия автора приводится как Арндаренко.
 47. Это, по всей вероятности, сверх того, что они брали без учёта.
 48. Арандаренко Г. А. Указ. работа.— С. 451.
 49. Арандаренко Г. А. Указ. соч.— С. 448.
 50. Цит. по Акрамову Н. М. Вопросы археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского.— Душанбе, «Ирфон», 1974.— С. 59.
 51. Васильев, капитан. Краткое статистическое описание Каратегинна.— С. 23—24.
 52. Васильев, капитан. Указ. соч.— С. 23.
 53. Кузнецов, капитан. Дарвоз.— С. 72.
 54. Там же.— С. 72—73.
 55. Там же.
 56. Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— С. 108—109.

* Во избежание путаницы и ошибок название архивов даются по-старому.

57. «Лак» или «ляк» — индийское слово, перешедшее в таджикский диалект; 1 лак был равен 100 тыс. тенгги или 16 тыс. рублей по курсу того времени.
58. Семёнов А. А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки, 1898 г.) // Исторический очерк. — Т. 87. — 1902. — С. 979—980.
59. Бендерский Н. А. О гиссарском крае. // Изв. Турк. отд. РГО. — Т. 1. — Ташкент, 1907. — С. 155.
60. Сборник материалов по Азии. — Вып. 79. — СПб., 1906. — С. 136—146.
61. Снесарев А. Е. Восточная Бухара. — С. 135.
62. Там же. — С. 135—136.
63. Там же. — С. 136—137.
64. Там же. — С. 138.
65. Снесарев А. Е. Указ. соч. — С. 138.
66. Там же. — С. 138—139.
67. Там же.
68. Там же. — С. 142.
69. Такое количество, менее 40 баранов, по нормам шарната не подлежит обложению закотом.
70. Снесарев А. Е. Указ. соч. — С. 142—146.
71. Нечаев А. В. По горной Бухаре. — С. 96—97; см. также: Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство. — С. 66—67.
72. Снесарев А. Е. Восточная Бухара. — С. 146.
73. См.: Логофет Д. Н. Страна бесправия. — СПб., 1909. — С. 144; его же: В горах и на равнинах Восточной Бухары. — С. 144—150; его же: Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т. 1. — С. 246, Т. II. — С. 66—67 и др.
74. Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — С. 150.
75. Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство. — С. 61—67.
76. Там же. — С. 63.
77. Гаевский П. Указ. соч. — С. 68; см. также: Логофет Д. Н. Страна бесправия. — С. 49.
78. Гаевский П. Указ. соч. — С. 64—65.
79. Там же. — С. 65—66.
80. Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. — С. 109.
81. Дмитриев Г. А. Правовое положение индийских выходцев в Средней Азии (вторая половина XIX — начало

- XX вв.)//Научные труды ТашГУ.— Вып. 293.— Ташкент, 1967.— С. 63.
82. Логофет Д. Н. Страна бесправия.— С. 49.
83. См.: Семёнов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства// Труды САГУ.— Сер. 11.— Вып. 1.— Ташкент, 1929.— С. 11—17, 47; Маджлисов А. Р. Каратегини нақилуне установления Советской власти.— С. 74—75; он же: Аграрные отношения в Восточной Бухаре.— С. 196—199; Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в.// Из истории Средней Азии.— Ташкент, 1965.— С. 5 (примеч.); Кушматов А. Деҳқонони тоҷик дар охири асри XIX ва ибтидои асри XX.— Душанбе: «Ирфон», 1996.— С. 206—265.
84. Мухторов А. М. Машъал// Адабиёт ва санъат.— № 11.— 17, март с. 1988; см. его же: Марди шӯҷоъ// Тоҷикистони Советӣ.— 17 март с. 1988.
85. Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА).— Ф. 1369.— Оп. 2.— Д. 1484.— Л. 75.
86. ЦГА УзССР.— Ф. 3.— Оп. 1.— Д. 441.— Л. 2. Приводится по кн.; Маджлисов А. Р. Аграрные отношения с Восточной Бухаре.— С. 202.
87. Логофет Д. Н. Страна бесправия.— С. 52.
88. Там же.
89. Там же.— С. 54; см. его же: Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. II.— С. 67.
90. См.: Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана.— Душанбе, 1976.— С. 42.
91. См.: Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство.— С. 67.
92. Логофет Д. Н. Страна бесправия.— С. 48.
93. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 793.
94. Снесарёв А. Е. Восточная Бухара.— С. 71.
95. Там же.
96. ЦГИА УзССР.— Ф. 3.— Оп. 1.— Д. 186.— Л. 334.
97. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 793.
98. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. I.— С. 66—67.
99. Снесарёв А. Е. Восточная Бухара.— С. 145.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

1. К примеру, см.: Гафуров Б., Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. (Очерки истории таджиков и Таджикистана).— Сталинабад, 1944.— С. 154—155; Прохоров Н. Восстание Восе//Коммунисти Тоҷикистон.— 23 сентября 1945 г.
2. См.: Шохашоев А. Материалҳо доир ба шӯриши Восеъ//Барои адабиёти социалисти.— 1935.— № 1.— С. 16—17.
3. См.: Искандаров Б. И. Восстание Восе//Сталинская молодёжь.— 13 октября 1954 г.; он же: Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе//Известия отд. общ. наук АН Тадж.ССР.— Вып. 4.— 1953.— С. 90; Шарифзода Б. Шӯриши Восеъ//Шарки Сурх.— 1956.— № 3.— С. 92; Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.).— Душанбе, 1963.— С. 108 и др.
4. Стеценко И. А. Из истории народного движения.— С. 107.
5. См.: Яъкубов Ю. Нақли Бобо Давлат//Тоҷикистон.— 1962.— № 7.— С. 20—21.
6. Мухсинова Қ. З. Новое о восстании Восе//Общественные науки в Узбекистане.— 1963.— № 10.— С. 52—53.
7. Сандов А., Бердиев Д. Қиёми халқ//Комсомоли Тоҷикистон.— 11 марта с. 1988.
8. Мухторов А. Машъал//Адабиёт ва санъат.— № 11. 17 марта с. 1988.— С. 6.
9. Холов Н. Аз забони Лукмои//Тоҷикистони Советӣ.— 28 июля с. 1988.

ВОССТАНИЕ ВОСЕ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННОКОВ

1. Знакомство с положением образования в Бухарском эмирате, вообще, и восточной его части, в особенности, приводит к убеждению, что определённое число людей в самых отдалённых селениях могли получать простую грамоту в частных школах, которые обычно открывали при мечетях представители духовенства, или у себя дома, что и служило источником, приносившим им про-

- питание. В столицах бекства были медресе, которые давали среднюю религиозную грамоту. Поэтому не исключена возможность, что среди восставших были грамотные люди.
2. Айни С. Воспоминания.— М.:Изд-во АН СССР, 1966.— С. 758.
 3. «Песни» составляют свыше трёхсот строк.
 4. См.: Восеънома.— Душанбе: «Ирфон», 1985.— С. 23.
 5. Там же.— С. 35.
 6. Имеется в виду крайнее обеднение народа.
 7. Восеънома. Составитель и автор предисловия: Шермухаммадов Б.— Душанбе: «Ирфон», 1985. В дальнейшем все таджикские песни (тексты) приводятся по данной работе.
 8. Песни о Восе (в переводе В. Любина)//Антология таджикской поэзии с древнейших времён до наших дней.— М.: Госиздат, 1951.— С. 58. (В дальнейшем переводы «Песни о восстании Восе» приводятся по данной работе).
 9. Восеънома.— С. 28—29.
 10. Антология таджикской поэзии.— С. 58.
 11. Т. е. Нурек.
 12. Построчный перевод автора.
 13. Рахимӣ С. Таронаҳои халқӣ дар хусуси шӯриши Восеъ//Роҳбари дониш.— 1930.— № 1.— С. 6—7.
 14. Болдырев А. Дар боран шӯриши Восеъ//Барои адабиёти социалистӣ.— 1936.— № 1.— С. 14; см. также: Исмаиӣ О. Адабиёти даҳонакӣ.— Сталинобод, 1934.
 15. Бузургзода А., Чалилов Р. Инъикоси шӯриши Восеъ дар фолклор.— Сталинобод—Ленинград, 1941.
 16. См.: Фолклори тоҷик (составители Туреун-заде М. и Болдырев А. Н.).— Сталинабад, 1957 и последующие издания.
 17. Восеънома.— Душанбе; «Ирфон», 1985.— С. 127.
 18. См.: Восеънома.— С. 92—114.
 19. Ёкубов Ю. Нақли Бобо Давлат (рассказ Бобо Давлата)//Тоҷикистон.— 1962.— № 7.— С. 20—21; Мухтаров А. М. Рассказ участника восстания Восеъ Собирова Давлата//Из истории народных движений в Средней Азии. (Сборник статей).— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 26—31; его же: Машъал (факел)//Адабиёт на санъат.— № 11.— 17 марта 1988 г.; его же: Марди майдон//Газетан муаллимон.— 17 июня с. 1988.
 20. Ёкубов Ю. Нақли Бобо Давлат.— С. 21; Ахма-

- дов Р. Марди майдон//Газетаи муаллимон.— 18 июли с. 1988.
21. Якубов Ю. Указ. раб.— С. 21.
22. Там же.
23. Якубов Ю. Накли Бобо Давлат.— С. 21; Ахмадов Р. Марди майдон// Газетаи муаллимон.— 18 июли с. 1988.
24. Мухтаров А. М. Рассказ участника восстания Восе Собирова Давлата.— С. 27.
25. См.: Хусейнов М. Набери Восеъ (Внук Восе)//Комсомоли Тоҷикистон.— 16 март с. 1988.
26. См.: Мухторов А. М. Машъал//Адабиёт ва санъат.— № 11.— 17 март с. 1988.— С. 6.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. О периодизации развития исторической науки в республике см.: Масов Р. М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 51—93.
2. Масов Р. М. История исторической науки.— С. 76
3. Рахимӣ С. Таронаҳои халқӣ дар хусуси Восеъ//Роҳбари дониш.— 1980.— № 1.— С. 6—7.
4. Болдырев А. Дар бораи шӯриши Восеъ//Барои адабиёти социалистӣ.— 1936.— № 1.— С. 14—15.
5. Шоханшоев А. Материалҳо оид ба шӯриши Восеъ//Барои адабиёти социалистӣ.— 1936.— № 1.— С. 15—17; № 2.— С. 32—35. Ввиду того, что данная статья по объёму да и по содержанию превосходит другие подобные статьи, считаем, что справедливо будет назвать её работой, так как понятие работа, на наш взгляд, означает нечто более солидное, чем статья.
6. Шоханшоев А. Материалҳо оид ба шӯриши Восеъ//Барои адабиёти социалистӣ.— 1936.— № 2.— С. 32.
7. Рукопись датирована: шабана 1330 г. (июль 1912).
8. Бартольд В. В. Занятия в Туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г.//Сочинения.— Т. VIII.— М., Изд-во восточной литературы, 1973.— С. 454—455.
9. См. в частности: Мухторов А. М. Машъал (баъде лаҳзаҳои ноаёни шӯриши Восеъ)//Адабиёт ва санъат.— № 11.— 17 март с. 1988.— С. 6.
10. Акубджанов Е., Зелинский И. Восстание Восе//Коммунист Таджикистана.— 15 июля 1939 г.

11. Зокиров Д. Шуриши Восеъ//Бо роҳи Ленин.— 1030 — № 12.— С. 21—22.
12. Прохоров Н. Восстание Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 11 декабря 1940 г.; Фаньян Д. и Прохоров Н. Документы о восстании Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 15 мая 1941 г.
13. См.: Фаньян Д. и Прохоров Н. Документы о восстании Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 15 мая 1941 г.
14. Гурсунзода М., Дехотй М. Шуриши Восеъ.— Сталинобод—Ленинград, 1941.
15. Бузургзода Л., Чалилов Р. Иинъикоси шуриши Восеъ дар фолклор.— Сталинобод—Ленинград: Госиздат, 1941; см. также: Джалилов Р. Героическая страница прошлого (в кн.: Восстание Восеъ).— М.—Л., 1941.— С. 5—7.
16. Гафуров Б., Прохоров Н. Таджикиский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. (Очерки истории таджиков и Таджикистана).— Сталинабад, 1944.— С. 212.
17. Масов Р. М. История исторической науки.— С. 76—77.

ВОССТАНИЕ ВОСЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 40-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х ГОДОВ

1. Гафуров Б. Таърихи мухтасари халки тоҷик.— Сталинобод: Госиздат, 1947.— 384 сах. О популярности этого труда свидетельствует тот факт, что за сравнительно короткий срок он в переводе на русский язык издавался в Москве (Госполитиздат) 3 раза (1949, 1952, 1955 гг.).
2. Гафуров Б. Указ. соч.— С. 373—375.
3. О Н. Масъуми см.: Исмаатуллоев М. Педагог, олимп ва инсонии комил.— Душанбе: «Ирфон», 1986.— 96 сах.
4. Масъумӣ Н. Шуриши Восеъ ва сурудҳои таърихӣ// Шарки Сурх.— 1950.— № 11.— С. 117—131.
5. Известия Академии наук Таджикской ССР, отделение общественных наук (в дальнейшем — Изв. АН Тадж. ССР, отд. общ. наук).— Вып. 4.— 1953.— С. 85—95.
6. Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана.— С. 85.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.— С. 89—90.

10. См.: Искандаров Б. И. Восстание Восе//Сталинская молодёжь.— 13 октября 1954 г.
11. Шарифзода Б. Шӯриши деҳқонон бо сардорони Восеъ//Коммунисти Тоҷикистон.— 1955.— № 9.— С. 24—31; он же: Шӯриши халқӣ//Садон Шарк.— 1956.— № 3.— С. 88—97.
12. Шарифзода Б. Шуриши Восеъ // Шарқи Сурх.— 1956.— № 3.— С. 93—94.
13. См.; История таджикского народа (в 3-х томах, пяти книгах).— Т. II.— Книга вторая.— Поздний феодализм (XVII в. — 1917 г.).— Изд-во «Наука», 1964.— С. 225—227; История Таджикской ССР (учебное пособие).— Душанбе: «Ирфон», 1965.— С. 173—175.
14. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Часть II.— Душанбе: изд-во АН Тадж.ССР, 1968.— С. 93—121; Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начала XX вв. (1870—1917 гг.).— Душанбе: изд-во АН Тадж.ССР, 1963.— С. 105—111; Юсупов Ш. Т. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX — начале XX вв.//Труды АН Тадж.ССР.— Т. 41.— Душанбе: изд-во АН Тадж.ССР, 1964.— С. 91—99.
15. Мухсинова К. З. Новое о восстании Восе.//Общественные науки в Узбекистане.— 1963.— № 10.— С. 52—55; Документы крестьянских движений в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в.//Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сб. статей.— Ташкент, изд-во «Наука», 1965.— С. 5—23.
16. Правда, его работа стала объектом критики. В частности см.: Мухтаров А. М. Научная работа без научных основ // Коммунист Таджикистана.— 22 октября 1964 г.
17. Стеценко И. А. Из истории народных движений.— С. 108.
18. Шоханшоев А. Материалҳо онд ба шӯриши Восеъ //Барои адабиёти соғналистӣ.— 1936.— № 1.— С. 17.
19. Восстание крестьянских масс в Таджикистане.— С. 90
20. Стеценко И. А. Из истории народных движений.— С. 108.
21. Там же.— С. 110.
22. Мухсинова К. З. Крестьянское движение в Бухарском ханстве последней половины XIX в. (Автореферат кандидатской диссертации).— Ташкент, 1966.

23. Там же.— С. 23.
24. Там же.— С. 17.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.— С. 18.
28. О том, что конвой несколько задержался в этом селении, имеется рассказ очевидца. Об этом см.: Рассказ Содика Нур-заде. Ба Лакайбегӣ овардани Восеъ//Восеънома.— С. 94; Гадоев Т. Кахрамони халқ (о рассказе жителя селения Лакайбеги Бобо-Даллата, очевидца события)//Машъал.— 1958.— № 12.— С. 3—4.
29. Исмаилова С. Возвращаясь к главной дате//Вечерний Душанбе.— 25 апреля 1988 г.
20. См.: Юсупов Ш. К вопросу о источниках//Вечерний Душанбе.— 25 июля 1988 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ О ВОССТАНИИ ВОСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х — 80-х ГОДОВ

1. См.: Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX вв.— Душанбе—Алма-Ата: «Ирфон», 1967.— С. 289—291; Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.)— Душанбе: «Дониш», 1976.— С. 42—46; История Таджикской ССР. (Учебное пособие для вузов).— Второе издание.— Душанбе: «Маориф», 1983.— С. 126—127; Юсупов Ш. Юго-восточные районы Таджикистана во второй половине XIX в.//Таджикская ССР — юбилейное издание.— Второе издание.— Душанбе; Таджикская Советская Энциклопедия.— 1984.— С. 91—92 и др.; см. также: Тальман Р. О. Восстание Восе (к 90-летию со дня начала восстания)//Календарь знаменательных и памятных дат Таджикской ССР на 1975 г.— Душанбе, 1974.— С. 118—121; Календарь знаменательных и памятных дат Таджикской ССР на 1985 г.— Душанбе, 1984.— С. 100.
2. Суфиев А. Набарад банду қилода шарафи шерп жаси //Мақтаби совети.— 1976.— № 11.— С. 12—15.
3. Шарипов А. Под предводительством Восе//Кулябская правда.— 25 октября 1985 г.
5. Статья А. Суфиева, судя по содержанию, написана и помощь учителям литературы средних общеобразователь-

- ных школ республики и трудно судить, что она дала им в методическом плане, но как исследовательская работа она явно не получилась. То же самое можно сказать в отношении статьи А. Шарипова, рассчитанной на широкую аудиторию читателей Кулябской области.
6. См.: Восеънома.— С. 125—127.
 7. Мухторов А. Машъал. (Баъзе лаҳзаҳои ноаёни шӯриши Восеъ)//Адабиёт ва санъат.—№ 11.— 17 март с. 1988; он же: Марди шучоъ. (Ҳикояти иштирокчи шӯриш Давлат Собиров) // Тоҷикистони Советӣ.— 17 март с. 1988; он же: Рассказ участника восстания Восе Сабирова Давлата (запись 1961 г.)//Из истории народных движений в Средней Азии (Сб. статей).— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 266—310; его же: Саъдон рӯзи маҳшар //Адабиёт ва санъат.— № 34.— 25 августа с. 1988.— С. 4; Бабаханов М. Против тьмы угнетения//Коммунист Таджикистана.— 16 марта 1988 г.; Ҳусейнов М. Даран Мухтор. Наберан Восеъ//Комсомоли Тоҷикистон.— 16 март с. 1988; он же: Дар Ҳовалинг чинорест//Комсомоли Тоҷикистон.— 10 апрели с. 1988; Табаров С. Достони шохиди зинда//Адабиёт ва санъат.— 1988.— № 13.— С. 14; Юсупов Ш., Шарифов Ш. Қорнамон Саида//Комсомоли Тоҷикистон.— 8 март с. 1988; он же: Народные волнения в Бальджуанском бекстве накануне восстания Восе//Изв. АН Тадж.ССР. Серия «Востоковедение, история, филология».— 1988.— № 1.— С. 41—45; он же: К вопросу о неточностях//Вечерний Душанбе.— 28 июня 1988 г.; Пирумшоев Х. В памяти народной//Агитатор Таджикистана.— 1988.— № 9.— С. 7—10; Исмаилова С. Возвращаясь к главной дате//Вечерний Душанбе.— 25 апреля 1988 г.; Саидов А., Бердиев Д. Қиёми халқӣ//Комсомоли Тоҷикистон. 11 март с. 1988; Чумъаев Ш. Таълими романи «Восеъ»-и С. Улузода дар синфи X //Мақтаби советӣ.— 1988.— № 66.— С. 28—36; Сӯфиев А. Ҳамрадифи таърих//Адабиёт ва санъат.— № 34.— 25 августа с. 1988. С. 6 и др.
 8. Пример бесстрашия его участницы Саиды и двух неизвестных её подруг ясно свидетельствует о накале народной ярости даже в условиях строжайших запретов шарната, согласно которым женщине непозволительно было появляться в обществе мужчин. Но гордые женщины, набравшись смелости и рискуя быть убитыми не только представителями власти, но и религиозными фа-

натками, вооружившись, боролсь за справедливость. Нет сомнения в том, что это вдохновляло их отцов, братьев и мужей на решительные действия. (См.: Юсупов Ш., Шарифов Ш. Корпоман Саида//Комсомоли Тоҷикистон.— 8 март с. 1988).

9. Из истории народных движений в Средней Азии.— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 96—106.

СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ

1. См.: Мухтаров А. М. Рассказ участника восстания Восе Собирова Давлата//Из истории народных движений в Средней Азии.— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 27—29; он же: Марди шӯҷоъ//Тоҷикистони Советӣ.— 17 март с. 1988; Холов И. Аз забони луқмон//Тоҷикистони Советӣ.— 28 июли с. 1988; Акубджанов Е., Зелеранский Г. Восстание Восе//Коммунист Таджикистана.— 15 июня 1989 г.
2. См.: Бабаханов М. Против тьмы и угнетения//Коммунист Таджикистана.— 18 марта 1988 г.
3. Мухтаров А. М. Рассказ участника восстания Восе Собирова Давлата.— С. 27.
4. См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Изд. 2-е.— Т. 7.— С. 435.
5. Искандаров Б. И. Восстание Восе//Сталинская молодёжь.— 13 сентября 1954 г.
6. Холов И. Чанги Восеъ бо душманон; он же: Аз забони луқмон//Тоҷикистони Советӣ.— 18 июли с. 1988.
7. Шоханшоев А. Материалҳо оид ба шӯриши Восеъ//Барои адабиёти сошалистӣ.— 1936.— № 2.— С. 32.
8. См.: Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе//Известия отд. общ. наук АН Тадж.ССР.— Вып. 4.— 1953.— С. 91.
9. Семёнов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени//Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.— Вып. 11.— Труды АН Тадж.ССР.— Т. XXV.— Сталинабад, 1954.— С. 55—56; см. также: Семёнов А. А. Восстания против правительства в XIX — начале XX вв. (извлечение из указанного труда)//Из истории народных движений в Средней Азии (сб. статей, посвящ. 100-летию восстания Восе).— Душанбе:

«Дониш», 1988.— С. 34.

Этот же факт подтвердил один из участников восстания Бобо Давлат Собиров при беседе с Ю. Якубовым. См.: Накли Бобо Давлат//Тоҷикистон.— 1962.— № 7.— С. 21.

10. Там же, примечание 4.

11. Мухсинова Қ. З. Новое о восстании Восе//Общественные науки в Узбекистане.— 1963.— № 10.— С. 52—55; она же (Хакимова Қ. З.): Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в. (по материалам архива Кушбеги — эмира бухарского). Автореферат дисс. на соиск. канд. ист. наук.— Ташкент, 1966.— 22 с.

12. См.: Мухсинова Қ. З. Новое о восстании Восе.— С. 53—56.

13. См.: Шарифзода Б. Шуриши деҳқонон бо сардорин Восеъ//Коммунисти Тоҷикистон.— 1955.— № 9.— С. 28. Следует заметить, что этот автор указывает на Белака как на отца Восе; см. он же: Шуриши Восеъ//Шарқи Сурх.— 1956.— № 3.— С. 92; Табаров С. Омӯзиши шаҷаран Восеъ зарур аст//Минбари халқ.— 11 декабри с. 1987.

14. См.: Восеънома.— С. 18.

15. См.: Зокиров Л. Шуриши Восеъ// Бо роҳи ленинӣ.— 1939.— № 12.— С. 21; Прохоров Н. Восстание Восе//Коммунист Таджикистана.— 11 декабря 1940 г.

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ ВОССТАНИЯ В ТАДЖИКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. См.: Коммунист Таджикистана.— 12 февраля 1988 г.
2. См.: История Таджикской ССР (пособие для вузов республики, изд. второе).— Душанбе: «Маориф», 1983.
3. Календарь знаменательных и памятных дат Таджикской ССР на 1975 г.— Душанбе, 1974.— С. 108—121; Календарь на 1985 г.— Душанбе, 1984.
4. Энциклопедияи советии тоҷик.— Ч. 1.— С. 687.
5. Во всяком случае, согласно тем материалам, которыми мы располагаем, С. Рахими первым в официальной печати выступил с этим мнением. Не исключено, что до этого были какие-нибудь незначительные сообщения или заметки в печати, но их, на наш взгляд, не следует считать исследовательскими.
6. Раҳимӣ С. Таронаҳои халқӣ дар хусуси шӯриши Во-

- ёсь//Роҳбари Дониш.— 1930.— № 1.— С. 5.
7. См.: Болдырев А. Дар бораи шӯриши Восеъ//Барои адбиёти социалистӣ.— 1936.— № 1.— С. 14.
 8. См.: Акубджанов Е., Залеранский И. Восстание Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 15 июня 1939 г.; Зокиров Л. Шӯриши Восеъ//Бо роҳи Ленин.— 1939.— № 12.— С. 21—22; Прохоров Н. Восстание Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 11 декабря 1940 г.
 9. Фаньян Д., Прохоров Н. Документы о восстании Восеъ//Коммунист Таджикистана.— 15 мая 1941 г.
 10. Там же.
 11. Там же.
 12. См.: Фаньян Д., Прохоров Н. Документы о восстании Восеъ.
 13. Там же.
 14. См.: Гафуров Б. Г., Прохоров Н. Таджикиский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. (Очерки истории таджиков и Таджикистана).— Сталинабад: Госиздат, 1944.— С. 154—157.
 15. Гафуров Б. Таърихи мухтасари халқи тоҷик.— Сталинабад: Госиздат, 1947.— С. 373.
 16. Труд этот переведён на таджикский язык и издан в двух томах (редактор А. Мухтаров, в переводе А. Манниязова и Н. Холмухаммедова).— Т. 1 и 2.— Душанбе: «Ирфон», 1983.— 702 с.; 1985.— 444 с.; о восстании Восеъ см.: Т. 2.— С. 215.
 17. См., напр.: Маъсумӣ Н. Шӯриши Восеъ ва сурудҳои таърихӣ.— С. 117; Раджабов З. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в. (краткий очерк).— Сталинабад: изд-во Минпроса, 1951.— С. 13; Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восеъ.— С. 90 и др.
 18. Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана.— С. 92.
 19. См.: Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана.— Душанбе: «Дониш», 1976.— С. 45—46.
 20. Полный текст документа см.: Семёнов А. А. Восстание против правительства в XIX в.— начале XX в.// Из истории народных движений в Средней Азии. (Сб. статей).— Душанбе: «Дониш», 1988.— С. 33—34.
 21. Там же.

22. Там же.—Примеч. 4.—С. 34.
23. Шарифзода Б. Шӯриши Восеъ//Шарки Сурх.—1956.—№ 3.—С. 95.
24. Там же.—С. 96.
25. Таджикистан, 1958.—№ 7.—С. 16.
26. Стеценко П. Разгадка одной исторической даты.—С. 16.
27. Там же.
28. Стеценко И. А. Из истории народного движения в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX вв. (1870—1917 гг.).—Душанбе: изд-во АН Тадж.ССР, 1963.—С. 103—110.
29. Там же.—С. 105.
30. Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане.—С. 107.
31. См.: Мухтаров А. Научная работа без научных основ // Коммунист Таджикистана.—22 октября 1964 г.; Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре.—С. 289—291.
32. См.: Мухсинова К. З. Документы о крестьянском восстании.—С. 18.
33. Там же.
34. См.: Литвинский Б. А., Мухторов А. Таърихи РСС Тоҷикистон (учебное пособие для 7—8 классов).—Пятое дополн. издание.—Душанбе: «Маориф», 1988.—С. 92—93.
35. АВПР, ф. СПб., Главный архив.—1—9.—Оп. 111.—Д. 10.—Л. 155.
36. Эти неурожайные годы часто повторялись в 80-е годы. Точно также было накануне крупного восстания 1885 года, которое отождествлялось с восстанием Восе.
37. См.: Юсупов Ш. Народные волнения в Бальджуанском бекстве накануне восстания Восе.—С. 41—45.
38. АВПР, ф. СПб., Главный архив.—1—9.—Д. 10.—Л. 313.
39. Там же.—Л. 310.
40. Там же.—Л. 329—330.
41. Там же.—Л. 331 об.
42. Там же.—Л. 332.
43. Там же.—Л. 333 об.
44. Там же.
45. Там же.—Л. 334.
46. О том, что Мулла Васич есть тот же Восе, свидетельствует, что в действительности народ с любовью называл своего предводителя «Мулло» (в простонародье «Мул-

- ло», помимо прямого обозначения «богослужитель», указывало на мудрого, знающего и умелого руководителя; см.: Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата — С. 77). Что касается «Васич», то правильно указывает К. З. Мухсинова, что это искажённая форма от «Восеъ». Ошибка, вероятно, происходила из-за того, что переводчики-татары произношение «Восеъ» (с твёрдым знаком в конце) переводился как «Васич». См.: Мухсинова К. З. Новое о восстании Восе.— С. 54.
47. АВПР, ф. СПб., Главный архив.— 1—9.— Д. 10.— Л. 342.
48. Там же.— Л. 344.
49. Хакимова К. З. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в. (Автореферат канд. дисс.).— С. 18.
50. АВПР, ф. СПб., Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 7 (Донесения политического агента в Бухаре о положении дел в Бухарском ханстве и сопредельных с ним независимых среднеазиатских владениях).
51. Фролов В. В. Куляб (путеводитель).— Душанбе: «Ирфон», 1983.— С. 13.

О ВОССТАНИИ ВОСЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. См.: Фитрат. Шурши Восеъ // Адабиёт ва санъат.— № 34.— 25 августа с. 1988.— С. 8.
2. Демидчик Л. Н. Образ Восе в драматургии // Из истории народных движений в Средней Азии.— С. 84.
3. См.: Демидчик Л. Н. Образ Восе в драматургии.— С. 85.
4. Дехоти А. и Турсун-заде М. Как мы создавали либретто // Коммунист Таджикистана.— 12 апреля 1941 г.
5. Кадырова Б. И. «Восстание Восе». Первая таджикская опера // Из истории народных движений в Средней Азии.— С. 128.
6. См.: Худойдодзода Достони Восеъ // Восеънома.— Душанбе: «Ирфон», 1985.— С. 56—58.
7. См.: Табаров С. Достони шохиди зинда // Адабиёт ва санъат.— № 13.— 31 марта с. 1988.— С. 14.
8. Перевод автора.
9. См.: Қаноат М. Достони оташ.— Душанбе: «Ирфон», 1967.— С. 7—13; его же: Қатли Восеъ // Осори мунтахаб.— Чилди якум.— Душанбе: «Ирфон», 1982.— С. 135—136; Мирзо Ф. Рӯхи Восеъ // Ашъори

- мунтахаб.— Ҷ. 1.— Душанбе: «Ирфон», 1979.— С. 245—247; его же: Шаршараи Восеъ.— Душанбе: «Ирфон», 1979.— С. 67; Ш е р а л ӣ М. Хайқали Восеъ//Раҳтуша.— Душанбе: «Ирфон», 1977.— С. 53—54; Б а с и р Р. Қадамгоҳи Восеъ//Нидон дӯст.— Душанбе: «Ирфон», 1981.— С. 42; Б о з о р С о б и р. Ғазои Восеъ//Адабиёт ва санъат.— 24 ноябри с. 1988.— С. 7.
10. Қ а н о а т М. Достони оташ.— С. 7—13.
 11. Там же.— С. 55—57.
 12. С о б и р Б. Ғазои Восеъ//Адабиёт ва санъат.— № 47.— 24 ноябри с. 1988.— С. 7.
 13. Ш у к у р о в М. Насри реалистӣ ва таҳаввули шуури эстетикӣ.— Душанбе: «Ирфон», 1987.— С. 429; см. так же: Ш у к у р о в М. Насри солҳон 1945—1974. Инкишофи жанрҳои Ғаърихи адабиёти советии тоҷик (дар ҷилдҳои 6).— Ҷ. IV.— Душанбе: «Дониш», 1980.— С. 204—205, 244—245.
 14. У л у г - з а д е С. Восэ (роман).— М.: «Советский писатель», 1980.— С. 89. Следует заметить, что писатель, как автор, в большинстве переведённых его книг на русский язык переводится как «Улуг-заде», что и придерживается нами в тексте. То же самое можно сказать об имени Восе, которое в русском варианте автором приводится как «Восэ», тогда как по всей переведённой на русский язык литературе приводится как «Восе», чем руководствуемся и мы в настоящей работе.
 15. У л у г - з а д е С. Восэ.— С. 38.
 16. См.: там же.— С. 23.
 17. Там же.— С. 39.
 18. Там же.
 19. Там же.— С. 273.
 20. См.: Б о б о е в Ю. Қахрамони халқ//Газетани муаллимон.— 3 сентябри с. 1988.
 21. Уместно отметить, что методике изучения романа «Восэ» в X классе общеобразовательной школы посвящены интересные, на наш взгляд, статьи. См.: Ч у м ъ а е в Ш. Таҳлими романи «Восеъ»-и С. Улуғзода дар синфи X //Мақтаби советӣ.— 1988.— № 6—С. 28—36; А л и д о н ш о е в Д. Таҳлими романи «Восеъ»-и Сотим Улуғзода дар синфи X//Мақтаби советӣ.— 1988.— № 8.— С. 20—25.

ЛИЧНОСТЬ ВОСЕ

1. Песня о Восе (в переводе В. Любина)//Антология таджикской поэзии с древнейших времён до наших дней.— М.: Госиздат — «Художественная литература», 1951.— С. 58.
2. Об этом событии в 1986 году академику А. Мухтарову сообщил 88-летний Ятим Рахимов из селения Шахмизон, расположенном недалеко от Ховалшига. См.: Мухтаров А. Машъал//Адабиёт ва санъат.— № 11.— 17 марта с. 1988.— С. 6.
3. См. там же.
4. Ёкубов Ю. Накли Бобои Давлат//Тоҷикистон.— 1962. № 7.— С. 26; Саидов А., Бердиев Д. Киёми халқ //Комсомоли Тоҷикистон.— 11 марта с. 1988.
5. См.: Писломов О. Пирак — ҳамсафи Восеъ // Тоҷикистони Советӣ.— 20 августа с. 1988.
6. Восеънома.— С. 16 (в нашем переводе).
7. Сурхешкова. Назвише моставизи в таркибу.
8. Косоглазый Салим. Соратник Восе и активный участник восстания.
9. Това — выпеченное тесто на перегретых камнях.
10. Сардар — в переводе буквально: руководитель, начальник (перевод наш).
11. Восеънома — С. 26 (перевод наш).
12. См.: Песня о Восе (перевод В. Любина)//Антология таджикской поэзии.— С. 58.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ВОССТАНИЯ

1. Мухтаров А. М. Рассказ участника восстания Восе Собирова Давлата//Из истории народных движений в Средней Азии.— Душанбе, 1988.— С. 30—31.
2. Там же.— С. 31.
3. См.: Шоҳаншоев А. Материалҳо онд ба шуриши Восеъ//Барои адабиёти бачагона.— 1936.— №2.— С. 34—35; № 3.— С. 27—28.
4. Гафуров Б., Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины.— С. 155—156; См. также; Прохоров Н. Восстание Восе //Коммунист Таджикистана.— 11 декабря 1940 г.
5. Шарифзода Б. Шуриши деҳконон бо сардорони Восеъ//Коммунисти тоҷикистон.— 1955.— № 9.— С. 29; он же: Шуриши Восеъ//Шарқи Сурх — 1956.— № 3.— С.

- 91—95; см. также: Холов И. Аз забони Лукмон//Тоҷикистони Советӣ.— 23 июли с. 1988.
6. Ғубов Ю. Накли Бобо Давлат//Тоҷикистон — 1992 — № 7 — С. 21.
 7. Саидов А., Бердиев Д. Киёми халқӣ//Комсомоли Тоҷикистон.— 11 март с. 1988.
 8. Абдулвоҳидова Ф. Дар хотири мардум//Ғазали муаллимон.— 3 сентябри с. 1988.
 9. Мухторов А. Машъал//Адабиёт ва санъат.— № 11. — 17 март с. 1988.
 10. Маркс К., Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Сочинения.— 2-е изд.— Т. 7.— С. 435.
 11. Ленин В. И. К деревенской бедноте//Полн собр соч.— Т. 7.— С. 196.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы, имеющие отношение к восстанию Восе, взяты из Архива внешней политики России, Архивного управления МИД Российской Федерации (АВПР).

1. Донесения Политического Агента о положении дел в Бухарском ханстве и сопредельных с оным независимых среднеазиатских владениях:

МИД.

Императорское Российское
Политическое Агентство в
Бухаре.

3 марта 1886 г. № 108
г. Ташкент.

Господину Туркестанскому
генерал-губернатору.

Имею честь представить
при сём Вашему Высоко-
превосходительству копию
с перевода сведений, полу-
ченных начальником Зе-
равшанского округа из
Бухары и Ширабада.

Политический Агент:
Н. Чарыков.

Сведения из Бухары, полученные 10 февраля 1886 г.

Посланный его Превосходительством в Дарваз, Куляб, Бальджуан и Хиссар на смену командированного туда ещё покойным эмиром Абдулхалимбеком саркарда — Абдулкадырбек-парманачи с двумя тысячами сарбазов, как известно, перешёл уже Бальджуан и теперь находится всего только в 7-дневном расстоянии от Дарваза; по приходе Абдулкадырбека в Дарваз Абдулхалимбек саркарда должен будет вернуться в Бухару.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 23.— Л. 8.

2. Донесение Политагента в Бухаре.

Копия перевода о сведениях из Бухары, полученных 14 августа 1886 г.

Его Высочество находится в городе, по приказанию зарезаны в цитадели семь воров.

Шахрисябзский бек Астанакул назначен на место гиссарского тюри, а гиссарский тюри назначен начальником Байсуна.

Халмурадбек, отправленный в Гиссар с 50 должностными лицами, вернулся в Бухару, как и Абдулхалимбек, посылавшийся в Куляб в качестве гарнизона.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 23.— Л. 150—150 об.

3. Копия с рапорта Самаркандского уездного начальника от 4-го июня 1887 г. за № 3779 г. военному губернатору Самаркандской области.

Повсюду на Аму-Дарье полный неурожай и чрезвычайная дороговизна всех продуктов продовольствия. В бухарских бекствах спокойно. Каратегинский бек Рахманкул-парваначи отозван и замещён Батыркулом-парваначи.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 155.

4. Копия со сведений из Бухары, полученных 13 июля 1888 г. относительно Бухары:

Отправившийся в Бальджуан Акрамбек с 30-ю войсками, находится теперь у байсунского Тюраджана, дальше в Бальджуан не идёт, так как там население, говорят, отложилось.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 313.

5. Копия со сведений из Бухары, полученных 19 июля 1888 г. относительно Бухары:

Сарбазы и артиллерия выступили, сам лично Его Высочество находится в Карши. Прежде выступление войск Акрамбека саркарда с одной тысячей сарбазов и двенадцатью амадарами над сарбазами, отправлен в Бальджуан, где племя льякай, населяющее Бальджуан, отложилось. Садыкбек, начальник Бальджуана, людьми из племени льякай застрелен, вместе с ним убито четыре человека сарбазов в Бальджуане. Абдул-Алимбек с одной тысячей сарбазов стоит в Дарвазе. Двести человек сарбазов в Кулябе и сто человек в Бальджуане.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 329.

6. Копия со сведений из Бухары от 21-го июля 1888 г.:

Тысяче человек сарбазов из Шахрисябза выступить в Бальджуан. Акрамбек, отправившийся в Хиссар, остаётся пока в пределах Байсуна и живёт с находящимися при нём людьми в кишлаке Дербене. Отложившееся племя льякай остаётся всё ещё в одном и том же положении.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 330.

7. Копия из сведений от 28 июля 1888 г., полученных из Бухары:

В Бальджуане и Хиссаре, говорят, воцарилось полное спокойствие, виновники, говорят, бежали в Бадахшан. Аста-накулбек в Бальджуане занял место убитого Садык-бека, все же остальные саркарды спокойно находятся на своих местах и заняты службою.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 331 об.— 332.

8. Копия со сведений из Бухары от 31 июля 1888 г.:

...Тысячу человек сарбазов отправил в Куляб и Бальджуан, из которых 80 человек, измученные переходами по жаре, говорят, дорогой умерли.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 332 об.

9. Копия со сведений из Бухары от 3 августа 1888 г.:

Астанакулбек-кушбег хиссарский, выступив с войсками в Дарваз и Бальджуан, отложившихся покорил. Из тысячи человек сарбазов, которые Его Высочеством были отправлены из Карши в Хиссар, 80 человек, измученные переходами по жаре, во время следования умерли.

В стороне Хиссара воцарилось теперь полное спокойствие.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 333 об.— 334.

10. Копия со сведений из Бухары от 6-го августа 1888 г.:

Абдужалилбека Его Высочество назначил начальником в Ширабаде, Абдулкадырбека — начальником в Бальджуане, Астанакул-кушбег хиссарский из отложившихся бальджуанцев захватил 130 человек преступителей, арестовал их и отправил в Шахрисябз к Его Высочеству, покорив всё отложившееся население.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 334 об.

11. Копия со сведений из Бухары от 17 августа 1888 г.:

Его Высочество находится в Шахрисябзе, куда съезжались и представлялись ему все беглые курганов. Астанакулбек-кушбег прислал Его Высочеству из Бальджуана в Шахрисябз 130 человек арестованных.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 341 об.

12. Копия с рапорта Самаркандского уездного начальника от 16/19 августа 1888 года, № 5083 ГИД Военному губернатору Самаркандской области:

Пенджагентский участковый пристав рапортом за № 714 донёс мне о слухах из Хиссара следующее: кулябцы, живущие в местности Шураб-Дара, недовольные действиями бека, сборщика якета, говорят, действительно было возмущались. При этом шурабдарвины, высказав прежнему сборщику лично реповинование, вместо него назначили некоего Мулла Васица.

Астанакулу диван-беги, явившемуся с отрядом для подавления, местные жители, как говорят, в городе Бальджуане сначала даже отважились оказать сопротивление. В этом столкновении, по слухам, с обеих сторон по несколько человек будто даже убито, но это сопротивление продолжалось всего часа два, затем бунтовщики, не выдержав натиска отряда диванбеги, обратились в бегство.

Главный зачинщик Мулла Васиц, говорят, бежал, по известию участников этого беспорядка пойманы.

Помимо того представители тамошного населения, говорят, явились к диванбеги с повинной, причём, заявив полное своё раскаяние по поводу происходивших недоразумений, возвратились по своим местам. Заволами диванбеги всё успокоилось, сам же диванбеги, лично наблюдая за сбором якета, находится ещё в Кулябе.

Подписали полковник Арендаренко, секретарь Изманлов. Скрепил писмоводитель Соколов.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 342 об.

13. Копия со сведений из Бухары от 17 августа 1888 г. относительно Бухары:

Его Высочество находится в Шахрисябзе, куда съехались и представились ему все беки курганов. Астанакулу диванбеги прислал Его Высочеству из Бальджуана в Шахрисябз 130 человек арестованных...

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 341 об.

14. Копия со сведений из Бухары, полученных 27 августа 1888 г.

Из числа бальджуанских злоумышленников 40 человек по приказанию Его Высочества преданы смертной казни в Бальджуане, а двое старших были преданы смертной казни в Китабе.

15. Письмо Н. Королькова Нестеровскому:

Секретно

Военный губернатор
Ферганской области.

4 октября 1888 г.

№ 7272

г. Новый Маргелан.

Копия с копии.

Милостивый государь
Константин Александрович!
(Нестеровскому — X. П.)

Вследствие письма Вашего превосходительства от 7 июля текущего года № 400 имею честь уведомить, что только что прибывшие из Каратегина торговцы рассказывают о случае убийства в Бальджуане сборщика зякета следующее:

Каратегинский бек, по приказанию эмира послал одного из почётных лиц для сбора зякета с горных кочевников с местности, подведомственной кулябскому беку. Зякетчи, приехав в кишлак Ховалинг (вероятно, зимовки калик) и собрав старших людей, потребовал взноса зякета, но старшины ответили, что народ не имеет денег, а потому просит принять зякет скотом, но зякетчи, ввиду полученного им приказания, не согласился на это предложение и настаивал на взносе зякета деньгами, тогда собравшиеся жители начали угрожать зякетчи и вместе с тем будто бы отправили от себя несколько человек в Кабул просить заступничества у Абдурахман-хана.

Зякетчи, видя, что народное волнение принимает опасный характер, дал знать об этом в Бальджуан, тамошнему саркарда, прося его помощи, куда вслед бежал и сам.

Бальджуанский саркарда, получив эти известия, немедленно двинулся с имеющимися при нём сарбазами в Ховалинг, где и имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района горячую схватку, причём с обеих сторон были раненые и убитые, а в числе последних и зякетчи.

По другим же рассказам, зякетчи, дав знать в Бальджуан о волнении народа, сам остался в Ховалинге, где и был убит ещё до прихода помощи из Бальджуана, а некоторые утверждают, что зякетчи действительно бежал из Ховалинга и был убит по дороге около Бальджуана. Затем после дела саркарда под Ховалингом подоспела помощь из Гиссара и восстание было подавлено, а главные виновники схвачены и отправлены в Бухару.

Причину восстания жители Кулябского бекства объясняют происками Абдул-Малик бека (один из сыновей покойного эмира), проживающего в Бадахшане, который, опираясь будто бы на содействие афганского эмира, имеет сношения с кулябским беком Сара-ханом относительно отделения в его, Абдул-Малик бека, пользу всей горной области Бухары, с подчинением этой местности Абдурахман-хану, причём обещал Сара-хану в вечное управление Кулябское бекство.

Насколько объяснения эти справедливы — утверждать трудно, тем не менее, судя по народным в Карагегине слухам, происки афганцев через посредство разных недовольных бухарским эмиром лиц и иных претендентов имеют место. Так, между прочим, рассказывают, что перед этим случаем в Кулябское бекство явился зякэтчи (впоследствии убитый) и схватил этого казня, а иные говорят, что и убил, то население взбунговалось и отказалось платить зякэт, впоследствии чего и был описанный выше случай.

Примите уверения и проч. (подпись) Н. Корольков.

С подлинником верно (подписал) делопроизводитель Фёдоров.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 389—390 об.¹

16. Выписка из копии донесения Политагента Чарыкова начальнику Азиатского департамента МИД России от 31 декабря 1888 г. № 1173, г. Бухара, № 52 от 24 декабря:

..Миновавшим летом было волнение, которое только прекращено энергичными мерами гиссарского бека Астанакул-кушбеги.

АВПР.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— Д. 10.— Л. 29 об.

¹ Как известно, документы (мы старались не внести изменения редакционного порядка, сохранив их стиль изложения) составлены на основе сообщения из вторых и третьих рук. Поэтому они не лишены ряда неточностей. В частности, ввиду того, что информаторы в основном представляли сведения через переводчиков-татар, естественно, не имеющих представлений об этническом составе кулябского населения, то считали составших представителями племени локайцев, и в последнем сообщении (№ 15) и каликами. Достаточно противоречивы сведения и о масштабе восстания, его массовом характере, его руководителе. Причём Восе упоминается два раза по имени «Музда Васич».

Для нас важны эти сообщения в том плане, что: а) все эти информации, судя по их частым поступлениям, говорят о помощи, которая поступала из Бухары и Гиссара для подавления восставших. Наконец, сообщение в документе (14) о том, что саркарда «имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района горячую схватку», свидетельствует о крупном крестьянском восстании; б) они важны для определения даты восстания. Документы недвусмысленно свидетельствуют о том, что восстание произошло всё же в 1888 году, а не в 1885 году, как утверждали исследователи вплоть до кануна 100-летнего юбилея восстания, который отмечался в 1988 году.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо предисловия	3
Социально-экономические предпосылки восстания	15
Причины восстания	35
Восстание Восе в устном народном творчестве и рас- сказах современников	40
Первые публикации	49
Восстание Восе в советской историографии второй половины 40-х — первой половины 60-х годов	56
Исследования о восстании Восе второй половины 60-х — 80-х годах	66
Социальный и национально-этнический состав участ- ников восстания	68
Проблемы датировки восстания в таджикской исто- риографии	75
О восстании Восе в художественной литературе	86
Личность Восе	96
Причины поражения восстания	101
Заключение	108
Примечания	110
П р и л о ж е н и я	132

ИСТИНА

Пирумшоев Хайдаршо

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОССТАНИЯ ВОСЕ

Ответственный редактор — академик *Р. М. Масов*
Редактор — *В. В. Фролов*
Технический редактор — *А. Хасанова*
Художник — *С. Пирумшоев*

Сдано в набор 4.05.98. Подписано к печати 25.09.98. Заказ № 339.
9 печ. л. Формат 60×84¹/₁₆. Тираж 2 000.

Душанбе,
Издательство «Маориф»